

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА». МОСКВА
№ 23 ИЮНЬ 1979





Во время встречи в Будапеште.

ВИЗИТ ДР

Проводы на Внуковском аэродроме.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!




ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2708)

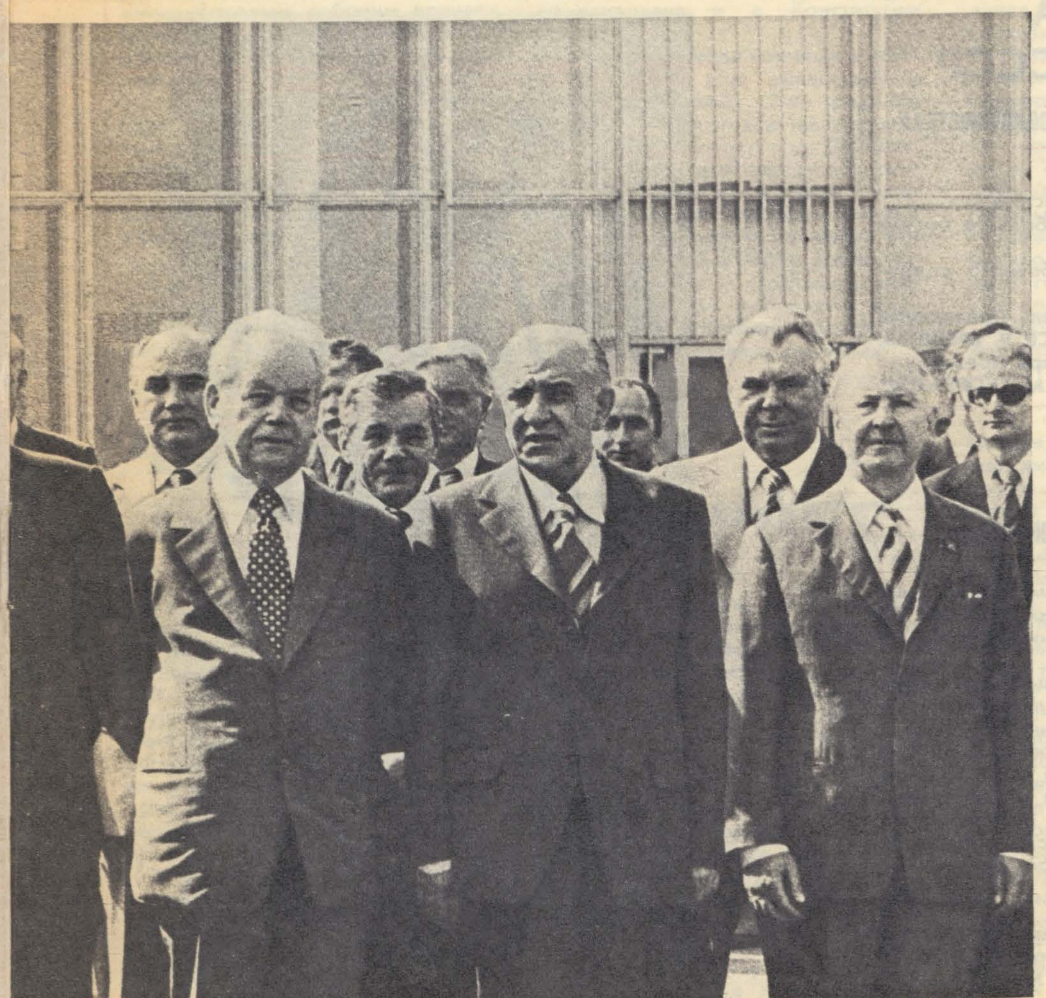
2 ИЮНЯ 1979



Телефото В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА (ТАСС)

УЖБЫ

Фото А. ГОСТЕВА



30 мая из Москвы в Венгерскую Народную Республику с официальным дружественным визитом по приглашению Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии, Президиума ВНР и Совета Министров ВНР отбыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

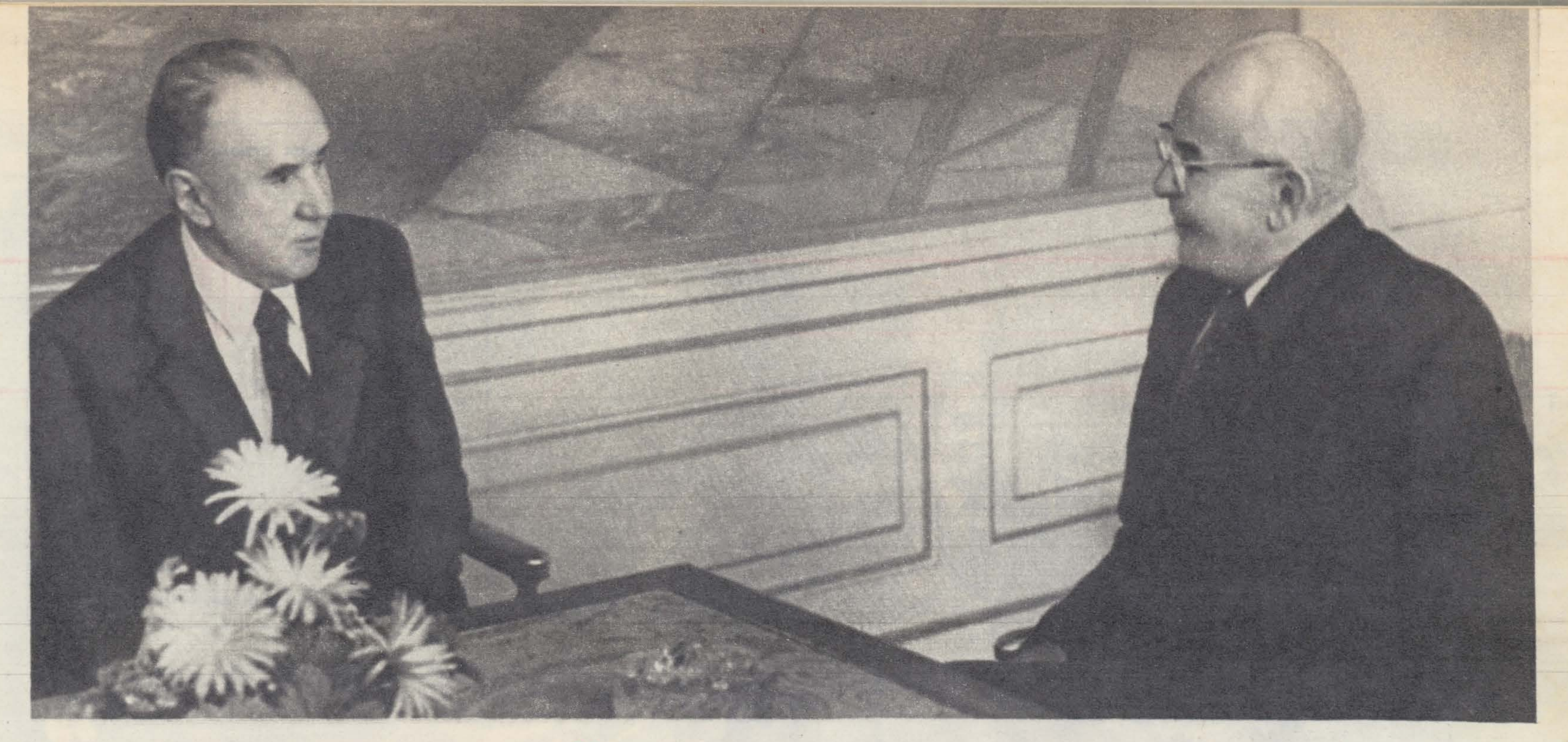
В составе делегации — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины В. Ф. Добрик, член ЦК КПСС, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Советского Союза, делегацию провожали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев и другие официальные лица.

Вместе с делегацией отбыли член ЦК КПСС, заведующий Отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

В тот же день делегация прибыла в Будапешт. В аэропорту Ферихедь советскую партийно-правительственную делегацию встречали Первый секретарь Центрального Комитета ВСРП Янош Кадар, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Президиума ВНР П. Лошонци, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров ВНР Д. Лазар, члены Политбюро ЦК ВСРП Д. Ацел, В. Бенке, Б. Биску, Ш. Гашпар, Л. Мароти, К. Немет, Д. Немеш, М. Овари, И. Хусар, И. Шарлош и другие официальные лица.

Жители венгерской столицы по-особому тепло приветствовали Леонида Ильича Брежнева как истинного друга венгерского народа, как человека, сделавшего много для мира и социализма, для укрепления дружбы между Венгрией и Советским Союзом.



ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

По приглашению Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР с 22 по 25 мая 1979 года в ЧССР находился с дружественным визитом член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Во время пребывания в ЧССР А. Н. Косыгин ознакомился с достижениями чехословацкого народа в строительстве развитого социалистического общества, претворении в жизнь решений XV съезда КПЧ. Он посетил машиностроительный комбинат «Шкода» имени В. И. Ленина в городе Пльзень, принял участие в торжественном собрании строителей атомной электростанции в Ясловске-Богунице, построенной при техническом содействии Советского Союза.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин имел встречу с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, прошедшую в сердечной, товарищеской обстановке. Состоялись переговоры с членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства ЧССР Л. Штроугалом, которые выявили единство взглядов и взаимопонимание по обсуждавшимся вопросам.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин пригласил члена Президиума ЦК КПЧ, Председателя правительства ЧССР Л. Штроугала посетить Советский Союз с дружественным визитом. Приглашение было принято с благодарностью.

25 мая в Пражском Граде состоялось вручение товарищу А. Н. Косыгину ордена Клемента Готвальда. Этой высшей государственной награды ЧССР он удостоен за большие заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между КПСС и КПЧ, народами СССР и ЧССР.

При вручении высшей государственной награды ЧССР выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак. Он сердечно поздравил А. Н. Косыгина с высокой наградой и передал теплые пожелания от чехословацких коммунистов, от трудящихся республики.

25 мая член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин возвратился из Праги в Москву.

На Внуковском аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол ЧССР в СССР Ч. Ловетинский.

На снимке: во время беседы с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

Фото спец. корр. ТАСС В. Кошевого.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об учреждении медали «За укрепление боевого содружества»

Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

1. Учредить медаль «За укрепление боевого содружества».
2. Утвердить положение о медали «За укрепление боевого содружества».
3. Утвердить описание медали «За укрепление боевого содружества».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 25 мая 1979 г.

ПОЛОЖЕНИЕ

о медали «За укрепление боевого содружества»

1. Медалью «За укрепление боевого содружества» награждаются военнослужащие, работники органов государственной безопасности, внутренних дел и другие граждане государств — участников Варшавского Договора, а также других социалистических и иных дружественных государств за заслуги в укреплении боевого содружества и военного сотрудничества.

2. Награждение медалью «За укрепление боевого содружества» производится от имени Президиума Верховного Совета СССР Министром обороны СССР, Министром внутренних дел СССР, Председателем Комитета государственной безопасности СССР. Повторное награждение медалью не производится.

Вместе с медалью награжденному вручается удостоверение к медали установленной формы.

3. Медаль «За укрепление боевого содружества» носится на левой стороне груди и при наличии орденов и других медалей СССР располагается после юбилейной медали «60 лет Вооруженных Сил СССР».

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.



СЛАВНОЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ



Фото Л. Якутина

Торжественное собрание, посвященное 60-летию Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, состоялось 25 мая в Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, заведующий отделом ЦК КПСС Н. И. Савинкин, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, заместители министра обороны СССР, представители партийных, советских и общественных организаций, Маршалы Советского Союза и родов войск, генералы и адмиралы, ветераны-политработники.

Под аплодисменты присутствующих И. В. Капитонов огласил приветствие ЦК КПСС политорганам, командирам и политработникам Советской Армии и Военно-Морского Флота.

С докладом выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев.

Участники собрания направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

(ТАСС)

ВНИМАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

ПОМНИТЬ О ПОДВИГЕ ОТЦОВ

Недавно я присутствовал на комсомольском собрании в народном музее локомотивного депо станции Москва-Сортировочная — родины нашего первого субботника. Молодым рабочим вручали комсомольские билеты. Стоя у стендов с документами, рассказывающими о Великом почине, ребята слушали выступления ветеранов труда о незабываемых днях первых пятилеток. Именно здесь, в музее, где все дышит историей, с особой силой и наглядностью ощущалось, как молодость страны прикасалась сердцем к подвигу отцов, принимала их эстафету.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится о том, что надо воспитывать молодежь «на революционных, боевых и трудовых традициях партии и народа». Верность революционным традициям как государственный принцип зафиксирована и в Конституции СССР.

Традиции, уходя корнями в историю, служат дню нынешнему и дню завтрашнему. Эти традиции глубоко вошли во всю нашу жизнь. На большинстве крупных промышленных предприятий, в воинских частях, во многих колхозах и совхозах созданы народные музеи. Там сосредоточены реликвии, повествующие об истории предприятия, о боевых и трудовых делах коллектива, там проводятся комсомольские собрания, происходит обряд посвящения в рабочие.

Широко распространены такие формы, как чествование ветеранов, их выступления на молодежных вечерах, чествование рабочих и хлеборобских династий. В походах комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы за минувшие годы участвовали десятки миллионов юношей и девушек.

Формирование научного мировоззрения, воспитание преданности и любви к Родине обязательно предполагают знание истории. Ребенок становится гражданином с той поры, когда он узнает, что родился и растет в первой стране социализма, узнает о Ленине, партии, о боевых и трудовых подвигах отцов и дедов, о далеком выстреле «Авроры»... Изучая историю, человек постигает глубину марксистско-ленинского учения о закономерности смены общественно-экономических формаций, неизбежности победы социализма во всемирном масштабе. Героическая история нашего народа, который первым сверг господство капитала, отстоял в тяжелейших войнах завоевания Октября, самоотверженным трудом превратил страну в могучую социалистическую державу, укрепляет чувство гордости за свою Родину, стремление отдавать все силы для ее дальнейшего подъема.

«Сердцевиной идеологической, политико-воспитательной работы было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения, беззаветной преданности делу партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма»,— говорится в постановлении ЦК КПСС. Из этих слов с достаточной очевидностью вытекает мысль о роли и месте исторической науки в выполнении задач, намеченных партией.

Нет сомнения, что наша общественность, выполняя постановление ЦК КПСС, поднимет пропаганду славных традиций партии и народа на новый, более высокий уровень. А советских ученых постановление ЦК обязывает шире и действенней использовать исторические знания в деле коммунистического воспитания.

Ю. ПОЛЯКОВ,
член-корреспондент АН СССР,
доктор исторических наук

ЧТОБ НИКТО НЕ СТОЯЛ В СТОРОНЕ

Как только в газетах было опубликовано постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», собралась партийная группа нашего участка. Мы обсудили свои задачи в связи с этим постановлением. Ему посвятили и заключительные в нынешнем учебном году занятия в сети партийного и комсомольского политпросвещения.

О чем говорили? Постановление ориентирует на то, чтобы использовать в воспитательной работе все доступные коллективам формы и средства. И тут нам всем есть над чем подумать.

Большую пользу приносят выступления на актуальную тему руководителей завода. У нас такие выступления проводятся не реже раза в месяц. Причем директор завода, главный инженер и другие выступают всегда непосредственно на участках, в бригадах — лучше получается контакт, живее завязывается разговор и некоторые из поднятых рабочими вопросов решаются тут же, что называется, без отрыва от производства.

Популярны в коллективе лекции на внутренние и международные темы, с которыми приходит на завод Леонид Александрович Иванов, пенсионер, бывший армейский политработник. С интересом и пользой занимаются рабочие в кружках, которые ведут Надежда Михайловна Корень, главный бухгалтер завода, Серафим Иванович Вязьмикин, председатель завкома, Александр Никитович Марченко, начальник отдела кадров...

Все то, о чем я сказал, конечно, влияет на производственные показатели предприятия, на трудовую дисциплину, на общественную активность людей. Но я не могу утверждать, что в воспитательной работе мы все нашли и все решили. Постановление ЦК КПСС как раз требует от нас, коммунистов, продолжать поиск. Больше всего нас на заводе заботит сейчас одно: как с массовыми мероприятиями совмещать индивидуальное воспитание. Ведь не секрет, есть в коллективе такие — и на лекции является, и политинформации слушает, и на собраниях присутствует, а как был лодырем, прогульщиком, выпивохой, так и остается. Мы хотим наладить шефство над такими. И поручить его в первую очередь лучшим, самым авторитетным производственникам, но в стороне от этого дела не должен стоять никто. Ждем помощи и от опытных педагогов, социологов, юристов. В частности, хотелось бы, чтобы печать, радио, телевидение больше выступали на воспитательные, правовые темы. Таких выступлений мало, и, к сожалению, они часто неконкретны, поверхностны.

Е. ЛОПАЩЕНКО,
слесарь Минского рессорного завода производственного объединения «Белавтомаз», член заводского комсомольского бюро



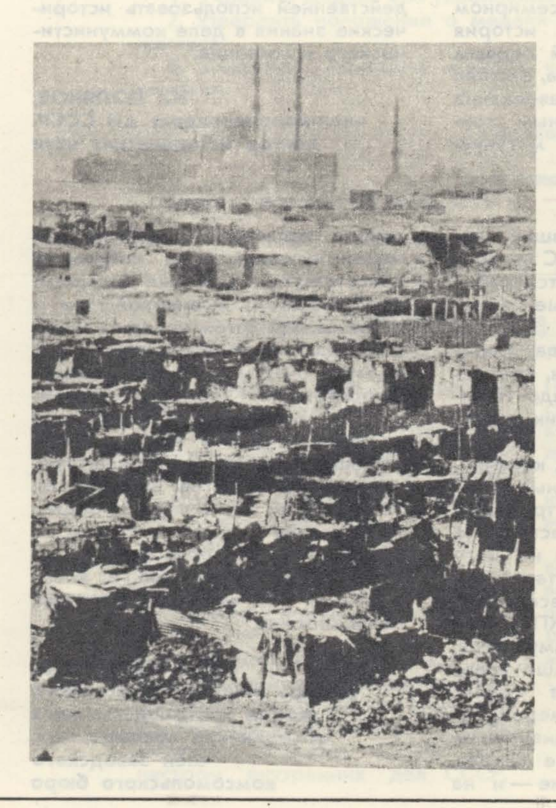
ПРОИЗВОЛ АГРЕССОРОВ

Продолжается произвол израильских завоевателей на оккупированных арабских землях. Военные власти жестоко расправляются со всеми, кто пытается оказать малейшее сопротивление или выразить протест против репрессий оккупантов. Чтобы «узаконить» оккупацию захваченных земель, подменить справедливое решение палестинской проблемы мерами, не имеющими ничего общего с национальными чаяниями трех миллионов палестинских арабов, Тель-Авив разработал план так называемой административной автономии для палестинского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. «Административная автономия» служит для Израиля ширмой для узаконивания произвола оккупационных властей на захваченных арабских землях.

На снимке: израильские солдаты ведут на допрос арабскую женщину.

ЕГИПЕТ

ТРУЩОБЫ КАИРА



Восемь отцов семейств, проживающих в доме № 11 по улице Аттар в каирском районе Шубра, подписали в полицейском участке странный документ: «Мы проживаем в наших ветхих квартирах на собственный страх и риск. В случае катастрофы владелец дома не несет никакой ответственности».

Жилец этого дома столяр Шауки Миляд объяснил это следующим образом: «Лучше я погибну под развалинами моего жилища, чем умру на тротуаре». Другие квартиросъемщики думают так же, как и Миляд.

За последние два десятилетия жилищный кризис в Египте приобрел чудовищные размеры. Ежегодно в стране строится 50 тысяч квартир а, в то время как, даже по официальным данным, в жилье нуждаются более миллиона семей. В строительстве процветает мошенничество и спекуляция. Предприниматели примешивают в цемент недопустимо большую долю песка, что приводит к катастрофическим последствиям. В одном из районов Каира рухнул новый восьмиэтажный дом, под его развалинами оказались погребенными 60 человек. Причина — некачественный цемент.

Не лучше обстоит дело и со старыми постройками. «70 процентов всех старых зданий в столице пригодны только на слом»,— пишет египетский журнал «Роз эль-Юсеф».

Те же, кто живет в ветхих и опасных для проживания домах, выглядят счастливчиками по сравнению с теми, кто вообще не имеет жилья или ютится в палатках, в отслуживших свой век автобусах и трамваях. Приблизительно 300 тысяч жителей Каира решили жилищную проблему жутким образом: они живут в кустарно сколоченных постройках в «городе мертвых» — на обширной территории кладбища на окраине столицы.

Квартирная плата резко возросла. Даже в районе трущоб она составляет треть заработной платы рабочего. Объявленная Садатом «либерализация хозяйственной жизни» привела к еще большему повышению квартирной платы. И страдают от этого прежде всего рядовые граждане. Поскольку они не знают, как получить квартиру, большинство египтян женятся сейчас после 26 лет, тогда как раньше они создавали семью в 20 лет.

Квартирные спекулянты явно не знают меры, заламывая умопомрачительные цены. Каирская газета «Аль-Гумхурия» установила, что 20 тысяч квартир были пересданы их съемщикам за цену, в 90 раз превышающую фактическую.

На снимке: квартал нищеты в Каире.

США

ШОУ ДЛЯ ОСТРАСТКИ

События развивались как в хорошем кинобоевике.

Агенты ФБР, закодированные как «СИ-АЙ-1», «СИ-АЙ-2» и «СИ-АЙ-3», требовали: денег и денег. Надо было монтировать все новые микрофоны и записывающие устройства в виллы, в яхты, в лимузины, в столы казино, в пляжные лежаки. Расходов требовали далее «усыпляющие» жертву подарки от трех «друзей» по яхт-клубу (сиречь агентов ФБР), участие в пикниках «на равных» («чтоб никто не догадался»), проигрыши в бридж...

Денег начальство не жалело, улов обещал быть богатым: капиталист, владелец фирмы «Вишенберг Интернешнл Компьютер Консалтинг», представлявшей интересы компаний «ИБМ» и «Меморекс» и занимавшейся официально торговыми сделками между Востоком и Западом, оказался агентом «красных», продававшим «советам» секреты из «самых-самых»...

За пятнадцать месяцев слежки охранка ухлопала 3 миллиона долларов, а глава фирмы Карл Лутц Вишенберг до последнего момента не мог взять в толк, в чем его обвиняют... Начиная с той минуты, когда 20 июля 1977 года в аэропорту Форт-Лодердейла (США) он и его партнер по бизнесу Хэйзер оказались в наручниках и в окружении дюжины неприметных и решительных джентльменов. Судя по обилию репортеров и фотокорреспондентов, «случайно» оказавшихся в аэропорту и делавших «исторические» снимки, шоу с арестом было подготовлено способными режиссерами...

Но вот пышное следствие и куда менее пышный суд. Поначалу всем показалось, что плакали денежки американских налогоплательщиков, и только. Во-первых, лопнуло обвинение: фирма продавала «стратегические материалы», которые можно купить у любой промышленно развитой страны, «шпионские блокноты» оказались реестрами подсчета выручки, а «свидания» Вишенберга с «агентами КГБ» в Европе — обычными деловыми контактами с официальными работниками торгпредств.

Затем легкое замешательство при выяснении вопроса «кто есть кто» в применении к героям «шпионской войны» (по выражению газеты «Майями геральд»): все три агента ФБР оказались уголовниками с темным прошлым, избежавшими очередного наказания благодаря своему новому «бизнесу». А когда дело дошло до остальных добытых троицей «улик» против Вишенберга и его партнеров, то тут смеялись и пресса и заседатели. Начать с того, что «таинственную» микроаппаратуру, с помощью которой «агенты красных» связывались с «центром», по желанию любой американец может выписать по почте...

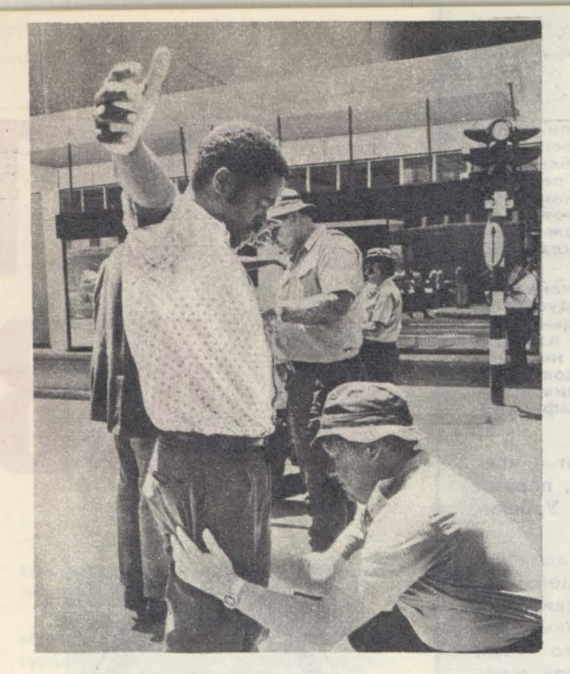
Нет, не похоже это на очередную ошибку незадачливых охотников за «красными агентами», это драма, прикрытая наспех атрибутами фарса, и авторов ее нетрудно найти среди сторонников замораживания американо-советских торговых отношений.

ФРГ

ВООРУЖАЮТ ХУНТУ

Телеграммы звучали совершенно безобидно. «Боинг-707» авиакомпании «Пирл эйр АГ Сюисс», говорилось в одной из них, имеет на борту 20 тонн «обычного груза (детали машин)». Авиакомпания просила разрешения на два рейса с грузом машин.

Что фактически скрывалось за невинно обозначенным грузом, никто не знал. В действительности же «Пирл эйр» получила от гамбургской транспортной маклерской компании «Эвиэйшн консалтинг партнерс» («ЭКП») совершенно другое задание, а та, в свою очередь, выполняла заказ западногерманского авиационного и военного концерна «Мессершмитт-Бельков-Блом» («МББ») в Мюнхене. Компания должна была переправить в Чили противотанковые ракеты типа «Мамба», получив по 200 тысяч марок за каждый рейс. «ЭКП» четко потребовала: «Конечный пункт назначения —



ГВАТЕМАЛА

В ТЮРЬМУ НЕ ЗАКЛЮЧАЮТ

«В Гватемале нет политических заключенных», — цинично повторяют прислужники нынешнего режима. И, пожалуй, так оно и есть... В Гватемале в тюрьму не сажают, там убивают! Совершено около 30 тысяч политических убийств.

На рассвете находят изуродованные, изрешеченные пулями трупы в оврагах, на пустырях. Начиная с 1954 года наемники крупных землевладельцев совершенно безнаказанно орудуют под покровительством правительства.

А Вашингтон молчит. Очевидно, считает, что Гватемала — один из «оплотов против коммунизма», которые американскому империализму нужны в Латинской Америке.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Тысячи гватемальцев, рабочих, крестьян, студентов, индейцев, выступают против репрессий, чинимых правительством, против преступлений «эскадрона смерти» — крайне правой организации.

Страна вечной весны Гватемала не хочет быть страной вечной диктатуры.

РОДЕЗИЯ

ЧАС ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРОБИЛ

«Рай для белых», которым была когда-то Родезия, теперь стал для расистов «сущим адом». Плантаторы ни днем, ни ночью не расстаются с оружием. Патриоты Зимбабве наносят все более чувствительные удары по расистам. Как заявил один из руководителей Патриотического фронта Зимбабве, Р. Мугабе, отряды партизан контролируют 85 процентов территории страны. В освобожденных районах создаются общины, которые руководят сельскохозяйственными работами, организуют системы образования и здравоохранения.

Пытаясь отсрочить свою гибель, расистский режим пускается на всяческие маневры. Очередной спектакль — иначе не назовешь так называемые выборы, которые организовали Смит и его подручные в Родезии. Стремясь обеспечить «победу» своей африканской марионетке епископу Музореве, расисты согнали тысячи африканцев к избирательным урнам. Угрозы, шантаж, насилие, подтасовка результатов голосования обеспечили Музореве большинство в парламенте. Спектакль был сыгран по хорошо отработанному сценарию. Но было явное и переигрывание. Так, на некоторых избирательных участках «проголосовавших» оказалось на 1—8 процентов больше, чем было зарегистрировано в избирательных списках. Передав лишь формально власть в руки своего ставленника, расистское меньшинство надеется таким способом спасти свое господство в этом оплоте колониализма на юге Африки.

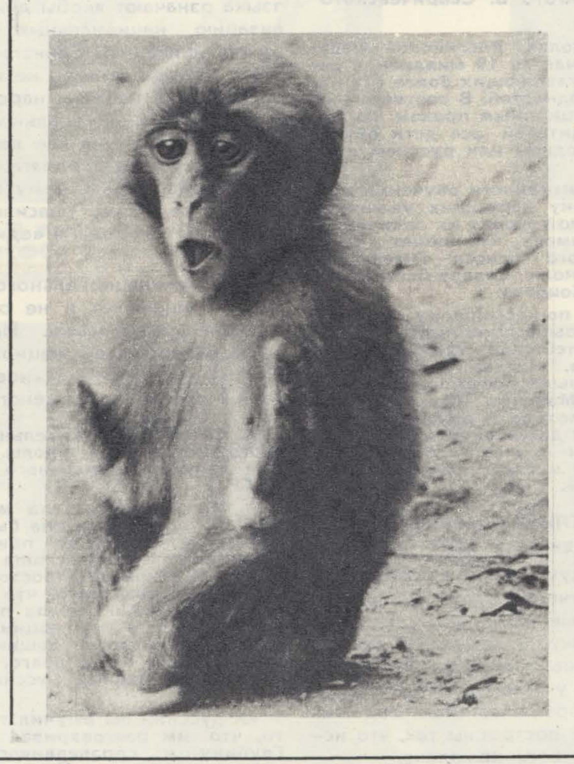
Страх перед неотвратимым будущим толкает расистов на новые кровавые преступления против темнокожего населения Родезии. На своих фешенебельных виллах белые фермеры и их жены тренируются в стрельбе из пистолетов и автоматов, в специальных центрах призванные в армию семнадцатилетние юнцы и даже женщины проходят ускоренную военную подготовку.

Главарь родезийских расистов Ян Смит признал, что «в нынешних условиях партизанскую войну, охватившую страну, сломить нельзя». Расизм идет к своему неминуемому концу.

На снимке: обыск африканцев на улице Солсбери.

ЯПОНИЯ

ЖЕРТВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ



Тех, кто приходит в квартиру на шестом этаже доходного дома в токийском пригороде Огикубо, встречают оригинальным образом: маленькая обезьянка сидит рядом с домашней обувью и, радостно лопоча, приветствует гостя. И вдруг она валится на пол. Подбежавшая хозяйка Юнко Отани, извиняясь и приглашая пришедшего войти, берет животное на руки. Первоначальное умиление гостя забавной обезьянкой сменяется ужасом. Прирученный зверек семьи Отани не имеет ни рук, ни ног.

Об этой печальной истории поведал своим читателям западногерманский журнал «Штерн». Дайкоро, как зовут обезьянку,— одна из многих таких животных в Японии, которым хозяин квартиры Хидэюки Отани вот уже семь лет подряд отдает все свое время. В течение этих лет он наблюдает и фотографирует родившихся уродами обезьян в зоопарках, заповедниках и лесах по всей Японии, где они еще живут на свободе. Отани, а вместе с ним многие японские ученые убеждены, что уродство обезьян представляет собой следствие систематического отравления окружающей среды. Повинны в несчастье обезьян их более высокоразвитые сородичи — люди.

Неужели женские и мужские особи обезьян настолько отравлены, что более десяти процентов их детенышей рождаются уродами? В 1971 году Отани начал свою исследовательскую поездку по Японии. Он посетил вначале десять крупнейших заповедников, где живут «японские обезьяны», как называют один из видов макак. Повсюду Отани встречал молодых обезьян с одинаковыми признаками уродства. Исследования, проведенные институтом по изучению приматов при университете в Киото, дали недвусмысленные результаты. Ученые сделали вывод, что уродство не является наследственной болезнью, а скорее обусловлено пищей, употребляемой самками во время беременности. Профессор Юн Уи из Токийского университета заявил: «Совершенно очевидно, что средства защиты растений представляют собой главную причину, вызывающую уродства. Ведь обезьяны едят все в немытом и неочищенном виде».

На снимке: эта обезьяна родилась калекой.

Сантьяго не должен упоминаться ни в коем случае».

Желание сохранить тайну было понятно. Снабжать открыто чилийского диктатора современным оружием несподручно даже для военных концернов, ведь одно лишь упоминание имени главаря чилийской фашистской хунты вызывает омерзение у каждого порядочного человека. А тут новейшее оружие Пиночету! Однако, как ни скрывала «ЭКП» свою сделку с чилийской хунтой, тайна стала явью. «Боинг-707», который должен был произвести переброску в Чили 1100 ящиков разобранных ракет, потерпел аварию, и запланированная перевозка ракет тремя днями позже состояться не смогла. Началась «телеграммная» война между поставщиками и транспортниками, которая и обнажила роль «МББ» в операциях с ракетами. В перепалку включился и представитель хунты («это был кто-то в чине генерала»), который вопил: «Если операция с ракетами не удастся, мне лучше не возвращаться в Чили!»

И все же, несмотря на то, что сделка получила огласку, ракеты были переправлены в Чили. Нашли более покладистую авиакомпанию, хорошо заплатили, и дело было сделано. Ведь деньги не пахнут.

На снимке: ракета «Мамба» в полевых условиях.



«Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ ТОЛЬКО ЗА ТО...»



Участники конференции в перерыве между заседаниями. Слева направо: преподаватель Нукусского университета Т. Караматдинова, профессор Ташкентского университета А. Азизов, доцент Карагандинского мединститута Е. Лещенко и доцент Ереванского университета Р. Шахбазян.

Фото В. Сваричевского

Второй раз в Ташкенте собирается Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». Второй раз со всей страны съезжаются организаторы народного просвещения, педагоги, ученые, методисты, чтобы поделиться опытом и обсудить проблемы преподавания и изучения русского языка в советских республиках.

Сегодня мы предоставляем слово некоторым делегатам этой конференции.

А. АЗИЗОВ, заведующий кафедрой русского языка Ташкентского государственного университета:

— Еще в прошлом веке узбекский поэт Мукими сказал: «Надо овладеть великим русским языком, на котором написаны лучшие произведения мировой литературы, без знания которой нельзя стать настоящим человеком и принести пользу своему народу». Какой смелостью и прозорливостью надо было обладать, чтобы тогда произнести такие слова! Сегодня под ними с удовольствием бы поставил свое имя любой участник нашей конференции.

Как показывает Всесоюзная перепись населения 1979 года, за последние несколько лет резко возросло число лиц нерусской национальности, которые считают русский своим родным языком. У нас в республике во всех областях созданы школы-интернаты с углубленным изучением русского языка и литературы и школы, где ведется параллельное преподавание на родном и русском языках.

Наша кафедра является головной по изучению русского языка в школах и неязыковых вузах Узбекистана. Не без гордости мы узнали, что кафедре поручено возглавить работу по созданию типового учебника русского языка для всех союзных и автономных республик.

Н. АЛЕКСАНДРОВ, первый заместитель министра просвещения РСФСР:

— В школах Российской Федерации обучается 19 миллионов детей, представляющих более ста наций и народностей. В соответствии с конституционным правом по желанию родителей все дети обучаются на родном или русском языке.

Об эффективности обучения русскому языку нерусских учащихся убедительно говорят их сочинения. Вот, к примеру, что пишет ученица восьмого класса Гизельской средней школы Северо-Осетинской АССР Ж. Коцоева:

«Я хочу по-настоящему овладеть русским языком, на котором создана богатейшая художественная литература. Читать свободно на русском языке произведения Льва Толстого, Максима Горького, Михаила Шолохова и других писателей — моя давнишняя мечта. Русский язык я люблю с такой же силой, как и свой родной осетинский язык».

М. КАРКЛИНЬ, министр просвещения Латвийской ССР:

— Высокую оценку союзных органов получили созданные в Латвии учебные комплексы по русскому языку. В комплекс входят все учебные и методические материалы — учебники, словари, таблицы, наборы пластинок. Задания в учебнике построены так, что используется весь комплекс.

Овладение русским языком — это не только обучение в школе. Знанию и практическому применению русского языка способствуют внешкольные связи ребят, которые год от года расширяются, интернациональные клубы, участие в военно-патриотических играх «Зарница» и «Орленок», фестивали дружбы с ребятами других республик...

Н. КОВАЛЕЦ, учительница Большемалешевской средней школы Брестской области, заслуженный учитель Белорусской ССР, Герой Социалистического Труда:

— В республике издано немало сборников дидактических материалов для педагогов-русистов. Однако в этих пособиях дается мало необходимых сведений о самом языке. Очень мало справочной литературы для сельской школы. Не хватает толковых, этимологических, фразеологических словарей, словарей синонимов и т. д. Подобные издания, в том числе и прекрасные книги о языке К. Чуковского и Л. Успенского, не доходят до сельских школ. Нет у юных любителей лингвистики и своего журнала, мало интересных публикаций появляется на страницах периодической печати для юношества. Острую нужду испытывают сельские школьники и в художественной литературе для внеклассного чтения.

И еще одна проблема очень волнует сельских учителей-русистов. Повсеместно строятся новые школы, но кабинеты русского языка и литературы по-прежнему не оснащаются типовым оборудованием, необходимым дидактическим материалом, кодоскопами, диафильмами на русском языке...

Ш. РАШИДОВ, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана:

— Русский язык — это язык народа-исполина, обладающего богатейшими демократическими и революционными традициями, высочайшей культурой. Это язык строителей нового общества, о котором веками мечтали лучшие умы человечества. Это язык современной науки, техники и культуры. Русское слово — связующее звено нашего великого многонационального государства с людьми всей планеты.

Советская социалистическая действительность полностью опровергает разглагольствования врагов социализма о том, что двуязычие, распространение русского языка означают якобы денационализацию национальных языков, их русификацию. Единство советского народа отнюдь не означает растворения наций и народностей в некоем наднациональном образовании, о чем на все лады кричит буржуазная пропаганда, пытаясь приписать нашему государству стремление насильственно объединить народы в «единую нацию».

Язык межнационального общения не ущемляет и не оттесняет национальные языки. Наоборот, он помогает всем национальным языкам в достижении новых вершин в своем совершенствовании.

М. САМАТОВА, учительница русского языка 115-й школы Ташкента, депутат Верховного Совета СССР:

— Мне рассказывала мать, что моя бабушка, когда она была дома одна и к ним кто-то приходил и спрашивал ее мужа, шла к воротам и, не открывая, просто стучала по ним в знак того, что мужчин нет дома. Она не имела права подать голос. До революции женщина у нас не считалась вещью. И так было бы еще очень долго, если бы не Ленин, великий русский человек.

«Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Глубину и справедливость этих прекрасных слов Маяковского я осознала всем своим существом, когда была уже взрослой. А началcя для меня русский язык с Доброты. С доброты красивой русской женщины, нашей учительницы Марии Гавриловны. В семье у нас было шестеро ребятишек, и мы часто голодали. В лютую стужу Мария Гавриловна продала свою единственную теплую кофту, чтобы купить для нас хлеба. Тогда я еще не понимала по-русски, но этот урок русской учительницы запомнила на всю жизнь.

Русский язык, русскую литературу я полюбила сразу и навсегда. Язык Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого стал для меня родным еще в то далекое время, когда я, чтобы не мешать сестрам спать, провела к себе под одеяло лампочку и читала по ночам до самого рассвета, а утром день для меня начинался с тех же книжек.

Я счастлива, что знаю русский, что обучаю ему узбекских детей. Но особую радость испытываю, когда вижу, что они, как и я много лет назад, понимают, что русский язык — это самый добрый и справедливый язык на земле, что это первый великий язык коммунизма.

БРАТ НАВ



«Мы любим великий русский народ и желаем ему всяческого добра... И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим... Мы чувствуем себя солидарными с лучшими сынами русского народа».

Эти проникновенные слова Ивана Франко не однажды звучали на гостеприимной украинской земле в дни большого праздника, посвященного 325-летию воссоединения Украины с Россией. Сам праздник начался еще в январе, а заключительные его торжества были отмечены грандиозной встречей русских и украинских писателей, деятелей литературы и искусства с миллионами читателей, зрителей и слушателей — Днями литературы РСФСР в Украинской ССР и фестивалем «Киевская весна-79».

...Сотни лет стоял на берегах рек Трубеж и Альта старинный городок Переяслав. Ходили мимо него торговые суда и казацкие лодки «чайки» с боевыми дружинами. Богата история города: и сражаться умели с неприятелем его жители и мирным трудом восстанавливать из руин разрушенное. Но подлинная слава его началась здесь 325 лет назад, когда держал свою речь перед Радой Богдан Хмельницкий и воссоединилась отныне Украина с Россией на вечное братство и дружбу. Переяславская Рада... Сколько написано об этом событии, сколько пе-

СТВО
ЕКИ



Добро пожаловать, дорогие гости!

сен и сказаний пропето народными кобзарями.

И вот рядом с этим городом-музеем в просторном Доме культуры села Цибли состоялся заключительный вечер праздника единения двух великих литератур, двух великих народов.

Как могучий Днепр, широкий и полноводный, разлился по всей украинской земле этот весенний праздник. И трудно было отличить, кто же на нем гость, кто хозяин, ибо многие видные русские писатели приехали на украинскую землю по праву братства. Русский прозаик Михаил Алексеев в дни войны печатал в дивизионной газете стихи юного однополчанина Олеся Гончара — и тогда они породнились. Леонид Решетников освобождал от фашистов родные места Тараса Шевченко. А ивановский поэт Владимир Жуков и Платон Воронько стали братьями по оружию в боях с белофиннами в 1940 году. С украинской землей связаны жизнь и творчество приехавших на Дни литературы П. Проскурина и Е. Долматовского, Д. Кугультинова и К. Кулиева, М. Дудина и Е. Исаева, Н. Дамдинова и М. Комиссаровой...

Миллионы телезрителей стали свидетелями волнующего литературного вечера в киевском дворце «Украина».

Участники юбилейных торжеств побывали на знаменитых киевских предприятиях «Арсенал» и «Большевик», в университете, сельскохозяйственной академии, на Днепрогэсе, на металлургическом заводе в Днепродзержинске, посетили цветущие земли Полтавщины, Волыни, Подолии, возложили венки на могилу Тараса Шевченко.

Отмечалась в эти дни и еще одна дата: 50-летие первой Недели украинской литературы в Москве и 50-летие приезда первой делегации русских писателей на Украину. Украинцев встречал тогда на вокзале В. Маяковский, а русских литераторов—молодой еще П. Тычина. Говорили о дружбе Горького и Коцюбинского, о влиянии Маяковского на молодую поэзию Советской Украины, а Шолохова — на украинскую романистику.

Дружба вечная, дружба славная! Как яркий и солнечный праздник останутся в памяти тысяч людей одухотворенные этим девизом славные торжества на украинской земле.

На открытии фестиваля искусств «Киевская весна-79» присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, делегация Российской Федерации во главе с заместителем Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасовым.



Литературный вечер вели председатель правления СП РСФСР Сергей Михалков и первый секретарь правления СП УССР Павло Загребельный.



М. Нагнибеда, М. Стельмах, С. Олейник, А. Левада во дворце «Украина».



На литературном вечере во дворце «Украина».



Участники торжеств посетили музей Т. Г. Шевченко.

Фото собкора «Огонька» Н. КОЗЛОВСКОГО

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

РУССКИЙ ГЕНИЙ

Николай СКАТОВ, доктор филологических наук

«При имени Пушкина,— писал Гоголь,— тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... Самая его жизнь совершенно русская».

Ссылаясь на слово Гоголя о том, что Пушкин есть единственное и чрезвычайное явление русского духа, Достоевский прибавлял: «Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы...»

«Правильное», то есть национальное, самосознание наше действительно впервые пришло после того, как Россия заявила себя 1812 годом и заявила себя Пушкиным. Пушкин, собственно, и стал идеальным его выражением. Но ни о какой ограниченности национализма нет и речи. Один старый критик как раз в связи с Пушкиным вспомнил о древней индийской мудрости, которая гласит: эгоист всему внешнему относительно его личности, всему, что не есть он, говорит *это не я*, тот же, кто сострадает и сочувствует, всюду слышит тысячекратный призыв: *это ты*. Подлинную суть национального начала в Пушкине Достоевский и увидел именно в интернациональном, в том, что он назвал всемирной отзывчивостью Пушкина: «Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Всечеловечность Пушкина явила, впрочем, не протеизм в обычном смысле этого слова, не простую способность к перевоплощению. Так что же?

Пушкин в письме Петру Вяземскому однажды заметил: «Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета». Ведь и у Достоевского речь не об умении просто ощутить и передать своеобразие чужой нации, а о способности Пушкина извлечь и с громадной силой воплотить «гений чужого... народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания».

Гоголь точно сказал о Пушкине, что это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. Именно потому значение Пушкина, исторически обусловленное и в исторические рамки заключенное, по мере движения самой истории все более открывается в своей безусловности, и с каждой новой эпохой это явление — Пушкин — все более и более развертывает свой внутренний потенциал. Всечеловечность Пушкина, его абсолютность, его «нормальность» как воплощение высшей человеческой нормы проявились и в том, как Пушкин развивался. Русская история явила здесь удивительную модель — «нормальный» человек в «нормальном» развитии. Самые кризисы Пушкина — это, по сути, естественные и неизбежные «возрастные» кризисы. Те или иные, даже драматические, события внешней жизни не столько их определяют, сколько сопровождают их, им, так сказать, аккомпанируют, дают им пищу. Мы не найдем здесь ничего подобного духовному краху Герцена после 1848 года, идейной драме позднего Гоголя, перелому в мировоззрении Толстого на рубеже 70—80-х годов. Никто чутче и больше Пушкина («Эхо») не реагировал на окружающую жизнь, и при всем том никто меньше Пушкина ей не поддавался. Один из знаменитых афоризмов столь любимого Пушкиным Монтеня гласит: «Умение проявить себя в своем природном существе есть признак совершенства». Пушкин как бы совершил весь человеческий цикл в его законченном виде: детство, юность, молодость, зрелость...

«Пушкин,— писал Белинский,— от всех предшествовавших ему поэтов отличается именно тем, что по его произведениям можно следить за постепенным развитием его не только как поэта, но вместе с тем как человека и характера... И потому его сочинения никак нельзя издавать по родам... Это... говорит и об органической жизненности его поэзии».

Действительно, что может быть прекраснее пушкинского литературного детства. Обычно поэты стыдливо отрекаются от большинства своих ранних стихов, в лучшем случае выделяя те или иные редкие удачи. Полный образ Пушкина невозможно представить без его детских лицейских стихотворений.

В свое время Маркс восхищался древними греками как прекрасной порой детства человечества. Подобно этому мы восхищаемся литературным детством Пушкина как единственной в своем роде порой прекрасного детства. (Пристрастно и нежно опекаем Лицей, а самую колыбель — Царское Село — назвали именем Пушкина.) Жуковский и Батюшков, Фонвизин и Державин, Радищев и Карамзин — каждый из них, наверное, мог бы увидеть в Пушкине своего преемника. Его благословил Державин и назвал учеником Жуковский. Но Пушкин не стал ни вторым Державиным, ни новым Жуковским. Литературное детство Пушкина было лишь подведением итогов всего предшествующего «взрослого» литературного развития, многообразной, но все-таки еще школой. Через первый свой кризис, через переживание перехода от отрочества к юности с настроениями печали и разочарования («Певец») Пушкин вступал на самостоятельный путь. Окончание школы-лицея совпало с окончанием литературной школы.

Прекрасные, благородные порывы юности как нельзя лучше совпали с первыми порывами к свободе в молодом русском обществе.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Непосредственное восприятие противоречий русской социальной и политической жизни, все сильнее обнажавшихся в конце десятых годов, находило выражение в многочисленных вольнолюбивых стихах Пушкина, в его эпиграммах и посланиях, проникнутых юным негодованием и нетерпением. «Нетерпеливою душой отчизны внемлем призыванье»,— восклицал сам поэт. «Вольность» не только заглавие первого большого послелицейского стихотворения Пушкина. Это как бы оглавление и всех послелицейских его стихов.

В 1821 году в связи с преследованиями цензуры Пушкин посетовал: «Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешние libéral, оно прямо русское...» Пушкин не обольстился громким иноземным словом «либеральность». И каким это оказалось приговором слову и прогнозом его судьбы, двусмысленности его существования в русской жизни. Пушкинская лирика не «либеральная», не говорящая о свободе, она именно вольнолюбивая: всем строем своим несет она дух вольности и никогда — своеволия.

Но проходила юность, наступала молодость. Уже эпилог 1820 года, которым заканчивалась поэма «Руслан и Людмила», говорил о приходе новой «поры»:

Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!

Психологической формой перехода стало разочарование, литературной — романтизм. Но пушкинский романтизм не был только литературной формой. Он прямо соответствовал естественной романтической поре становления молодого человека — Пушкина и потому же оказался лишь этапом в самом его литературном развитии, сопроводил его молодость и ушел вместе с нею. Он не составлял его сути. «Я не гожусь в герои романтического стихотворения»,— сказал Пушкин уже после «Кавказского пленника». Замечено, что, казалось бы, даже предельно романтической формуле из первого же предельно романтического стихотворения «Погасло дневное светило; на море синее вечерний пал туман» можно легко вернуть ее исконно русский вид: «Уж как пал туман на сине море». Вот почему романтизм молодого Пушкина не романтизм молодого Шиллера, не романтизм зрелого Байрона, не романтизм старого Гюго. Недаром позднее Пушкин заметит о Байроне: «Постепенности в нем не было».

Внешние обстоятельства как нельзя лучше питали романтизм молодого поэта: судьба политического ссыльного, скитальца, проникнутое духом, так сказать, политического романтизма движение декабристов-южан, бурные революционные события европейской жизни начала двадцатых годов, наконец, самая экзотика юга.

«Тот же разгул и раздолье,— писал Гоголь,— к которому иногда, позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет. Судьба, как нарочно, забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью, где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвевается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом, Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию».

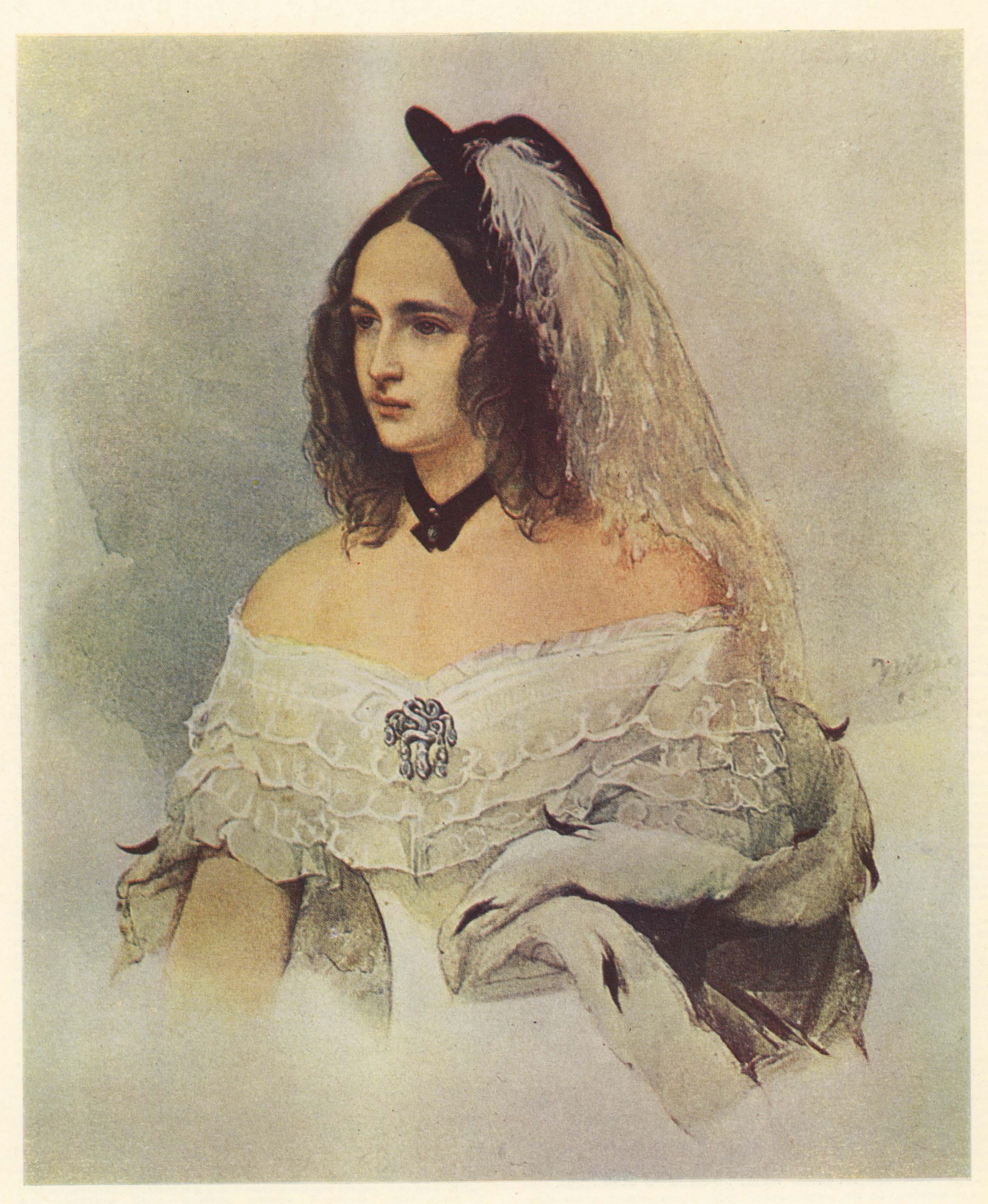
Молодость неизбежно выводила Пушкина к романтизму, но тот факт, что это была пушкинская молодость, определил важнейшие художественные открытия в мировой романтической литературе — и новый взгляд на «высокого» романтического героя и иной поворот темы «человек и природа», традиционно решавшейся романтиками в руссоистском духе, и открытие для русской да и для мировой (Мериме) литературы того «цыганства», которое потом десятки раз многосторонне предстанет у Аполлона Григорьева и Александра Островского, у Льва Толстого и Александра Блока.

В 1824 году власти отправили Пушкина, так сказать, из ссылки в ссылку: из Одессы — в Михайловское. Жестокость нового преследования и приговора поразила («спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем»,— умоляет Пушкин Жуковского). Многие современники пишут о бесчеловечности заточения поэта в деревне. «Постигают ли те,— писал Вяземский,— которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси. Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина». Но страшиться за Пушкина не пришлось, ибо он-то и был «богатырем духовным». Пройдя в 1823 году через кризис перехода от молодости к зрелости, переболев «демонизмом» (стихотворение «Демон» и пушкинские к нему комментарии хорошо пояснили нам этот процесс), Пушкин становился «взрослым». Как оказалось, «духовное богатырство» Пушкина, «деревня» и «Русь» не противостояли друг другу. «Духовный богатырь» Пушкин выходил на почву «деревни» и «Руси».

«Настоящим центром его духовной жизни,— писал один из первых и лучших биографов поэта, Павел Анненков,— было Михайловское и одно Михайловское: там он вспоминал о привязанностях, оставленных в Одессе; там он открывал Шекспира и там предавался грусти, радости



П. Соколов. ПОРТРЕТ А. С. ПУШКИНА. 30-е годы.



В. Гау. ПОРТРЕТ Н. Н. ПУШКИНОЙ.

и восторгам творчества, о которых соседи Тригорского не имели и представления. Он делился с ними одной самой ничтожной долей своей мысли — именно планами вырваться на свободу, покончить с своим заточением, оставляя в глубочайшей тайне всю полноту жизни, переживаемой им в уединении Михайловского. Тут был для него неиссякаемый источник мыслей, вдохновения, страстных занятий...»

Сосредоточенность и строгое уединение «вдали охлаждающего света», по слову самого Пушкина, стали условиями, в которых завершалось становление национального гения. Никогда более, за исключением осени 1830 года, болдинской осени, пушкинское творчество не будет столь богато и разнообразно. Пушкин вступает в пору расцвета, в пору зрелости. «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития,— пишет он летом 1825 года,— я могу творить». Пушкин «творит» лучшие из своих лирических стихов, Пушкин «творит» «Бориса Годунова», Пушкин «творит» «Евгения Онегина». И с удовлетворением сам скажет о «Борисе Годунове» и назовет «Онегина» лучшим своим произведением.

Если видеть в пушкинском творчестве воплощенную гармонию, то прежде всего это «Евгений Онегин». Создание «Онегина» — это и подвиг, подвиг как подвижничество. Семь лет неустанного, напряженнейшего труда для того, чтобы достичь иллюзии его полного отсутствия. Колоссальное здание, составленное из тысяч стихотворных строк, легко и воздушно. Строфы, каждая из которых вместила, кажется, все разнообразие русской строфики, во всяком случае, широко обиходной (чрезмерностей и изощренностей Пушкин и здесь счастливо избежал), членя роман, создают в самой повторяемости впечатление постоянного обновления совершенно раскованного течения стихов. Достигнута абсолютная свобода владения словом, может быть, в самом искусственном его выражении — в стихе.

Нигде более, чем в «Онегине», не проявлялась пушкинская полнота духа как способность вмещать и выражать всю полноту жизни — полнота духа зрелого человека, не пережившего своей зрелости. Все это бросает дополнительный свет на проблему так называемой незаконченности романа, вернее, неожиданности его конца...

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Пушкин расстался с романом, расставаясь с порой расцвета, с порой зрелости — «праздника жизни».

Шел 1830 год. Наступал новый перелом: в жизни Пушкина (женитьба), в духовном пути его, в его творческой судьбе. Пушкинские переломы и выходы к новым и иным этапам особые. И потому-то они обычно не только не повергают в состояние творческой пассивности, но, наоборот, рождают взрыв энергии, подъем духа, жажду преодоления, как бы новый вызов судьбе, оборачиваются неостановимым поиском. Таким этапом-переломом стало и время расставания со зрелостью. Пик его — осень, проведенная в Болдине. Болдинская осень. Пора завершений: достаточно сказать, что закончен «Евгений Онегин». Пора новых исканий.

Что же нового явила болдинская осень? Прежде всего прозу — «Повести Белкина» и так называемые «Маленькие трагедии». И разве не говорит о страшной энергии перелома сам характер работы над теми же «Маленькими трагедиями»: замыслы и наброски многолетней давности реализуются в две недели. Пушкин «вдруг» сумел расстаться с «Онегиным». «Вдруг» сумел написать «Маленькие трагедии».

Пушкин вступал в начале тридцатых годов в новый, высший и, как оказалось, последний этап своего развития. Что же это за новый этап? Почему высший? По логике за зрелостью как будто бы идет старость. Это в тридцать-то один год? Конечно, нет. Житейски нет. Назовем этот новый и высший этап его пути — мудрость. Мудрость безмерна и бесконечна. Хотя именно бесконечное-то многие и тогда и позднее принимали за конечное. Ведь сколько было сказано пустых и суетных слов о конце Пушкина задолго до его действительного конца.

В тридцатые годы Пушкин создал в своей «Капитанской дочке», может быть, самую грандиозную в русской классике картину бунта, мятежа как стихии, как взрыва почти космических, природных сил. Позднее лишь далекий потомок Александра Пушкина Александр Блок так ощутит и выразит их в поэме «Двенадцать»: «ветер» его поэмы сродни «бурану» пушкинской повести. Но Пушкин не мог выступать и не выступал с идеей утверждения бунта, так как и сам бунт такой идеи утверждения не нес (сравните пафос утверждения в «Двенадцати» Блока). Недаром пушкинскими словами воспользовался Ленин, когда писал: «Мы нисколько... не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой...» Простые начала человечности как коренные начала жизни родовой, национальной, эпической и несет героиня повести, не случайно же так названной. Кроме Пугачева, она единственная, чей образ так овеян народной поэзией. Она, подобно оси, как бы стягивает полюсные состояния раскалывающегося национального бытия, как оно предстает в повести. По сути, самое основное в ней, самое жизнеутверждающее и стойкое и есть она, Маша Миронова, капитанская дочка.

Пушкин совершил в своем творчестве весь мыслимый человеческий цикл и, заканчивая, сам увенчал его «Памятником». А тем не менее Пушкин еще только начинался, Пушкин был еще весь впереди. «Пушкину было тридцать семь лет,— писал критик,— а его прошлая деятельность казалась даже его близким друзьям деятельностью полною, почти законченною, совершенно соразмерною со способностями, в нем таившимися. Пламеннейшие из читателей поэта, говоря друг другу, «сколько песен унес он с собою в могилу», имели в виду песни, подобные прежним песням Пушкина: о песнях мировых, перед которыми побледнели бы песни пушкинской молодости, едва ли кто решался думать. Покойный поэт переступил еще перед смертью дантовскую mezz cammin di nostra vita, ему было тридцать семь лет, и назвать Александра Сергеевича поэтом начинающим мог один только грубый невежда. А между тем он был поэтом начинающим. Он заканчивал свою деятельность как великий поэт одной страны и начинал свой труд как поэт всех веков и народов».

Пушкин готовился к какому-то совершенно новому роду духовного труда, возможно, уже залитературного, для нас сейчас трудновообразимого. «Пушкин,— сказал Достоевский,— умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

Лев КИШКИН

Два года назад мы рассказывали о том, что в Словакии (замок Бродзяны) оказалось довольно много связанных с Пушкиным изобразительных материалов, принадлежащих сестре жены поэта Александре Николаевне Гончаровой, которая в 1852 году вышла замуж за овдовевшего австрийского дипломата Густава Фризенгофа и тогда же навсегда покинула Россию (см. «Огонек», № 6 1977). Первая жена Фризенгофа Наталия Ивановна Иванова, по происхождению тоже русская, была приемной дочерью тетки Гончаровых — Софьи Ивановны Загряжской, в замужестве де Местр. С 1839 года по 1844 год Густав Фризенгоф и его первая жена находились в России. В августе — сентябре 1841 года они гостили у Н. Н. Пушкиной в Михайловском. Будучи там, Наталия Ивановна Фризенгоф сделала целый ряд рисунков, представляющих немалый интерес. Они исполнены на листах альбома переселившегося в Россию французского писателя и художника Ксавье де Местра, автора известного портрета матери Пушкина. На них любительски и в то же время достаточно умело, тонко и изящно изображены Наталия Николаевна с дочерью Машей у березы (дата рисунка 15 августа), Наталия Николаевна (15 августа), Александра Николаевна (8 августа).

В ходе многолетних поисков бродзянских материалов мне все время хотелось обнаружить следы пребывания Фризенгофов в России в архивах или музеях СССР. В конце концов они нашлись: в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде хранится альбом Н. Н. Пушкиной, единственный дошедший до нас, с портретами родных и знакомых. Судьба его не совсем обычна. После смерти матери он оказался у старшей дочери поэта Марии Александровны. В 1918 году, когда та ехала из Петрограда, альбом был у нее украден. Много лет спустя, в 1937 году, случайно купивший альбом владелец передал его Литературному музею в Москве, позже он попал в Ленинград.

Есть предположение, что в начале 1840-х годов чистый альбом купил и подарил Наталии Николаевне поэт Вяземский, который в стихотворении под названием «Наталии Николаевне Пушкиной» писал:

На эти белые и свежие листы
Переносите вы свободною рукою
Дневную исповедь, заметки и мечты...
Записывайте здесь живую повесть дня.

Альбом Н. Н. Пушкиной содержит любительские и профессиональные рисунки разных исполнителей (Н. И. Фризенгоф, английского художника Т. Райта, Н. П. Ланского, возможно, де Местра) за период с 1841 по 1849 год. Открыли «живую повесть дня» в альбоме многочисленные рисунки Наталии Ивановны, сделанные ею во время отдыха в Михайловском. Среди них есть аналоги всех ее рисунков из альбома де Местра, которые делались почти в те же самые дни.

В числе рисунков-портретов Н. И. Фризенгоф в альбоме примечательны самые ранние по времени зарисовки детей Пушкина. Особый интерес представляет серия рисунков, как есть основания считать, изображающих близких друзей поэта из соседнего с Михайловским имения Тригорское. Все рисунки объединяет живость и непосредственность восприятия, быстрое одноразовое исполнение, делающие их документальными. Знакомство с рисунками Н. И. Фризенгоф в альбоме Н. Н. Пушкиной помогло установить одну из нитей, соединяющую бродзянские материалы с пушкинскими реликвиями в СССР, позволило воочию увидеть историческую связь между ними.



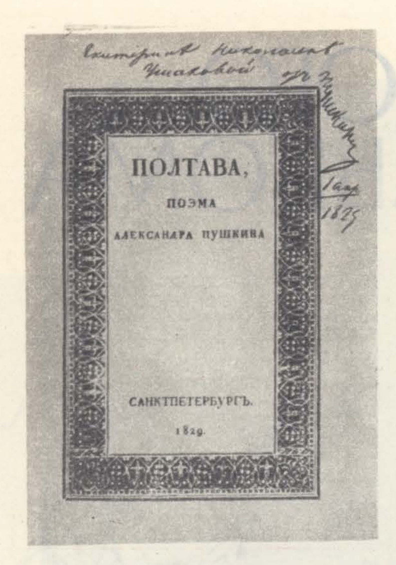
Григорий Пушкин (сын поэта) — рисунок Н. И. Фризенгоф 15 августа 1841 года.

Н. Н. Пушкина с дочерью Марией в Михайловском. 17 августа 1841 года.



Рисунки из альбома Н. Н. Пушкиной. (Всесоюзный музей А. С. Пушкина).

ПОЛТАВА



Обложка первого издания поэмы.

Александр БАСМАНОВ

*Habent sua fata a libelli**

Книги имеют свою судьбу: от первого чернильного слова до наборной литеры — жизнь. В 1917 году в подмосковной Лопасне, отправляя деревенские припасы в город, владелец усадьбы бросил взгляд на благородную желтизну обертки, мерцавшую лиловыми строками. Послали за кухаркой, потом ринулись в кладовую. Так были найдены материалы к истории Петра Великого — черновики труда, к которому Пушкин готовился по крайней мере пятнадцать лет: «Об этом государе,— говорил он своему приятелю Келлеру за три недели до смерти,— можно написать более, чем об истории России вообще».

Формальное (географическое и хронологическое) начало: Михайловское, 1827 год. Вульф, приехав 16 сентября отобедать к Пушкину, нашел его в кабинете, по-домашнему в халате и красной феске. Стол, как обыкновенно, был погребен под перемаранными тетрадями пополам с грудами книг: рядом с Монтескье, Альфьери и «Изъяснением снов» Вульф заметил «Журнал Петра I». Показал ему Пушкин и «только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал... присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет... неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь.

Мы пошли обедать, запивая рейнвейном швейцарский сыр...» — не забыл помянуть Вульф.

После обеда состоялся бильярд, и, загоняя костяной шар в лузу, Пушкин обронил ни с того, ни с сего: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории»... Я непременно напишу историю Петра I...» Вот факт, на который ссылаются исследователи как на первое упоминание о главной работе Пушкина. Однако начало было значительно раньше, оно гнездилось в самом генезисе (прадед по матери оказался вознесен Петром, предка же по отцу за участие в стрелецком заговоре государь повесил), в кругу родовых преданий, и даже осязание оказывалось зачастую в плену этой темы: тяжелая медная пуговица с камзола первого русского императора украшала набалдашник пушкинской трости. Начало было, и когда «мудрец — человек высокий», Николай Карамзин, выпустил в свет свою «Историю».

Девятый том «Истории государства Российского» появился в 1820 году, а в 1822-м, как бы принимая эстафету и включаясь в соревнование (которое будет продолжаться всю жизнь), Пушкин составляет так называемые «Заметки по русской истории XVIII века», где с присущей ему стремительной гениальностью промчался сквозь целое столетье, уместив его на полутора листах. Время Петра сформулировалось уже тогда: «все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось». Это — камертон для настройки: именно отсюда перейметcя словесная фактура, темп и ритм изложения последующих вещей о Петре.

А потом, в 1824 году, были Бендеры — место, где Пушкин смог ощутить ту эпоху всей своей плотью: он познакомился здесь с Николой Искрой, 135-летним малороссом, воочию видавшим Карла XII, поскольку еще хлопцем носил в шведский лагерь творог, молоко, масло и яйца, имея дело с самим королем, которого поначалу принял за лакея, так как тот «каждое яйцо брал в руку, взвешивал его и смотрел через оное на солнце».

Бендеры занимали Пушкина и еще по одной причине. Липранди вспоминает: «...Мы отправились на место бывшей Варницы, взяв с собой второй том Нордберга и Мотрея, где изображен план лагеря, окопов, фасады строений... и несколько изображений во весь рост Карла XII. Рассказ Искры о костюме этого короля поразительно был верен с изображением его в книгах. Не менее изумителен был рассказ его о начертании окопов, ворот, ведущих в оные, и некоторые неровности в поле соответствовали местам, где находились бастионы и т. д.; но не это занимало Пушкина: он добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только что не мог указать ему желаемую могилу или место, но и объявил, что такого и имени не слыхал. Пушкин не отставал, толкуя ему, что Мазепа был казачий генерал и православный, а не бусурман, как шведы,— все напрасно».

Это начальный отзвук «Полтавы». До поэмы еще далеко, целых четыре года, но ее видение вдруг замаячило где-то поблизости: узнав, например, что Рылеев задумал своего «Палея», Пушкин пишет в Петербург брату: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы»,— однако предстоит еще писание «Арапа Петра Великого». Лаконизм, блеск и живописность отделки первой прозаической пробы не поддаются сравнению до сих пор, но сам сюжет «семейного» романа заводил в тупик: Ганнибал приезжает из Франции после учения всего лишь за два года перед смертью преобразователя, и его основная судьба падает уже на послепетровскую эпоху. И Пушкин бросает перо на самом начале: на сцене появляется Мазепа.

Иван Степанович Мазепа-Колединский оказался замешан в украинской смуте первых лет «осьмнадцатого века», как изюм в куличе: православный шляхетский дворянин, воспитанный иезуитами, служил вначале польскому королю Яну Казимиру, присягнув на всякий случай и турецкому султану. В Малороссии его ждала головокружительная карьера: за несколько лет он прошел путь от войскового товарища до гетмана — и все сложилось бы, наверное, по-другому, если бы не старческая роковая любовь: казацкий полковник Кочубей ответил за свою соблазненную дочь Матрену доносом царю. Мазепа казнил Кочубея и явился на переговоры к Карлу. Их план: гетман подымает донских казаков, астраханских татар и турок, и вместе с королевским войском вся армада движется на Москву с тыла и флангов. Шведский же генерал Любекер с четырнадцатитысячным корпусом бьет по Санкт-Петербургу из Финляндии. Однако «сия игра в божиих руках», говорил Петр. В июне король штыками пробивает заслон Шереметева и Меншикова и выходит к Могилеву в ожидании провиантского обоза Левенгаупта: армия настолько изголодалась, что полевые кухни варили жухлые ржаные колосья. Наконец, подоспел и Левенгаупт, но без припасов,— 11 тысяч его солдат оказались наголову разбиты при Лесной: пушки, заряды и съестное на всю армию были брошены на бережку речки Сожи. Надеждой оставался один Мазепа.

Но и эта надежда вскоре лопнула — гетман привел с собою лишь небольшой отряд. Историки пишут: следовало умирать от голода или брать Полтаву. Но как? Артиллерия почти без пороха — одни сабли. И все же голод не тетка, и выбор между смертью и в прямом смысле животом не заставил себя ждать: «В 27 день июня 1709 года поутру весьма рано почитай при бывшей еще темноте противник на нашу кавалерию как конницею, так и пехотою своею с такой фуриею напал, чтобы не токмо конницу нашу раззорить, но и редутами овладеть...» А затем свился остервенелый клубок, сцепленье живых и мертвых тел, окрашенное оранжево-желтым пушечным дымом и огненными искрами, кровью людей и животных,— клубок, который бешено вертелся на одном месте под аккомпанемент батарейного грохота, лязга железа, барабана и предсмертных хрипов.

Центр вел Шереметев, правое крыло — Боур, левое — Меншиков. Сам царь командовал лишь полком, но проявлял (единственный, между прочим, раз в жизни) чудеса храбрости: одна пуля пробила его треуголку, другая ударила в золоченый крест на груди.

Все окончилось через два часа. Карла из-за раны в ноге уносили с поля на перекрещенных копьях (вначале соорудили носилки, но их разнесло в щепы); прикрывал короля своим эскадроном полковник Горн, получивший, кстати, вдогонку семнадцать пуль, застрявших на излете в его кожаном жилете. У Днепра ожидали две лодки: надо было разместиться нескольким офицерам и военной казне, собранной еще в Саксонии. Взяли с собою и фыркающего, косящего глазом Брандклипера — верного Карлова коня, сполна разделившего приключенческую судьбу своего господина: Брандклипер воевал в Турции, был пленен в Бендерах, возвращен, снова взят в плен в Стральзунде, опять возвращен и умер в 1718 году одномесячно с хозяином, сорока двух лет от роду.

А Мазепа? Мазепа окончил свой век значительно раньше, почти сразу после Полтавской виктории: от отчаяния, как говорят русские источники; от яда, принятого им добровольно, как утверждают шведские.

* * *

— И грянул бой, Полтавский бой! — к месту и не к месту, в самые неожиданные минуты декламировал Пушкин: «он делал это всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему или почему-нибудь запавший ему в душу»,— вспоминала Анна Керн. Санкт-Петербург, 1828 год, осень: Пушкин сочиняет «Полтаву».

Он был склонен к движению и рассеянности: когда звенел голубой день, не мог усидеть в четырех стенах, и потому осень со «своими отвратительными спутниками дождем, слякотью и туманом», заперев его в кабинете, давала разгуляться «бесу стихотворства». Пушкин рассказывал Юзефовичу: стихи «Полтавы» ему грезились «даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах». Потом, отвечая критикам, он скажет, что написал поэму «в несколько дней», но это не совсем так. Основная часть ее действительно создалась с необычайной быстротой (из 1470 стихов 1250 были сделаны от конца сентября до 16 октября 1828 года, то есть меньше чем за три недели), однако начало черновика помечено еще «5 апр.»— днем, отстоящим от писания «Арапа Петра Великого» всего на три-четыре месяца и указующим на непосредственную связь этих двух вещей.

Апрельское, чисто историческое вступление «Полтавы»: «Была та смутная пора, когда Россия молодая...» (оно перенесено потом частями в середину Первой песни и в песнь Третью) — возникало в рабочей тетради как-то вдруг. Затем следовало несколько набросков, и дело останавливается: здесь можно видеть VII главу «Евгения Онегина», стихи, адресованные Олениной, «Воспоминание», «Подражание Анакреону», начало «Сказки о царе Салтане», первые строфы «Воспоминания в Царском Селе» и другое. И только к сентябрю «Полтава» объявляется вновь: «Но быстрый Карл поворотил В средину новых средств и сил...»; и столбцом: «Наталья? Мария. Между красавицами. Похищение. Отец? Мазепа» — так вступает в действие героиня поэмы. Далее опять и надолго черновики письма к Вяземскому, показания по делу о «Гавриилиаде», работа над «Анчаром» и неожиданно проза: «Гости съезжались на дачу гр. Л». Зато потом, подряд, на одном дыхании, в два столбца 62 страницы сплошного поэтического текста «Полтавы», которую мы знаем теперь и которую Пушкин написал «в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

Те полгода, пока поэма сочинялась, были для тридцатилетнего Пушкина необычайно сложны и

* Фраза из пушкинского «Опровержения на критики»: Имеют книги свою судьбу (лат.).

запутанны, здесь смешались отчаяние, страсти, любовь, здесь внешние обстоятельства свелись в клин, который мог перекосить всю его судьбу. За это время он просил дважды об отлучке: на войну против турок и в Париж — его не пустили. Кроме того, «дело о стихах на 14-е декабря» оставалось еще не совсем замятым. Но и отказы в путешествиях и неприятности с «Андреем Шенье» не шли ни в какое сравнение с гремевшей историей об авторстве «Гавриилиады»,— чем могла закончиться эта история, ведал один бог. «Ты зовешь меня в Пензу,— пишет Пушкин 1 сентября Вяземскому,— а того и гляди, что я поеду далее.

Прямо, прямо на восток».

От тяжести в душе он спасается в те дни двумя средствами: крупной карточной игрой («не на жизнь, а на смерть») и любовью. Любовей было две: одна возвышенная и идеальная к Аннет Олениной, другая тяжелая, как больной сон, к «медной Венере» — Аграфене Закревской (ту и другую потом прочили в героини посвящения «Полтавы»). Стоит во все это вдуматься, чтобы оценить страшное напряженье нервов, которое преодолевал Пушкин в работе, тем более что работа эта была не просто художественным сочинением. Каждый стих, каждое выражение и даже почти каждое слово здесь строго документальны: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и немудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною».

Причем нет сомнения, что Пушкин с его воображением не только о своих героях все знал, он их «видел», плотью ощущал: Петра, сутулого, нервически дергающегося от тика, с бородавкой на правой щеке, в зеленом, толстого голландского сукна, преображенском кафтане с золотым галуном и большими роговыми пуговицами; Карла — прозрачные глаза, плетеная косичка парика опущена сзади в желтый кожаный кошелек, потертые замшевые штаны, длинная широкая шпага и грязные башмаки со стальными пряжками. А вот и Мария с Мазепою: она — «стройна. Ее движенья То лебедя пустынных вод Напоминают плавный ход, То лани быстрые стремленья. Как пена, грудь ее бела»; он — седой, широкий, весь какой-то «львиный», в странном сочетании тесной немецкой одежды и свисающих запорожских усов.

Однако — «Habent sua fata libelli». Самая зрелая изо всех моих стихотворных повестей та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное), «Полтава»... не имела успеха». Критики обвиняли поэму и в военных неточностях: «если кавалерия своя и неприятельская рубятся между собой, то ядра не могут между ними прыгать и разить...»; и в казусах психологических: «отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика». Сам же автор, говоря об оригинальности своего сочинения, ошибался вряд ли — вспомним лишь Мазепу: «отвратительный предмет», изображенный драматически, можно смело называть первым антигероем (выражаясь современно) в русской литературе.

Новации «Полтавы» очевидны, но здесь важны не они, а то, что это была уже вторая, после романа о Ганнибале, попытка освоения Петровой темы: в первом случае государь появлялся заботливым сватом, в другом — боевым героем. Обе, только *так* поданные фигуры, полностью, конечно, удовлетворять не могли, и уже в 1831 году прозвучала принципиально новая интонация, донесенная современником: «Пушкин только и говорит, что о Петре, которого не возлюбляет». Здесь, быть может, начало третьей попытки — «Медного всадника».

Один английский путешественник, побывавший у нас в царствование преобразователя, остроумно заметил, что в России «нет джентльменов, а только капитаны и майоры, асессоры и регистраторы». Перенимая заморский лексикон, можно согласиться, что все джентльмены, наверное, задержались позади восемнадцатого века, но зато, очнувшись через сто лет, поспешили прямо на Сенатскую площадь: «...что же значит наше старинное дворянство?... Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне»,— скажет Пушкин.

Майоры и регистраторы — истинные дети Петра, и потому в «Медном всаднике» Пушкин поставил в дикий час беды государя со своим созданием даже не лицом к лицу, но спинами друг к другу: «горделивого истукана» верхом на Фальконетовом коне, Евгения, спасающегося от наводненья, «на звере мраморном верхом»: в этой нелепо-жуткой мизансцене, быть может, и выразился частично нравственный результат движения, «переданного сильным человеком... в огромных составах государства преобразованного».

То, что Пушкин стал «не возлюблять» Петра к концу жизни, не совсем точно, ибо он изначально ощущал трагическую двойственность преобразователя и его преобразований, говорил: вот «гений всеразрушительный и всесозидающий». В отличие от многих беллетристов, обращавшихся к Петру I, Пушкин искал здесь не тему для романического писательства «по мерке и объему рам, заранее изготовленных», он искал разгадки всей судьбы современной России, а так как был ее неотъемлемой частью, то и разгадки своей собственной судьбы.

Поэма «Полтава» — между романом о Ганнибале и «Медным всадником» (по значимости и годам) — средина творческого движения Пушкина к составлению истории Петра, то есть к осознанию того момента бытия, где «весь узел русской жизни сидит» (Л. Толстой). Сама же Полтавская баталия — точка отсчета, быть может, всей новейшей истории: не разгроми русские шведов, неизвестно, что было бы на Балтике, как сложились бы на века наши внешние и внутренние дела: от 1709 года диалектическая спираль причин и следствий ведет в сегодняшний день. И потому это не просто важная военная победа, но изъявление (не побоимся такого слова) мировой миссии, для которой русские, казалось, были предназначены судьбою всегда. Миссия — слово не простое. Оно означает благость народа и его крестную муку, его отчаяние и надежду, его, наконец, избранность. Пушкин не забывал об этом ни на минуту. «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя,— писал он в конце жизни,— ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

Вот, пожалуй, слова, которыми и могла бы кончаться книга самого лучшего русского поэта о самом сильном русском царе.



Полтавская баталия. Гравюра П. Пикара, 1711 год.



ДОМИК НЯНИ

В шестидесяти километрах южнее Ленинграда, близ Гатчины, находится маленькая железнодорожная станция Прибытково. Отсюда два километра до старинного села Кобрино, которое в 1759 году вместе с соседними селами Суйда и Воскресенское перешло от графа Апраксина во владение Абраму Петровичу Ганнибалу — прадеду А. С. Пушкина с материнской стороны. Пять лет назад здесь открыт первый в стране музей крепостной женщины Арины Родионовны Яковлевой, в замужестве Матвеевой. Он создан в том самом доме, где жила няня поэта. Вера Ивановна Баженова, родившаяся в Кобрине и преподававшая в здешней сельской школе русский язык и литературу, показывает мне музей, где воссоздана обстановка крестьянской крепостной избы конца XVIII века.

В печи пляшет веселое пламя, озаряя подлинные предметы того времени, принесенные в дар музею местными жителями и любовно собранные сотрудниками Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Из личных вещей Арины Родионовны в Кобринском музее хранятся льняная сумочка, ларец, некогда подаренный ею поэту Языкову, ее портрет работы неизвестного художника. Под портретом — даты рождения и смерти Арины Родионовны: 10 апреля 1758 года, село Воскресенское — 31 июля 1828 года, Петербург.

От Кобрина до Воскресенского — семь километров пути по шоссе в сторону Гатчины. Вдоль дороги стоят огромные стройные ели. У деревни Мельница путь пересекает стремительная река Оржа — на ней прежде была ганнибаловская водяная мельница. От Мельницы дорога уходит вправо вверх, и вот с холма открывается вид на два села: справа — Воскресенское, с остатками старинного парка, прямо — Суйда. Здесь, слева от дороги, в окружении молодых елочек стоит скромный памятник над могилой «арапа Петра Великого». На плите надпись: «Ганнибал Абрам Петрович, генерал русской армии, прадед А. С. Пушкина. 1697—1781».

Было на этом месте ныне исчезнувшее сельское кладбище, на краю которого, ближе к Суйде, уцелели развалины церкви XVIII века. В церкви этой 14 мая 1781 года отпели А. П. Ганнибала, в том же году здесь обвенчали 23-летнюю Арину Родионовну Яковлеву, дочь крепостных села Воскресенского Родиона Яковлева и Лукерьи Кирилловой, с крестьянином села Кобрино отроком Федором Матвеевым. А пятнадцать лет спустя, в ноябре 1796 года, в этой же самой сельской церкви стал под венец 26-летний поручик лейб-гвардии егерского полка Сергей Львович Пушкин с Надеждой Осиповной Ганнибал.

В скромном сельском музее проникаешься неповторимым ощущением того, что связывало великого поэта и его няню: взаимная нежность и заботливость, народные песни и предания. Глубоко волнуют строки Пушкина:

«...Вечером слушаю сказки моей няни, — писал он одесскому знакомому Д. М. Шварцу около 9 декабря 1824 года, — оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

Георгий БЛЮМИН
Фото автора

«ДРУГ МОЙ Ж

Наталья БЕЛОВА

Он уже целый год как в садах Лицея «безмятежно расцветал», когда 27 августа 1812 года у Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых родилась младшая дочь, Таша. Через 16 лет они встретятся на московском балу, и Пушкин навсегда останется «огончарованным».

А пока Таша росла и воспитывалась «в деревне на чистом воздухе» — в имении Гончаровых Полотняный Завод, Калужской губернии, а позже в Москве. Семья была большой — у Таши было две сестры и трое братьев, — но неблагополучной: сумасбродный дед, душевнобольной отец, деспотичная, неуравновешенная мать. «В самом строгом монастыре молодых послушниц не держали в таком слепом повиновении, как сестер Гончаровых», — писала дочь Натальи Николаевны от второго брака Арапова. О строгости, с какой воспитывались дети, можно судить по тому, что, живя в доме Пушкина, Александрина Гончарова «плакала от счастья», тронутая непривычной заботой, которой окружили ее во время болезни сестры и сам Пушкин. Дома же болезнь считалась справедливым божьим наказанием, и мать изводила захворавшую «постоянными нравоучительными наставлениями».

Во времена Петра I Гончаровы — купцы и промышленники (дворянство получили они лишь при Екатерине II) — владели полотняными заводами и бумажными фабриками и были очень богаты. Однако в начале XIX века неразумное хозяйствование деда Таши привело Гончаровых на грань разорения. Наталья Николаевна и ее сестры оказались, в сущности, бесприданницами. Тем не менее домашнее образование детей Гончаровых было достаточно разносторонним: наряду с обязательным в то время знанием иностранных языков и музыки оно включало также историю, географию, русский язык, литературу...

Вывозить в свет Натали Гончарову начали рано. Она была необычайно хороша собою: «это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, — тонкие черты, красивые черные волосы» — этот портрет составлен Долли Фикельмон, а женщины судят друг о друге куда строже, чем мужчины. Пушкин, встретив ее шестнадцатилетнюю, почти девочку, был покорен сразу: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась».

Современники, описывавшие внешность Натальи Николаевны, часто находили, что ей было присуще выражение трогательное, тихое, меланхолическое и застенчивое.

Известно частое пушкинское противопоставление простодушных, скромных уездных барышень чопорным и холодным красавицам большого света. Но при всей язвительности его замечаний по поводу света сам Пушкин был совершенно светским человеком, разделявшим его требования и условности. Ум его нуждался в остроте светских бесед, творчество во многом питалось наблюдением нравов, царивших в свете, авторское самолюбие было чувствительно к отзывам наиболее образованных и развитых представителей светского общества, к которому принадлежал он сам по рождению и по воспитанию. Поэтому, восклицая «Что за прелесть эти уездные барышни!», в которых находил он «существенные достоинства, из коих главное: особенность характера, самобытность», Пушкин все же не мог «простить им модный бред и неуклюжий этикет».

Пушкинский идеал — это смиренная и простая Татьяна, сумевшая стать безупречной светской дамой, сохранившей все обаяние чистой души: «Все тихо, просто было в ней, она казалась верный снимок «Du comme il faut...» *

Теперь сопоставим «Татьяны милый Идеал» с тем образом Натали Гончаровой, который запечатлен в воспоминаниях современницы, близко знавшей ее в юности: «...главную прелесть Натали составляло отсутствие всякого жеманства и естественность... Все в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было comme il faut без всякой фальши». Сам Пушкин ценил ее «милый, простой, аристократический тон» и, очевидно, почувствовал в ней вероятность редкого сочетания, столь близкого его душе, где сливаются «ясные черты провинциальной простоты» с безупречностью светской дамы. Оттого-то так упорно (более двух лет) добивался ее руки в твердой уверенности, что если не она, то никакая другая не станет его женой.

Семейный очаг должен был стать для него прибежищем, тем священным местом, где душа и сердце будут спокойными.

Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой...

Эти строки из 9-й главы «Евгения Онегина», написанные болдинской осенью 1830 года, отражают, несомненно, личные устремления поэта. В вариантах мелькают «простая добрая жена», «простая тихая жена». Но, как мы теперь понимаем, простота, облагороженная безупречностью манер. Красота Натальи Николаевны соответствовала его эстетическому идеалу, а «милый, простой, аристократический тон», внутренняя порядочность — идеалу этическому. Потому-то: «а душу твою люблю... более твоего лица» и «женка моя прелесть не по одной наружности».

Родные Натальи Николаевны не так-то легко согласились отдать ее за неблагонадежного и небогатого поэта. И здесь, вопреки распространенному мнению, Наталья Николаевна не была безучастна к своей судьбе: «...спешу уверить вас, что все то, что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями», — пишет она перед помолвкой главе семьи — деду, чтобы развеять сомнения, возникшие из-за дошедших до него «худых мнений» о Пушкине. Наталья Николаевна горячо заступается за своего жениха, просит не верить «низкой клевете», которую распускают о нем недоброжелатели. Необычайный прилив творческого вдохновения, которым ознаменовалась болдинская осень 1830 года, был следствием радостного возбуждения, вызванного уверенностью в том, что он любим и что спустя несколько месяцев его кочевая, бесприютная жизнь наконец-то обретет устойчивость и спокойствие.

18 февраля 1831 года в церкви Вознесения в Москве Наталья Николаевна Гончарова и Александр Сергеевич Пушкин обвенчались. «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь». Так началась их семейная жизнь.

Наталья Николаевна не оставила ни дневников, ни воспоминаний. Не обнаружены до сих пор и ее письма к Пушкину. От природы она была молчалива и очень сдержанна в проявлении своих чувств, а сдержанность еще и поощрял в ней муж, — при этих условиях сделать правильные выводы о ее уме и характере посторонним людям было не так-то просто. «Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца», — признавалась Наталья Николаевна уже после смерти Пушкина. Избранных было мало, и причины этого она объясняла в письме к брату, уже обретя достаточный опыт (более трех лет) столичной жизни, таким образом: «Тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу общества, а главное, имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватало времени на требовательность дружбы». В этом маленьком отрывке видны и наблюдательность, и здравое суждение, и способность к умозаключениям, и глубина души, не удовлетворяющейся поверхностными, легкими отношениями.

Ее мало знали, а потому понятно, что воспоминания современников в основном сводятся к описанию ее внешности. Для того, чтобы представить в какой-то степени внутренний облик Натальи Николаевны, характер ее отношения к Пушкину, атмосферу, царившую в их доме, нужно прежде всего внимательно читать письма к ней Пушкина — ведь это очень часто **ответы** на ее письма; кроме того, очень важны ее письма к брату Дмитрию, относящиеся ко времени ее брака с Пушкиным.

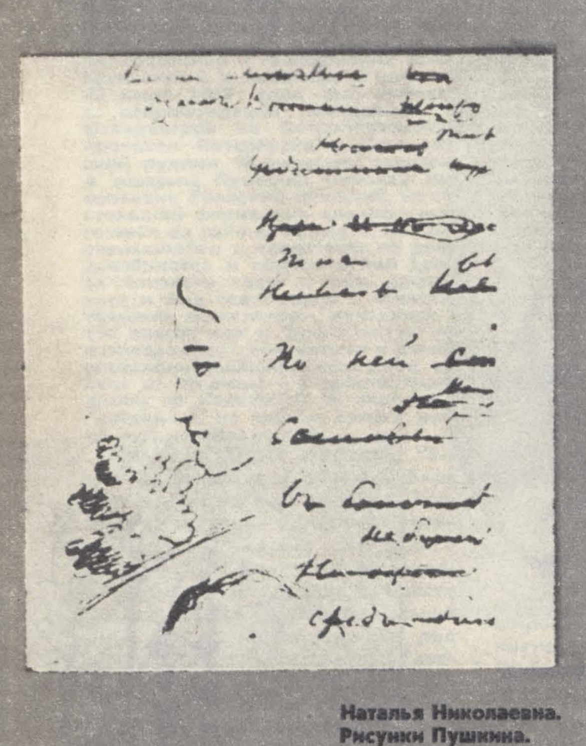
Долгое время существовал неоднократно закрепленный штамп, согласно которому жена Пушкина была бездушной и легкомысленной красавицей, все интересы которой сводились к нарядам и балам; ей якобы дела не было до творчества гениального мужа, да и к нему самому она относилась вполне равнодушно. Несправедливое отношение к Наталье Николаевне началось еще при жизни Пушкина: «бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света» — и усилилось после его трагической гибели: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Можно ли прежде всего винить Наталью Николаевну в том образе жизни, который вели Пушкины, — петербургском, столичном, светском, — где красота ее была сразу же отмечена и в свете и при дворе? Нет, конечно! Воспитанная в строгости и покорности, она, может быть, и без особой радости, несомненно, приняла бы и другой образ жизни и даже деревенское уединение. «...Обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволю. Не женщине 18 лет управлять мужчиною 32 лет» — так категорично заявил вскоре после свадьбы

* Безупречно (франц.).

ЕНКА»





Наталья Николаевна.
Рисунки Пушкина.

Пушкин своей теще. Уже в 1835 году Пушкин писал той же Наталье Ивановне Гончаровой: «Мы живем теперь на даче, на Черной речке, а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет... Впрочем, ожидаю решения судьбы моей от государя... коего воля будет для меня законом». Как известно, царь не разрешил Пушкину уйти в отставку.

Образ жизни был предопределен еще до свадьбы: «Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю, кажется, от Петербурга не отделаюсь. Царь со мною очень мил». И еще тем, что «я ни за что на свете не допущу, чтобы жена моя терпела лишения, чтобы она не являлась там, где ей предназначено блистать, веселиться. Она вправе требовать этого. Чтобы сделать ей угодное, я готов пожертвовать всеми моими вкусами, страстями, всею моею жизнью, вполне свободною и прихотливою».

К несчастью, ему действительно буквально пришлось жизнью поплатиться за выбранный им образ жизни, требовавший бóльших средств, чем те, которыми он располагал. Этот образ жизни предопределил ту моральную и материальную зависимость Пушкина от царя, которая его тяготила, обязывала к унижающей благодарности и от которой он не мог в силу многих причин избавиться. Окончательно понял он это слишком поздно, хотя знал всегда: «Избегай покровительства, ибо это порабощает и унижает»,— писал он еще за девять лет до женитьбы младшему брату. Но сам избежать не смог...

В первое время после свадьбы Пушкина радовали успехи жены в обществе. «Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии, мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, все возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете»,— записала Д. Фикельмон после первого появления Пушкиных на светском рауте. Образ жизни был предопределен суммой обстоятельств, среди которых какую-то роль играло противоречивое отношение к свету. Как же трудно было молодой и очаровательной женщине «блистать», сохраняя «холодность, благопристойность, важность»! Непрестанные его замечания по поводу кокетства вызывались не столько ревностью, сколько опасением, чтобы не были нарушены правила приличия: «Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься, но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не comme il faut, всё, что vulgar *.

Может быть, ей и приходилось иногда прибегать к кокетству, как к испытанному оружию, чтобы возбудить его ревность; но из того, что она не только не скрывала, но даже сообщала в письмах к мужу о своих «кокетственных сношениях»: «не стращай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась»,— можно заключить, как все же она была наивно чиста.

В свою очередь, Наталья Николаевна не переставала мучиться ревнивыми подозрениями, потому в своих письмах он то и дело оправдывается, отбивается от них или спешит их предупредить. Он уверяет ее, что в свете не бывает, дам не видит, а видит лишь «мужеск пол», успокаивает ее то по поводу графини Соллогуб, то Смирновой, о знакомых дамах старается говорить подчеркнуто пренебрежительно (и Керн не пощадил!), и вообще «грех тебе меня подозревать в неверности». Была ли, однако, Наталья Николаевна несправедлива в своих подозрениях? Пушкин был поэт, а у нее, по его собственным словам, было «пречуткое сердце»...

Обычный тон пушкинских писем к жене — задушевный, трогательно-заботливый, нежный. Он постоянно скучает вдали от нее — «тоска без тебя», тревожится о ее здоровье, беспокоится о детях, о доме, очень волнуется, когда от нее долго нет писем, подробно рассказывает ей о своих дорожных приключениях, о делах, делится с нею своими невеселыми думами по поводу их денежных дел и будущего их детей.

Наталья Николаевна не была «академиком в чепце», но она была ему близким человеком, другом, которому мог он поверить все свои заботы, сомнения и опасения. Насколько неосновательны были нарекания по поводу совершенно равнодушного отношения Натальи Николаевны к творчеству Пушкина, можно судить по таким строкам поэта:

«Ты спрашиваешь меня о «Петре»? Идет помаленьку, скопляю матерьалы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок».

«Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого, а то альманашники заедят меня».

Ей сообщает он о замысле романа «Дубровский», рассказывает о сборе материалов к «Истории пугачевского бунта». Осенью 1834 года из Болдина, когда вдохновение не посещало его, жаловался: «И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю... Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь... Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь?»

Близость, родственность лучше всего слышны в доверительности интонаций: «Как ты права была в том, что не дóлжно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет». «Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла, подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали».

Упрекали ее и в нелюбви к Пушкину. Конечно, ревность еще не доказывает любви, но не могла нелюбящая женщина писать письма, вызывавшие такую реакцию: «То сердишься на меня за Соллогуб, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду... а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка».

Иногда одна маленькая деталь позволяет почувствовать нежность их отношений: «...когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно».

В письмах Натальи Николаевны к брату видна вовсе не светская легкомысленная красавица, озабоченная лишь развлечениями (кстати, Пушкин словно предвидел, что воспоминания о ней будут сводиться к тому, что она «ужас как мила была на аничковских балах»), а заботливая, сердечная, деловитая женщина, готовая прийти на помощь, словом, надежный друг: «Ты не можешь пожаловаться, не правда ли, что я плохой комиссионер, потому что как только ты мне поручаешь какое-нибудь дело, я тотчас стараюсь его исполнить и не мешкаю тебе сообщить о результатах моих хлопот. Следственно, если у тебя есть какие но мне поручения, будь уверен, что я всегда приложу все мое усердие и поспешность, на какие только способна». Если же ей приходится самой обращаться с просьбой, то она проявляет при этом редкую деликатность; даже там, где ей приходится быть настойчивой, эта настойчивость выражается в очень мягкой, ненавязчивой форме.

Из ее писем к брату узнаем мы, как понимала она всю тягостность положения Пушкина, как старалась помочь ему, щадя при этом его самолюбие: «...сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного... (дальше Наталья Николаевна просит брата о назначении ей содержания.— Н. Б.). Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следственно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию; для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение, по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что, если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать. Итак, ты не рассердишься на меня, дорогой Дмитрий, за то, что есть нескромного в моей просьбе, будь уверен, что только крайняя необходимость придает мне смелость докучать тебе». Это было написано в июле 1836 года, на шестом году их брака, когда у них было уже четверо детей, а жить Пушкину оставалось полгода...

«Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни».

Какое же право имеем мы судить ту, которой великий наш поэт был обязан счастьем своей жизни и в беспорочности которой был уверен до последнего вздоха?

* Вульгарно (англ.).

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ И Н. Н. РАЕ В РИСУНКАХ ПУШ

Лариса **КЕРЦЕЛЛИ**

В наши дни такие находки поначалу кажутся просто чудом. Разум еще настаивает на сомнении, призывает к сдержанности, аналитической жесткости суждений, но глаз, но сердце — они уже з н а ю т, и медленный темп операции, называемой иконографическим отождествлением,— всего лишь необходимая дань естественным в науке осмотрительности, исключению возможных случайностей и аберраций.

Находка, о которой в данном случае идет речь, интересна не только тем, что открывает нам два не атрибутированных до сих пор пушкинских рисунка — портреты выдающихся его современников — декабриста князя Сергея Григорьевича Волконского, осужденного к двадцати годам каторжных работ и отбывшего свыше четверти века в сибирской каторге и на поселении, и близкого друга поэта Николая Николаевича Раевского, брата жены С. Г. Волконского Марии Николаевны, рожденной Раевской, сполна разделившей героическую и трагичную судьбу мужа. «Расшифровка», открытие этих портретов представляют значительный интерес и в плане историко-литературном, позволяя с убедительной наглядностью, вещной, так сказать, доказательностью «увидеть» декабристские связи великого поэта.

Оба портрета — Н. Н. Раевского и С. Г. Волконского — по праву можно назвать одними из лучших в пушкинской графике,— такой выразительностью, достоверностью, точностью собственно портретной характеристики они обладают.

Портреты находятся почти что в самом начале рабочей тетради поэта в красном бумажном переплете (ПД 838, л.3) с черновиками седьмой главы «Евгения Онегина», «Полтавы», лирическими стихотворениями оленинского цикла и проч. Расположенные один под другим (при вертикальном положении тетради, представляющей собой, вообще говоря, дамский альбом с удлиненными листами, заполненными в этом месте в основном текстами в два столбца) на полях черновиков 4 и 5-й строф седьмой главы «Онегина», портреты сделаны, по всей видимости, позднее написанного черными чернилами текста романа (зима — весна 1828 года); оба профильные, они нарисованы карандашом, очень легкими, как бы небрежными свободными штрихами, с исключительной точностью передающими не просто формально-портретное сходство, но и самую «душу живу» изображенных друзей. Особенно мастерски передано Пушкиным выражение глаз — сосредоточенный, пристальный, волевой взгляд Волконского и более мягкий, несколько, может быть, мечтательный Николая Раевского, которого сближала с поэтом, помимо всего прочего, и страстная любовь его к литературе. Будучи знатоком и ценителем русской и европейской поэзии, Н. Н. Раевский и сам тоже писал стихи. Пушкин посвятил ему «Кавказского пленника» и «Андрея Шенье», инициалы Раевского — Н. Н. Р. — сохранились в одном из черновиков посвящения к «Бахчисарайскому фонтану».

Пушкин, любивший Раевского, состоял с ним в оживленной и деятельной переписке, к сожалению, до нас не дошедшей. Но сохранившийся черновик его письма к нему, написанного в Михайловском во второй половине июля 1825 года, поражает глубиной своих мыслей, что не может не свидетельствовать о высоком мнении поэта о друге, уважении к его знаниям и интересам.

Знаменательна «парность» атрибуируемых портретов Раевского и Волконского, очевидна их неслучайная близость и одновременность появления в тетради. Ведь это именно семья Раевских сблизила Пушкина с С. Г. Волконским, с которым поэт познакомился в 1820 году. По свидетельству сына и внука С. Г. Волконского, князю Сергею Григорьевичу было поручено принять Пушкина в Южное общество, одним из главных руководителей которого он был. В письме к академику Л. Н. Майкову сын Волконского Михаил Сергеевич, родившийся в 1832 году в Сибири и проведший там свои детские и юношеские годы, писал: «Пушкин, гений которого освещал в Сибири мое детство и юность, был мне близок по отношениям его к отцу и к Раевскому (Н. Н. Раевскому-сыну.— **Л. К.**)... Не знаю, говорил ли я Вам, что моему отцу было поручено принять его в Общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это,— говорил он мне не раз,— когда ему могла угрожать плаха, а теперь, что его убили, я жалею об этом. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на новый путь».

Комментируя сообщения о намерении декабристов принять Пушкина в члены тайного общества, академик Нечкина отмечает, что они подтверждаются и рядом косвенных данных. «Декабрист Волконский,— пишет М. В. Нечкина,— был действительно столь близок с семьей Раевских и с Пушкиным, что кому же, как не ему, было взять на себя такое поручение?»

О знакомстве и общениях Пушкина с семьей Раевских — с прославленным героем Отечественной войны 1812 года генералом Николаем Николаевичем Раевским и его детьми: старшим сыном Александром, другом Пушкина Николаем и сестрами Екатериной (в замужестве графиней Орловой), Еленой, Софьей и Марией — написано уже достаточно много. Тем не менее невозможно не упомянуть, хотя бы вскользь, о тех тесных дружеских узах, которые связали поэта с Николаем Раевским еще в достопамятную поездку его с ним, его сестрами и отцом по Кавказу и Крыму летом 1820 года, оставшуюся жить в душе Пушкина навсегда очень теплым, и светлым, и радостным воспоминанием («...счастливейшие минуты жизни моей провел я посереди семейства почтенного Раевского»,— писал он в сентябре 1820 года брату Льву), и о



С. Г. Волконский.
С миниатюры Ж.-Б. Изабе. 1814 год (грав. В. Унгер).



С. Г. Волконский.
Рисунок Пушкина.



Н. Н. Раевский.
Рисунок неизвестного художника. 1820-е годы.



Н. Н. Раевский.
Рисунок Пушкина.

ВСКИЙ
КИНА

том, как с Марией Раевской-Волконской, отправлявшейся к мужу в Сибирь, он хотел переправить друзьям-декабристам знаменитое свое послание к ним «Во глубине сибирских руд...», и, наконец, о широко известном эпизоде пребывания Пушкина осенью 1820 года в знаменитой Каменке, имении декабриста Василия Львовича Давыдова, сводного брата Н. Н. Раевского-старшего, куда ежегодно в конце ноября во время именин хозяйки дома Екатерины Николаевны и внучки ее Екатерины Раевской съезжались члены Южного общества (до марта 1821 года — «Союза благоденствия») и где Пушкин находился во время съезда декабристов, не подозревая о том. «Приехав в Каменку,— вспоминает в своих «Записках» декабрист И. Д. Якушкин,— я полагал, что никого там не знаю (Якушкин прибыл на съезд посланцем из Москвы.— Л. К.) и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями». Далее следует общеизвестный рассказ об инсценировке заседания тайного общества в присутствии Пушкина и его горьком разочаровании, когда Якушкин сказал, что «разумеется, все это только одна шутка».

«Я никогда не был так несчастлив, как теперь,— сказал, по свидетельству автора «Записок», Пушкин,— я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка».

«В эту минуту он был точно прекрасен»,— заключает Якушкин.

Но почему же все-таки, вправе уже задать вопрос читатель, портреты Раевского и Волконского находятся в рукописях 1828—1829 годов? Не случайность ли это? Ведь осужденный по первому разряду к двадцати годам каторжных работ и пожизненному поселению в Сибири «государственный преступник» генерал-майор князь Сергей Григорьевич Волконский, лишенный титула, состояния и гражданских прав, закованный в кандалы, в ночь на 26 июля 1826 года был вывезен в сопровождении жандармов и фельдъегеря из Петропавловской крепости Петербурга в Благодатский рудник Нерчинских заводов. А товарищ Пушкина Николай Николаевич Раевский-младший, не состоявший формально членом какого-либо из тайных обществ, но привлекавшийся к следствию по делу декабристов и подвергнутый даже за близость свою к ним аресту, хотя и был освобожден с «очистительным аттестатом», находился в это время, как и большинство подозреваемых в сочувствии к декабристскому движению офицеров, далеко от столицы — в действующей армии на Кавказе и не виделся с Пушкиным, по словам самого поэта, «уж несколько лет».

Ответ на вопрос этот есть. Уезжавшая вслед за мужем в Сибирь княгиня Мария Николаевна Волконская оставила у родных Сергея Григорьевича своего годовалого сына Николая, которого ей запрещено было взять с собой. Спустя год, в феврале 1828 года, мальчик умер, а еще через год его дед генерал Николай Николаевич Раевский просил Пушкина написать эпитафию для памятника на могиле ребенка. Поэт написал ее.

В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание
земное,
Благословляет мать и молит
за отца.

«Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию моему дорогому ангелочку...— писала в письме к отцу от 11 мая 1829 года Мария Николаевна Волконская, только год спустя узнавшая о смерти сына.— Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится очень многое. Как же я должна быть благодарна автору; дорогой папа, возьмите на себя труд выразить ему мою признательность».

«Скажи обо мне А. С. (Пушкину.— **Л. К.**),— просила Мария Николаевна передать ее слова благодарности поэту и в письме своем к брату Николаю Раевскому.— Поручаю тебе повторить ему мою признательность за эпитафию Николино. Слова утешения материнскому горю, которые он смог найти,— выражение его таланта и умения чувствовать».

Представляется очень возможным, что именно эти события послужили конкретной причиной размышлений поэта о судьбах друзей его, «братьев, товарищей» или, во всяком случае, вызвали воспоминания о неразрывно связанных в его памяти С. Г. Волконском и Н. Н. Раевском, к которому он отправился на Кавказ, на театр военных действий русской армии, весной 1829 года, не получив на то разрешения шефа жандармов Бенкендорфа.

Убедительным подтверждением неслучайности появления портретов Волконского и Раевского служит прочтенная нами полустершаяся строка над портретом Волконского: ***«Когда б ты прежде знал»***. Эти три стопы ямба могут быть, без сомнения, отнесены к портретному изображению С. Г. Волконского. Написанная тем же карандашом, каким сделан рисунок, строка плотно к нему примыкает сверху, даже будто бы окружая его, а ее содержание как нельзя более подходит к ситуации, в самых общих чертах изложенной выше.

Когда б ты прежде знал, князь Сергей Григорьевич Волконский, сын генерал-аншефа, соратника Румянцева и Суворова, внук фельдмаршала Репнина, герой сражений под Прейсиш-Эйлау, Фридландом, Отечественной войны 1812 года, за боевые отличия и храбрость в двадцать шесть лет произведенный в генерал-майоры... когда б ты знал, что придется тебе в кандалах под присмотром казаков бить киркой в темных шахтах Сибири, что жена твоя станет часами простаивать у забора тюрьмы твоей, что твой первенец, сын твой, умрет, не увидев отца, за тысячи верст от тебя, а ты сам, тридцать лет своей жизни отбывший на каторге и поселенье, уж вернувшись на родину, семидесятипятилетним старцем будешь ходатайствовать о снятии наконец с тебя оскорбительной полицейской опеки...— когда бы знал это ты... Но он знал. Или, если не знал, то предчувствовал все это и никогда, даже на склоне лет своих ни в чем не раскаивался, не сожалел ни о чем. «...Я не имею о себе что-либо сказать, как то, что твердость моих убеждений никогда не ослабевала...» — уж совсем стариком засвидетельствовал в своих «Записках» Волконский.

Глядя на великолепный пушкинский рисунок, непонятным образом остававшийся столько времени для всех «закрытым», сравнивая его с широко известным портретом-миниатюрой Волконского работы Ж.-Б. Изабе, «один к одному» соотносимым с портретом, нарисованным Пушкиным, мы не можем не вспомнить слова декабриста Г. С. Батенькова о поразившем его внешнем облике С. Г. Волконского: «Какое прекрасное, благородное... лицо! Вовек не забуду впечатления, которое он на меня сделал».

ВЕЛИЧИЕ ТАЛАНТА

Эва ШТРИТТМАТТЕР

О том, что Пушкин был велик, я знала еще до того, как поехала впервые на пушкинские дни. О том, что Пушкин был мал, я узнала в музее в бывшем Царском Селе. Любезный сотрудник показал мне, какого роста был поэт. «Он был еще ниже, чем я». (Думаю, примерно метр шестьдесят.)

Рост Гете можно определить в Веймаре по его подлинному государственному фраку, и в доме Гете кто-то сказал Шолохову во время посещения им музея, что ему этот фрак был бы впору. Если это не было лестью, то Гете, считавшийся в его время человеком выше среднего роста, для нашего времени был скорее маленьким, так как к высоким людям Шолохова не отнесешь. Так уменьшаются и делаются относительными рост и величина — величина, измеряемая в сантиметрах... Но как обстоит дело с литературной средней величиной? Выросла ли она за сто пятьдесят лет настолько, что величина поэта стала также относительной?

Пушкин в свое время отказался от жеманной стихотворной позы, от заимствованных у мифологии понятий и от традиционных образов и стал писать на языке, который был так же естествен, как вода, воздух, огонь, земля и хлеб. Он жил в столице и по своему воспитанию и потребностям был определенно барином, но от няни Арины, портрет которой дарят гостям на празднике поэзии и которая и сегодня еще всеми любима, он в раннем детстве получил нашептанным нечто непреходящее, не поддающееся разрушению, что, контрастируя с его общественной жизнью, с годами становилось все мощнее, завладевало его творчеством.

Многие из его поклонников, воодушевленных ранним Пушкиным, Пушкиным «Кавказского пленника», покидали его, шокированные деревенскими темами и остротой, с какой он начинал портретировать общество и шаржировать его.

Пушкин — тот феномен в искусстве, которого не объяснишь и тысячами страниц толкований, даже реконструировав все условия существования и все детали его биографии. Этот человек синтезировал в себе нечто такое, что, собственно, невозможно синтезировать. Он довел острейший разум и тончайшее чувство до простоты и достиг такой осязаемости, что люди и предметы, избранные и выставленные им, снова выглядят как естественные предметы и люди, а не как художественно созданные.

Только так можно объяснить воздействие, которое Пушкин имеет и поныне. Возвышение до национального поэта совсем не возымело бы действия, многочисленные памятники сделали бы только то, что поэта больше не было бы видно, заучивание наизусть его стихов в школах скорее остужало бы, нежели разогревало чувства, если бы не было в них слов, которыми и поныне еще пользуются люди, дабы выразить себя, слов, которые даже простейшие ощущения передают лучше, точнее, красивее других, приходящих позднее.

Расходуется ли человек в своих словах так, что ничего не остается? Разве не приходится расплачиваться потерей воодушевления, доверия, когда, помимо стихотворения, адресованного Анне Керн, узнаешь еще и об их отношениях из писем?

Шесть лет спустя после их первой встречи в сером доме Оленина в Петербурге поэт пишет другу в гусарской манере о мадам Керн, молодой жене старого генерала. Считал ли он еще, что она была гений чистой красоты? Мимолетными могут быть ощущения, из которых возникают долговечные стихи.

Не длительность, но сила чувства является основой стихотворения.

В предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин говорит: «И с к а т ь в д о х н о в е н и я всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта».

В своих письмах он жалуется при случае на зависимость от вдохновения. Делает он это с иронией над самим собой, ибо хотел бы видеть деятельность писателей признанной и экономически обеспеченной.

В Германии первым был Гете, который сказал: «В моей профессии писателя...» В России труд писателя гражданской профессией объявил Пушкин.

Пушкин был одним из великих тружеников в поэзии. Он свои усилия, работу довел до такой степени, когда следы их исчезли из произведений, когда уже не видно было ни малейшего напряжения, когда кажется, что форма не принуждена трудом, а словно слетела сама, что слова — врожденные и пришли к поэту как подарок судьбы.

Лет почти двадцать назад получила я — от кого и как, уже не помню — томик Пушкина. В одну из новогодних ночей, когда я была одна и, как мне казалось, в смятении духа, я читала «Евгения Онегина». Читала его совершенно неподготовленной: я мало что знала о Пушкине, не больше о русской литературе, в свой учебный план не включила ее, а в школе ее не преподавали,— и вот при чтении происходило нечто не поддающееся описанию: я чувствовала себя так, словно неотвратимо получала электрические заряды, удары тока, а может, даже дубинки, или будто кто-то схватывал меня, душил, лишал дыхания, чтобы в следующий миг снять тяжесть с моей гортани и груди и обрушить на меня целый шквал воздуха и света.

Радость, какую я до этого не испытывала, сотрясала меня: я встретила **абсолютное**, и мне было ясно — это было **абсолютное** в искусстве. Беспроигрышный опыт, жизненно важное приобретение; с этого момента многое в моей жизни было подвергнуто переоценке, а я, считавшая себя одинокой и отчаявшейся, неожиданно

поняла, что это было чепухой, воображением. С той поры я читала Пушкина и о Пушкине все, что могла достать.

Сегодня мы считаем невозможным, чтобы двадцатилетний написал шедевр. Пушкин пятнадцатилетним лицеистом печатался, вскоре стал признанным членом литературного кружка «Арзамас», в двадцать лет был известным поэтом, когда опубликовал свою прекрасную поэму «Руслан и Людмила», которую он начал писать в семнадцать, в лицее. А когда ему был двадцать один год, его выслали из Петербурга и определили на казенную службу на юге.

Там в 1823 году он начинает писать «Евгения Онегина», и его тоска по северу, по Петербургу, по друзьям вторгается в роман и образует филигранную лирику, обвившую ядро фабулы...

Такой человек, как Пушкин, видел в детали общее, в одном углу — мир. Его картина мира зиждилась на высоком духовном напряжении. Он не только знал со времен юности большую литературу от античности до своей эпохи, он читал все значительное, что в мире появлялось, журналы и книги по философии, политике, экономии, художественную литературу, и читал это большей частью на языках оригиналов, он читал по-итальянски, по-французски, а по-английски он во время ссылки в Михайловском читал Шекспира.

...Из писем и неотосланных их набросков видно, как отчаянно стремился Пушкин в последний год разорвать паутину интриги, выбраться из западни, не теряя лица. Пытаются видеть предчувствия, магические предопределения, читая различные изображения дуэлей в произведениях Пушкина: «Выстреле» или дуэли между Онегиным и Ленским, где он почти повествовал о своем конце... Тогда он с полной теплотой человеческого понимания и чарующей иронией вопрошал: что стало бы с Ленским, молодым поэтом шиллеровского толка, если бы Онегин не убил его на дуэли?

Есть такой термин — **чувственное восприятие**. Это чувственное восприятие остро индивидуально. Поэт обладает такой способностью в повышенной мере. Слова, употребляемые в стихотворении, должны быть слепками с его чувств, если им предстоит навеять образы, которые породят ответный звук в душах читателей.

И Пушкин владел искусством передать чувственное восприятие. Реально ощущаешь снег, ветер и солнце на коже, разделяешь земное раздолье гостей на именинах в доме Ларина, горячишься вместе с молодежью в танце, мерзнешь с Татьяной в звездную новогоднюю ночь, трясешься в карете на длинном пути из поместья Лариных в Москву, грустишь, как Татьяна, после отчаянного разговора с Онегиным в парке... Чувства удовольствия, радости подкатывают порой комком к горлу, туда, откуда начинаются смех или плач, но он встречается с другим потоком, несущим интеллектуальное наслаждение.

Да, есть восхищение дарованием, присущим лишь одному представителю рода. Но то, чтобы этот **один** мог не только выразить **себя**, но создать мир, происходит редко. Здесь это произошло.

Берлин.

В СТРАНЕ ПОЭЗИИ

Марк **БАРИНОВ**

Сотни тысяч людей совершают ежегодно паломничество в Михайловское. Если попытаться сконцентрировать их впечатления в одну фразу, то она, наверное, будет звучать так: прежде всего здесь поражает яркое, сильное ощущение присутствия живого Пушкина.

А ощущение это возникает оттого, что в Государственном пушкинском музее-заповеднике, в этой Стране Поэзии, удивительным образом сочетается трепетно хранимая память о драгоценных для всех нас днях и часах жизни поэта с разнообразной и бурно текущей сегодняшней жизнью. И еще оттого, что эта сегодняшняя жизнь каждым своим проявлением напоминает о том, что Пушкин с нами, что он бессмертен, что он живет в сердце народа.

В самом деле, в каком еще музее, в каком заповеднике происходит столько событий, связывающих Память и Современность?

Ежегодный, многотысячный, радостный праздник Поэзии — в день рождения поэта. Августовские Пушкинские чтения. Выставки работ художников, посвященные пушкинской теме. Конкурсы чтецов Пушкина. Доклады и сообщения ученых-пушкинистов. Концерты студентов и педагогов Московской и Ленинградской государственных консерваторий. Конкурс детских рисунков. Персональные выставки художников, скульпторов и фотомастеров, работавших в Михайловском. Это далеко не полный перечень событий в Стране Поэзии, происшедших лишь за один истекший год.

Есть и другая категория новостей, событий, постоянно происходящих в Пушкинском музее-заповеднике. Беспрерывно пополняется пушкинский михайловский мир все новыми фрагментами, деталями, нюансами.

Минувший 179-й день рождения поэта был отмечен радостным событием. Церемония в Святогорском монастыре у могилы А. С. Пушкина началась под величавые звуки колокольного звона, сопровождавшие бессмертную музыку Глинки «Славься». Сбылась давняя мечта: завершилась реставрация звонницы Святогорского монастыря; колокола, которые слушал Пушкин, снова украшают древнюю колокольню.

И в Петровском, родовом гнезде Ганнибалов, тоже новости: завершена реконструкция дома предков поэта, состоялось открытие музея выдающегося человека, прадеда А. С. Пушкина.

А в Тригорском восстановлена банька. Событие вроде невеликое, но ведь и оно тесно связано с именем Пушкина. Банька стоит в живописном уголке парка, на обрывистом берегу Сороти. В ней две комнаты, разделенные сквозным коридором: мыльня и светлая горница. Банька — тоже музей. В ее экспозиции рассказывается о том, как здесь, в своеобразном «литературном филиале» Тригорского, любила собираться молодежь во главе с Пушкиным, звучали его стихи и стихи гостившего летом 1826 года поэта Языкова, велись шумные споры, поднимались тосты «за нее» — за Русь.

В Тригорском в истекшем году — еще одно событие. 21 августа, в день 154-й годовщины приезда А. С. Пушкина в ссылку, в Тригорском состоялось торжественное открытие библиотеки Осиповых-Вульф, восстановленной в результате многолетних трудов научных сотрудников музея-заповедника.

Сегодня в библиотеке все, как было при Пушкине: в углу бронзовые часы, на книжных шкафах — небольшие фарфоровые бюсты Карамзина, Ломоносова, Державина, Жуковского. А на полках вновь заняли место сочинения любимцев Пушкина: Байрона, Шекспира, Руссо, Вольтера, Гете, Шиллера в изданиях начала XIX века, книги Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова, Боратынского, Козлова.

И в самом Михайловском — новости. Продолжается реконструкция пушкинской усадьбы. Восстановлена людская баня. На очереди различные служебные помещения.

Как и всегда, сюда продолжался поток поступлений всевозможных экспонатов. Среди них и реликвии пушкинских времен и дары современных художников, скульпторов, народных умельцев.

Но музей-заповедник — это не только дома, книги, вещи. В Стране Поэзии пушкинскими реликвиями являются и леса, и реки, и озера, и все пичуги, и зверушки, населяющие их. И поэтому забота о «зеленом и голубом» музеях — тоже первостепенное дело сотрудников заповедника.

Много лет занимались сотрудники музея подготовкой к очистке знаменитых михайловских озер Кучане и Маленца от заиления и зарастания. Велись детальные консультации с учеными и специалистами-практиками. Как и всегда, здесь шла тщательная проработка вопроса. И вот, наконец, на берегах Маленца появились секции земснаряда — операция началась.

Музей-заповедник А. С. Пушкина живет. Памятью, реконструкциями, сегодняшними делами и заботами. И не зря здесь говорят: если Пушкин бессмертен, то место его обитания тут — в Михайловском!

Дом Ганнибалов в Петровском. Восстановлен в 1976 году ● В доме предков Пушкина (Петровское).

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Земля поэта ● Письменный стол Пушкина ● Дорога из Михайловского в Тригорское ● Библиотека в Тригорском. Восстановлена в 1978 году ● Банька в Тригорском. Восстановлена в 1978 году.

Фото А. ГОСТЕВА









ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ия МЕСХИ

Итак, уселись мы за стол для того, чтобы поговорить о дне рождения Александра Сергеевича Пушкина. Не совсем обычном для него дне рождения. Он встретил его далеко от родных мест, в Грузии. И дата такая — тридцать лет! — в жизни человека очень значительный рубеж. Уже не можешь произносить цифру двадцать с чем-то, то есть не юн уже, не чертовски молод. И начинается отсчет к сорока годам, к зениту жизни. То самое время, когда все окончательно выясняется: кто ты, каков, на что способен, что сделал и что можешь еще сделать. Правда, относится это к обыкновенным людям, а не к гениям. Но все же. Да поправят меня тридцатилетние, если я не права...

Мой собеседник — Вано Семенович Шадури. Родился он в селе Казбеги, в семье, где было десять душ детей. Окончил четыре класса, так как больше тогда в Казбеги не было, и пошел на андезидовые разработки грузчиком. А затем начался долгий и многотрудный путь к знаниям. В Ленинградском ИФЛИ ему посчастливилось стать учеником знаменитого Н. К. Пиксанова. Ныне он — профессор, заведующий кафедрой русской литературы Тбилисского университета, член Всесоюзной пушкинской комиссии Академии наук СССР.

Раскрываю заранее заготовленные книги с закладками.

— Если не возражаете, Вано Семенович, начнем с воспоминаний современников. Хочется «увидеть» Пушкина, каким он был у нас, хотя бы внешне. Читаю: «...Как теперь вижу его живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными, большими, чистыми и ясными глазами...»

А вот каким его видели в Тбилиси, после Арзрума:

«...Вдруг дверь с шумом распахнулась, и к нам в комнату неожиданно влетел Пушкин и бросился в объятия Санковскому. На Пушкине был широкий белой материи турецкий плащ, а на голове красная фесс...»

— Давайте лучше попробуем понять,— говорит Вано Семенович,— в каком настроении ехал Пушкин в Тбилиси. Вспомните время: всех близких ему людей разметало — кого на виселицу, кого в Сибирь, кого — на Кавказ. Пушкину надо было вырваться. И вот он пишет в Грузию своему брату Льву, который служит в это время адъютантом у командира Нижегородского драгунского полка Николая Николаевича Раевского, посланного под персидские пули за причастность к «движению». Были в армии и лицейский друг Пушкина Владимир Вольховский, разжалованный брат Ивана Пущина — Михаил и многие другие.

На все прошения о поездке в Грузию Пушкину отвечали отказом. Он решил двинуться, минуя благословение шефа жандармов Бенкендорфа...

Берем в руки томик Пушкина и вместе с волшебными его строками переносимся мысленно в Казбеги. Ведь это первое, самое северное грузинское селение, в котором поэт остановился. Здесь он встретил (увидел!) первого грузина, князя Казбеги, мужчину «лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана»; «расстались большими приятелями».

Перелистываем дальше страницы «Путешествия»: «Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Ч...»

— Ч.— это Чиляев, Борис Гаврилович Чилашвили, в то время исполнявший должность правителя горских народов, с резиденцией в селе Квешети,— поясняет Шадури,— он учился в Петербурге, в кадетском корпусе, в одном классе с Бестужевым (Марлинским), будущим «государственным преступником». Кстати, когда Пушкин возвращался из Тбилиси в Россию, именно здесь он разминулся с Бестужевым, переведенным из Сибири на Кавказ. Бестужев узнал, что Пушкин побывал у его однокашника, стремился застать его, но они разошлись. Надо сказать, что Чилашвили был боевым офицером, участником войны с Персией. У него останавливались Грибоедов, декабристы, с которыми Чиляев был в большой дружбе. Написал он несколько хороших статей о бедственном положении горцев, взывая к правительству... Но давайте обратимся к пушкинскому шедевру, который знают все.

И Шадури начал декламировать: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

— В Квешети, на берегу Арагвы это было написано. Я не утверждаю, что здесь он взял перо, бумагу и записал его. Писать, видимо, он начал еще по дороге, еще на Северном Кавказе, а вылилось или, точнее сказать, вылетело окончательно из души оно в Квешети, у Арагвы. Стихотворение гнездилось в нем долго, как гнездилось всю его жизнь и, может быть, до самой смерти неповторимое, самое красивое чувство к женщине, которую он никогда не называл. Она была его потаенной любовью. Долго пушкинисты терялись в догадках, кто она. Наиболее близки к истине те, кто назвал Марию, сестру Раевского, с семьей которого Пушкин был на Северном Кавказе за девять лет до поездки в Арзрум и которая пошла потом за мужем в Сибирь. Ее образ, теперь уже и героический, согревал гениального поэта у берегов прохладной майской Арагвы, и ему не терпелось поскорее увидеть Николая и, может быть, в его лице — ее черты. Не просто же так, вопреки требованиям Паскевича состоять при нем, Пушкин не покидал палатку Раевского? «Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою...» На фоне этого высокого настроя так огорчают «сказки» о проделках Пушкина в Грузии, вроде того, что в Тбилиси он «только что не прыгает в чехарду с уличными мальчишками».

— И все-таки общеизвестно, что Пушкин был человеком живого нрава и темперамента. Посмотрите, как ему, россиянину до мозга костей, по душе пришлась буйная природа Кавказа, как воспел он снежный обвал и Терек в его свирепом веселье...

— Я вырос у этой реки. И потому могу представить, как Терек потряс воображение Пушкина, помог выразить очень важное, может быть, главное в его жизненной позиции. Я считаю, что он создал своего рода «культ Терека». Ведь, кроме известных, есть еще несколько малоизвестных широким кругам пушкинских стихов, посвященных Тереку. А возьмите его сохранившиеся в черновике строки из «Кавказа», навеянные теснинами Дарьяла:

> Так буйную вольность законы теснят,
> Так дикое племя под властью тоскует,
> Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
> Так чуждые силы его тяготят...

Пушкин был первый, кто дал толкование буйств Терека как символа борьбы за свободу.

— Вано Семенович, в «Путешествии в Арзрум» нет ни одного полного имени тех грузинских деятелей, с которыми Пушкин должен был бы непременно видеться в Тбилиси. По крайней мере с поэтами Александром Чавчавадзе и Григолом Орбелиани, с ученым Соломоном Додашвили. С редактором «Тифлисских ведомостей» П. С. Санковским, о котором написано в «Путешествии», что он «любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность». Как объяснить это?

— Самое верное предположение, по-моему, высказал наш народный поэт Георгий Леонидзе, который утверждал, что Пушкин не называет этих людей потому, что все они — по участию в антиправительственном заговоре 1832 года — были отправлены царем в ссылку. Как же мог назвать их Пушкин, опубликовавший «Путешествие» в 1836 году? Вот и ограничивается он фразой «познакомился с тамошним обществом»...

— Ну что ж, Вано Семенович, «тамошнее общество» даже в таком, анонимном виде нас очень устраивает, особенно если иметь в виду еще одно воспоминание. Вы доверяете запискам коллежского асессора К. И. Савостьянова?

— Целиком и полностью!

— Тогда вот что он пишет: «...Из живописных окрестностей Тифлиса нетрудно было выбрать клочок земли, где можно было приветствовать русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Курой... Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышался вензель с именем виновника праздника. Более 30 единодушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада, чтобы восторженно встретить своего дорогого гостя. Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его криками «ура!» с выражениями привета... Все веселились от души, смеялись, и одушевление всех было общее. Тут были и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунывная персидская песня, и Ахало и Алаверды, и Якшиол и Байрон был на сцене — все европейское, западное, смешалось с восточноазиатским разнообразием. И скромный Пушкин нас приводил в восторг всех, забавляя, восхищал своими милыми рассказами и каламбурами...»

— Хочу сказать,— добавляет Шадури,— об упомянутой здесь песне «Ахало». Это грузинская народная песня на стихи поэта Дмитрия Туманишвили. Александру Сергеевичу она, видно, понравилась, и он пишет о ней в «Путешествии», приводит слова. Позже в его бумагах была найдена страница с грузинским текстом и дословным переводом четырех строф.

Но читаем дальше: «...Когда европейский оркестр во время заздравного тоста в честь Пушкина заиграл марш из «Белой дамы», на русского Торквато надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при беспрерывном «ура!», заглушающем гром музыки. Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражал ему, кто как умел, свои чувства, свою радость видеть его, благодаря его от лица просвещенных современников и будущего потомства за бессмертные творения, которыми он украсил русскую литературу. На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое, приятное чувство, которым он был тогда проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голосов восторженных, Пушкин в своей стройной, благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил нас всех за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым...»

Пушкин, счастливый хоть на день... Обласканный на нелегком перевале своей тряской жизненной дороги. Даже если это было не точно так, как описано, а приблизительно так,— но было 150 лет назад и вспомнить об этом бесконечно приятно.

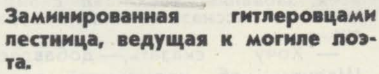
Памятник А. С. Пушкину в Казбеги ● Кавказские горы ● Древняя грузинская сторожевая башня ● Бурный Терек ● Крепость Анаури ● Военно-Грузинская дорога.

Фото И. ДАВИТАШВИЛИ (ТАСС)



Профессора Н. К. Гудзий и Д. Д. Благой в разгромленном Михайловском.





Заминированная гитлеровцами лестница, ведущая к могиле поэта.



Таким оставили Михайловское фашисты.

ТАК ЭТО БЫЛО

Наши встречи с Пушкиным, с его произведениями или местами, так или иначе связанными с ним, проходят через всю жизнь. Для меня грустной была встреча с землей Пушкина в годы войны.

В редакции «Фронтовой иллюстрации», где я во время войны работала, не хватало репортеров, не успевали мы за победоносно идущей нашей Красной Армией, бравшей один за другим города и села. И вдруг необычное задание — немедленно в путь: освобождены Пушкинские горы. С рассветом машина собрала нас из разных концов Москвы. Правда, было обидно, что улетаю перед другой исключительной съемкой — сегодня должны пройти по улицам Москвы тысячи пленных. Зрелище невероятное, а завтра можно было бы и улетать. Но на аэродроме нас ожидал уже какой-то странный самолет — небольшой, но не ПО-2. В нем не было сидений. Кто-то сказал, что он десантный, а так хотелось лечь и уснуть во время полета. В самолете разместилось человек семь-восемь, из них два профессора-литературоведа — Д. Д. Благой и Н. К. Гудзий. Устроилась по возможности удобнее, подложив под голову сумку с аппаратурой.

Разбудило меня необычайное оживление, происходящее в самолете. Держась за поручни, прильнув к окнам кабины, все взволнованно следили за происходящим: самолет шел в тумане на посадку и, чуть не налетая на кроны деревьев, резко снова поднимался, кружился, ища подходящую площадку. И так продолжалось долго. Несколько раз мы проносились над небольшой лужайкой, заваленной валунами. И снова самолет взмывал ввысь, не находя места для посадки. Туман, валуны. Псковщина! Треск веток — и мы буквально грохнулись о землю, поломав шасси. С облегчением выпрыгнули из самолета прямо в кустарник. Выбрались на луг, поросший высокой мокрой травой. Где мы, было неясно. Вдали виднелись дома. Я вызвалась идти туда с учеными и ожидать остальных с транспортом...

Только на следующее утро мы попали в Михайловское. Глазам нашим предстало страшное зрелище варварских разрушений и чудовищных надругательств над всем, что связано с памятью величайшего русского поэта. Фашисты не пощадили ни Пушкинского музея в Михайловском, ни церквей, ни парка. Заминированными оказались обе лестницы, ведущие на холм к могиле А. С. Пушкина в Святых горах. А вокруг нее было обнаружено десять противотанковых и свыше тридцати противопехотных мин. Некоторые из них находились за дощатой обшивкой памятника. Враги изрыли блиндажами и траншеями всю территорию заповедника, растащили пушкинские реликвии.

Сильным взрывом была разрушена колокольня Святогорского монастыря. Увезены все колокола, кроме разбившегося двухтонного. Нарушена корневая система трехсотлетнего, воспетого Пушкиным «дуба уединенного» в Тригорском — под ним вырыли фашисты блиндаж и огневую точку.

Потрясенная, я не отходила от саперов-минеров. Фотографии, которые я тогда сделала, еще раз напоминают о варварстве врага, не пощадившего русской национальной святыни — земли А. С. Пушкина.

Галина САНЬКО,
бывший военный
фотокорреспондент

ГИМНАСТКИ ГОТОВЯТСЯ

Фото А. БОЧИНИНА

Вот как бывает: осенью они блистательным штурмом взяли крепость мирового класса, а весной не смогли одолеть европейский редут. Таково краткое заключение, которое можно сделать после выступления сборной команды гимнасток СССР на чемпионате Европы в Копенгагене.

В чем же дело? Что случилось с нашей командой? — спрашивают удивленные любители гимнастики. Чем вызван срыв?

Да, неудача большая, ведь абсолютная чемпионка мира Елена Мухина заняла лишь четвертое место, а на пьедестале почета удалось сохранить только одну третью ступеньку. Не слишком ли низка эта ступенька для одной из лучших гимнасток мира, Натальи Шапошниковой? А ведь и Мухиной и Шапошниковой пришлось бороться за победу на чемпионате Европы с теми же двумя румынскими гимнастками, что и на чемпионате мира в Страсбурге,— Надей Комэнечи и Эмилией Эберле.

Казалось бы, что все эти вопросы вполне закономерны, но разве бывает спорт без неожиданностей? Да и можно ли считать неожиданным поражение, полученное от таких выдающихся гимнасток, как эти две румынские девушки?

Что касается Нади Комэнечи, то уместен другой вопрос: чем было вызвано ее неудачное выступление в Страсбурге? Ну, а Эберле сделала заявку на успех еще осенью и вот сейчас убедительно доказала, что ее претензии имели все основания. Причем было бы совершенно неуместным ссылаться на болезнь Мухиной, сорвавшую ее график подготовки к чемпионату Европы, и на травмы Нелли Ким и Марии Филатовой — одних из самых сильнейших гимнасток мира. Разве Наташа Шапошникова, выступившая на европейском помосте во всем блеске своего таланта, не могла поспорить с Надей Комэнечи? Но Комэнечи на этот раз оказалась сильнее. Спустя всего полгода, прошедшие после ее неудачного выступления на первенстве мира, ее никто не мог узнать (да и Эберле выросла на голову за этот короткий срок). Вот о чем стоит подумать, вот что надо учитывать, готовясь к новым встречам на большом помосте.



Елена Мухина делится опытом.

Сейчас в гимнастике каждый потерянный тренировочный день — это все равно, что потерянная одна десятая балла во время выступления на соревнованиях. Да, растет сложность гимнастических программ, а вместе с ними усложняются и тренировочные нагрузки. Эта истина хорошо знакома нашим тренерам, и не только нашим, о чем и говорит новый взлет Нади Комэнечи. И мы, подчеркивая огромную роль той подспудной, не ведомой никому работы, которая называется «тренировка», и решили познакомить наших читателей хотя бы бегло, но зато зримо с тем, как идет эта работа. А она после Копенгагена идет полным ходом, ведь впереди новые крупные соревнования, сперва на Спартакиаде народов СССР, а осенью на чемпионате мира в США.

Наши гимнастки и их воспитатели не забывают перефразированную ими поговорку. Эта поговорка гласит: на то и Комэнечи на гимнастическом помосте, чтобы гимнастки не дремали...

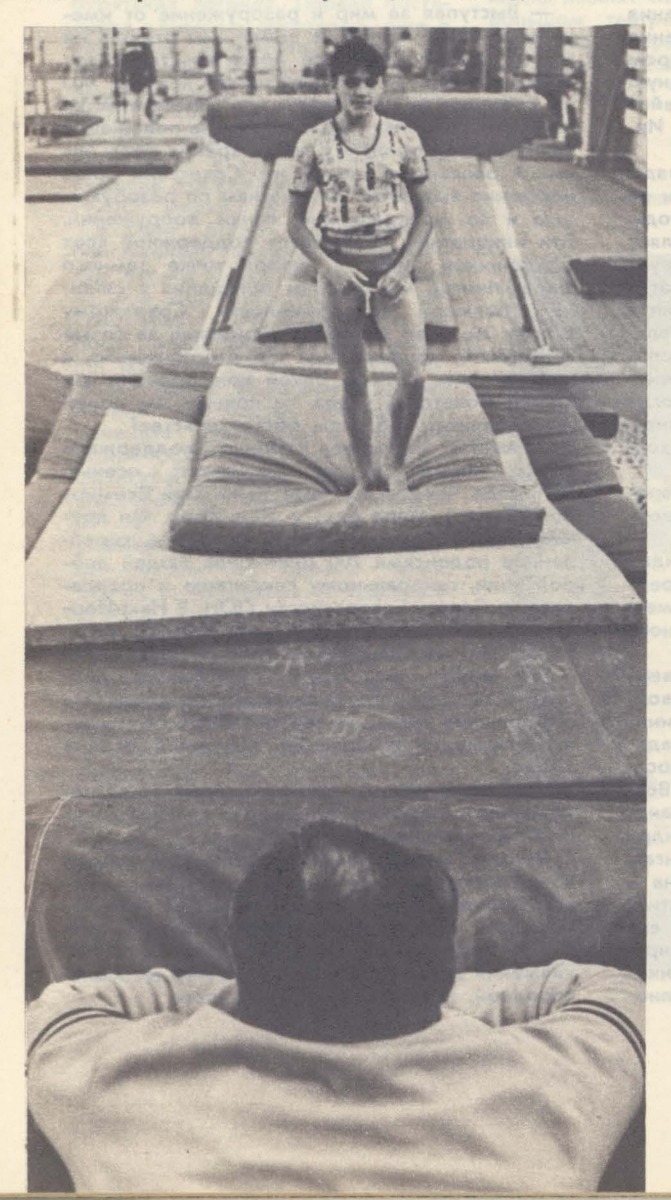
Вот они и не дремлют.

В. ВИКТОРОВ

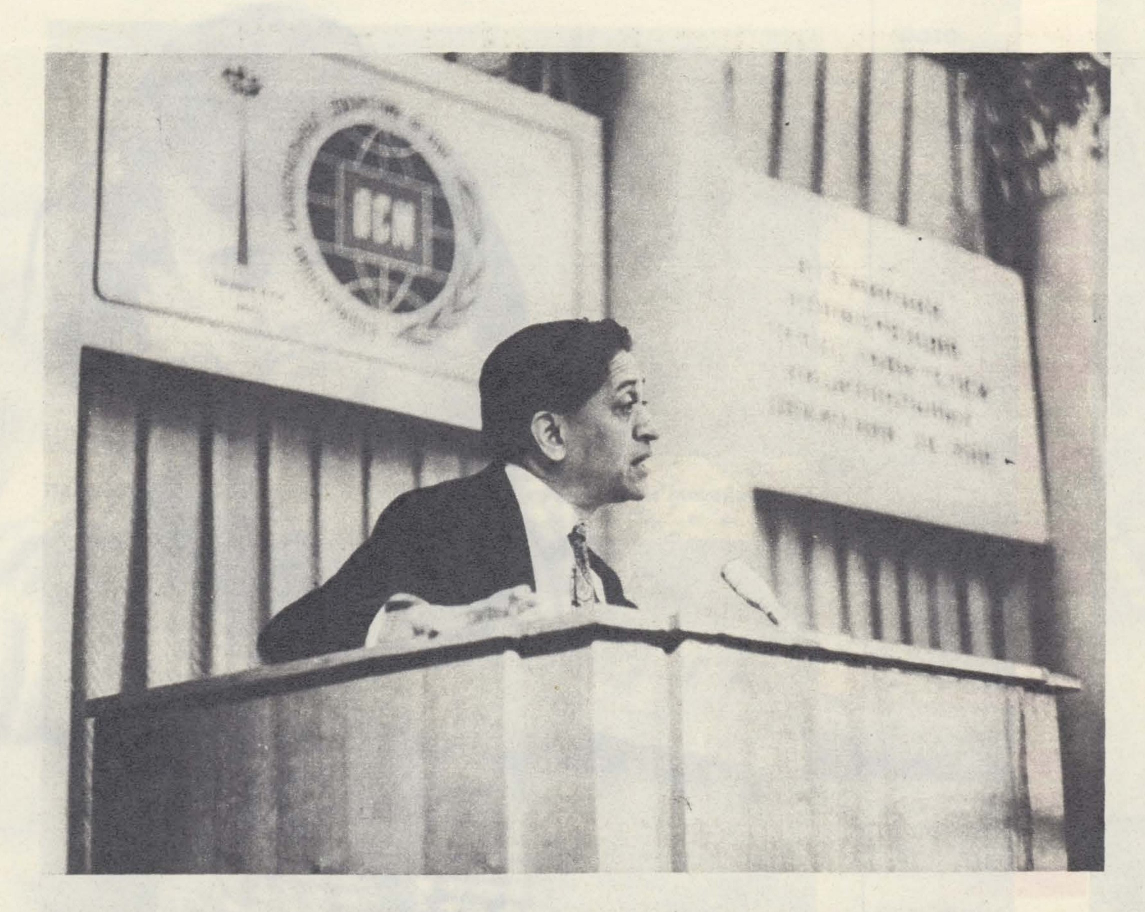


Мария Филатова готовится.

Наташа Юрченко — новая ученица С. Растороцкого.



Брусья — один из главных козырей Наташи Шапошниковой.



ПЛАМЕННЫЙ БОРЕЦ

Михаил КОТОВ

Это было в пятидесятых годах в столице Индии Дели. Здесь проходила сессия бюро Всемирного Совета Мира. В один из дней ее работы стало известно, что премьер-министр Джавахарлал Неру пригласил к себе группу видных деятелей движения за мир. В их числе был и председатель Советского комитета защиты мира писатель Николай Семенович Тихонов. Перед поездкой он попросил меня помочь встретиться с одним из руководителей Всеиндийского совета мира.

Вскоре в вестибюле гостиницы «Ашока», где проходила сессия, мы знакомились с молодым, черноволосым генеральным секретарем Всеиндийского совета мира Ромешем Чандрой. На этот пост он был избран недавно. Завязался оживленный разговор. Чандра старался находить самые красочные слова, приводил интересные факты, называл видных индийских писателей — участников движения.

— А впрочем,— заметил он,— сегодня мы можем побывать на одном митинге. После вашей беседы у премьера Неру приглашаю вас и всех советских друзей поехать на эту встречу.

Тихонов охотно согласился. Вечером мы вместе с Чандрой отправились на встречу с активом Всеиндийского совета мира. В живописном месте, на лужайке, расположились сотни людей. На трибуну поднялся Чандра и стал рассказывать, с какой любовью в Индии говорят о Советском Союзе — верном и надежном друге индийского народа.

В те дни в Дели мы близко познакомились с Чандрой, узнали, что он пришел в движение борцов за мир не случайно, что его биография — это биография человека, чья жизнь — горение, борьба за счастье своего народа, за мир на земле.

Ромеш Чандра родился в марте 1919 года в одном из городков Пенджаба, в состоятельной аристократической семье. Родные готовили ему особую судьбу. Но он с юных лет стал на путь борьбы за свободу своего народа. Часто он вспоминал близкий сердцу Лахор. Здесь начиналась его революционная деятельность в кружках молодых революционеров, здесь он стал лидером студенческой молодежи, здесь стал впервые изучать произведения Маркса и Ленина. А затем были годы учения в Кембридже. Он готовился стать магистром права. Вскоре Чандра возвратился в родную страну. Это была пора развертывающейся борьбы за национальную независимость Индии.

20-летним юношей Чандра вступил в ряды компартии. Колониальные власти запретили ее деятельность, и он уходит в подполье. В годы второй мировой войны Чандра возглавляет одну из партийных организаций, редактирует газету «Пиплз уор». Вскоре его направляют в Бомбей в качестве редактора газеты «Пиплз эйдж». В это время он много пишет, нелегально издает брошюры, листовки, обличает колонизаторов, устои старого мира. «Без изменения и преобразования общества,— писал тогда Р. Чандра,— человеку не может быть гарантировано право на труд, хлеб, здоровье, духовное развитие».

Весной 1946 года колониальные власти арестовывают Чандру, бросают в тюрьму. Совершив побег, он опять уходит в подполье.

Наступает желанная пора, в 1947 году Индия обретает независимость. Внес частицу своего труда в эту долгожданную победу и Ромеш Чандра. Его избирают членом Центрального Комитета Компартии Индии.

В пятидесятые годы во всем мире развертывается движение против угрозы новой войны. Это движение сторонников мира принимает широкий размах и в Индии. На учредительном собрании движения общественность избирает его секретарем-организатором Всеиндийского совета мира. Через год он становится его генеральным секретарем. Чандра ездит по всей стране, выступает на митингах, страстно убеждает и рядового крестьянина и членов парламента, писателей и ученых активно содействовать движению за мир. Голос его весомо звучит на конгрессах в защиту мира. Чандра близко принял к сердцу слова великого ученого и борца за мир Фредерика Жолио-Кюри о том, что только совместные усилия всех народов позволят достичь высокой цели — устранения угрозы новой войны.

В 1966 году на сессии Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра избирается его генеральным секретарем. На этом посту он был двенадцать лет. На Варшавской ассамблее строителей прочного мира он избирается президентом ВСМ.

Помнится, как, встретив в Ленинграде Чандру, Николай Тихонов сказал ему:

— Я предсказывал вам еще в Индии, дорогой друг, что вы станете одним из превосходных лидеров нашего движения. Вы ведь умеете глаголом жечь сердца...

Чандра, не дожидаясь перевода, заулыбался:

— Понял, понял...

Седовласый поэт и смуглый, вечно молодой Чандра крепко пожали друг другу руки.

Вспоминая эти встречи в Дели и Ленинграде, я словно перелистываю страницы жизни нашего замечательного современника, достойного сына Индии, человека, который сегодня возглавляет боевой штаб могучего движения за мир — Всемирный Совет Мира.

Недавно Ромешу Чандре исполнилось шестьдесят лет. Его имя хорошо известно не только в своей стране, но и на всех континентах нашей планеты. Он, как говорится, исколесил ее вдоль и поперек. В шутку его называют миллионером. Он налетал самолетами миллионы километров, побывал в самых отдаленных уголках земли. Его пламенное слово слушали во всех штатах Индии, слушали не только соотечественники, но и героические воины Вьетнама, рабочие Чили, крестьяне Бангладеш и Пакистана, труженики Польши и лесорубы Финляндии, молодежь Кубы и ученые Франции, палестинские беженцы, норвежские рыбаки. Он не раз был желанным гостем в Советском Союзе. Его пламенные выступления неоднократно звучали на форумах советских сторонников мира. С большой сердечностью Ромеш Чандра вручал в Кремле «Золотую медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри выдающемуся борцу за мир, чей вклад в дело борьбы за мир поистине неоценим,— Леониду Ильичу Брежневу.

В своем выступлении на Варшавской ассамблее строителей прочного мира Ромеш Чандра сказал:

— Выступая за мир и разоружение от имени миллионов людей на земле, мы отнюдь не хотим сказать, что все правительства ведут себя неправильно, а правы только народы. Мы не собираемся причесать все правительства под одну гребенку. Мы смотрим на положение вещей в этой области с точки зрения реальности. А реальность такова, что Советский Союз неустанно выдвигает инициативы по разоружению и по прекращению гонки вооружений. Эти инициативы пользуются поддержкой всех сторонников мира в любой точке земного шара. Иногда мы слышим обвинения в слишком большой приверженности Советскому Союзу. Но если мы ведем кампанию за созыв Всемирной конференции по разоружению, а инициатором созыва такой конференции является Советский Союз, то почему мы должны умалчивать об этом обстоятельстве?

Делегаты ассамблеи горячо поддержали слова Чандры. И вот результат: осенью 1978 года Чандра во главе делегации Всемирного Совета Мира едет в Нью-Йорк. Он вручает новое Стокгольмское воззвание, скрепленное подписями 700 миллионов людей доброй воли, генеральному секретарю и председателю Совета Безопасности ООН. В Нью-Йорке впервые за всю историю движения было проведено заседание Всемирного Совета Мира. Американские власти, отвергавшие деятельность ВСМ и продолжающие преследовать сторонников мира, на сей раз были вынуждены разрешить проведение заседания ВСМ в США.

Это стало ярким свидетельством того, что движение сторонников мира — великая сила, с которой нельзя не считаться.

Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Ромеш Чандра в день своего 60-летия был награжден Президиумом Верховного Совета СССР орденом Ленина. Это дань глубокого уважения пламенному борцу за мир, его благородной, неутомимой деятельности.

ГОСТИ ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Солиста Бурятского театра оперы и балета спросили:

— В каких странах мира побывали на гастролях артисты вашего театра?

Он ответил шутливо:

— Легче сказать, где не выступали наши артисты. Иначе придется перечислять все буквы алфавита от «а» до «я»: от Англии до Японии. Но, конечно, главные маршруты наших «театральных странствий» проходили по родной стране.

Гостей из далекого Забайкалья сердечно принимала столица. Государственный Бурятский театр оперы и балета выступал на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, и москвичи от всей души аплодировали бурятским артистам, их талантливым и колоритным спектаклям, их искренности и самобытности.

В репертуаре театра — сорок опер и балетов. В Москве было показано десять лучших работ.

Вот перед нами могучий Байкал — А. Сыдыкбаев... Его дочь, красавица Ангара — Л. Сахьянова и юный богатырь Енисей — А. Павленко полюбили друг друга. Но счастью влюбленных мешает коварный Черный Вихрь — А. Перепечай: он тоже добивается руки Ангары, а с нею вместе — несметных сокровищ ее отца...

В основе балета Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара» (постановка М. Заславского, консультант И. Моисеев) — древняя бурятская легенда. Первая постановка «Ангары» состоялась еще в 1959 году. Мастерство труппы из года в год росло, позволяя усложнить танцы и обогатить спектакль; в 1972 году театр сделал вторую редакцию балета; его создателям и исполнителям присуждена Государственная премия РСФСР имени Глинки.

В роли Ангары по-прежнему блистательно выступает знаменитая Лариса Сахьянова — балерина, чье утонченное искусство высоко ценят у нас в стране и хорошо знают за рубежом; много лет работает она в труппе бурятского театра и практически исполняет все партии репертуара. Начинала Сахьянова в Большом театре СССР: училась в хореографическом училище, танцевала в кордебалете; Гюльнара в «Корсаре» А. Адана и Мария в «Бахчисарайском фонтане» Б. Асафьева — таковы ее первые роли. Сейчас Л. Сахьянова — художественный руководитель балетного училища в Улан-Удэ.

Лучшие традиции русской классической школы танца присущи хореографии бурятского балета. И это понятно: ведь многие из танцовщиц учились в Москве и Ленинграде. Но бурятский балет не сколок столичного, в нем есть свои яркие, интересные особенности, пришедшие от характера и обычаев бурятского народа, от его красочных танцев. В любую, строго классическую партию вносит национальный колорит и особую манеру исполнения воспитанница Ленинградского хореографического училища Ольга Короткова. Застенчивой грацией наделяет она свою героиню — пленную девушку Персидку в опере «Хованщина». В ее танце не видишь привычную восточную негу: ее Персидка скорее робка и пуглива, ее движения целомудренны.

Постановка оперы М. Мусоргского «Хованщина» осуществлена театром недавно (дирижер И. Айзикович, режиссеры А. Дольский и Л. Линховоин, художник А. Тимин).

Великолепен в роли Досифея Ким Базарсадаев. Его красивый, мощный, широкого диапазона бас передает самые тонкие состояния человеческой души. Досифей Базарсадаева — истинно трагический образ: артист мастерски играет обреченность, душевные муки, смятение пастыря, болеющего сердцем о своих учениках, обо всей «младшей братии»... Базарсадаев начинает арию Досифея тихо, почти шепотом, голос прерывается. Но тут же меняется, крепнет облик героя, твердеет лицо, когда он решает принять мученический венец и умереть в огне...

В улан-удэнском музыкальном училище Ким Базарсадаев занимался у прославленного бурятского певца Лхасарана Линховоина, а затем окончил Ленинградскую консерваторию по классу профессора И. Плешакова. Здесь же, кстати, в свое время учился и сам Линховоин, которого москвичи отлично помнят по выступлениям в Большом театре СССР в ролях Мельника (опера Даргомыжского «Русалка») и Кончака (опера Бородина «Князь Игорь»). Замечательный бурятский артист работает на сцене родного театра почти четверть века и пользуется всеобщей любовью не только благодаря вокальному мастерству певца, но и за глубокую человечность, задушевность своего искусства. В опере «Хованщина» Линховоин вел партию князя Ивана Хованского, показав себя в ней как большой драматический артист, психологически полно раскрыв образ своего героя.

В образе раскольницы Марфы Ю. Даниловой слушатели встретились не только с отличным мастерством вокала, но и с подлинным артистизмом. Марфа, раскрывающая все порывы души брошенной женщины, еще и сильная, страстная, несгибаемая натура...

Артисты бурятского театра, пройдя выучку русской певческой школы, приобщившись к актерскому мастерству в лучших театральных вузах страны, обрели серьезную музыкальную культуру, которая и ощущается в любой их работе.

Москвичи снова и снова убеждались в том, что лучшие оперы русских и западных композиторов вполне по силам бурятскому театру. В его репертуаре «Князь Игорь» А. Бородина, «Севильский цирюльник» Д. Россини, «Отелло» Д. Верди... Разумеется, идут на сцене и национальные бурятские оперы.

Оперу-сказку Б. Ямпилова «Чудесный клад» (дирижер — В. Галсанов, режиссер — Н. Логачев, художник — А. Тимин) зрители столицы слушали с большим удовольствием. Музыка этой истинно комической оперы веселая, бодрая; прекрасен актерский ансамбль. Спектакль радует феерическими сценами, яркими и смешными выдумками. Можно было бы и всю ее пронизать — от начала до конца — этим добрым, жизнерадостным мироощущением.

Ямпилову принадлежит и опера на современную тему: «Прозрение» (дирижер И. Айзикович, режиссер С. Будажапов, художник Н. Манилов). В либретто так и сказано: «...действие происходит в нашем городе, в наши дни». В основе сюжета — классический любовный треугольник. Героиню спектакля Туяну (К. Иванова) любят двое: и ее бывший муж, Намжил (Г. Багадаев), и Цэден (В. Буруев), — нынешний супруг, — оба имеют право на чувство Туяны. Сердце женщины рвется между долгом и любовью: ведь любое ее решение кого-то оставит несчастным... В опере много арий, дуэтов, хоровых песен — веселых и печальных, грустных и лирических. Это очень национальное по музыке произведение. В партитуре много мелодий, основанных на древней ладовой системе музыкального фольклора. Звучат эти мелодии и в вокальных партиях и в оркестре, усиливая своеобразие спектакля, подчеркивая национальные краски...

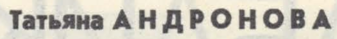
...В четвертый раз москвичи встречались с интересным коллективом бурятского театра. И каждая новая встреча показывала, как растет коллектив, как крепнет его музыкальная культура, растет исполнительское мастерство.

Т. ТРОИЦКАЯ

Балет Л. Книппера и Б. Ямпилова «Красавица Ангара». Фото М. Строкова







Татьяна АНДРОНОВА

Мир велик и

•

Горячая юность, как ветер,
примчалась в любимую степь,
а травы ромашками светят,
а тучи, как белая цепь,
а солнце, как факел, над нами,
а птица звездой в вышине,
а песня с такими словами,
что нежно и радостно мне.
А я молода и пригожа,
а ты и наивен, и чист,
и жизнь так на счастье похожа,
что труд не тяжел, не тернист.

•

Юность краткая, ты как сон
вдруг коснешься души,
и я вижу лесистый склон
в прииртышской глуши,

и скамью у обрыва реки,
и закат по воде.
За спиной шелестят сосняки
на песчаной гряде.

Смотрит синего неба стекло,
будто оком живым,
и на сердце тревожно, светло —
мир велик и любим.

А теперь уже столько лет
потерялось в пути,
беспричинного счастья след
все пытаясь найти.

•

Мой старый дом, любимый уголок,
ну, научи скорей, как быть счастливой!
Из легких слов привязчивый мирок
уже зовет ухмылкою глумливой,
и утешенье, крылья распластав,
летит сюда с бесплодными дарами.
И бьется сердце — боязливый нрав,
едва звучит ответными словами.
Но я ловлю неслышное звучанье
и бережно, надежно сторожу,
и светлой осенью, в оранжевом изгнанье,
по желтым листьям медленно хожу.
Смотрю, вот виноград,
прихваченный прохладой,
он будто гроздья слез,
и отвожу я взгляд,
вот ель надменная чернеет возле сада,
и вот осины серебром блестят.
Вот низкое крыльцо, и окна равнодушно
ресницы белые раскрыли в тишину,
блестят стеклом очей, рисуют в них послушно
соседние огни и раннюю луну.
Вот скоро перед звездною толпою
с плеч скинет небо розовую шаль.
Так мир простой приводит за собою
всех древних истин сладкую печаль.
Мой старый дом, ценю твои услуги,
целебный шепот здесь становится слышней,
когда плывут, плывут сомнений тихих струги
по ряби вод осенних, грустных дней.

•

У вечера наказ от светлой ночи:
туманный полог он, подарок дня,
без сожаленья разрывает в клочья,
чтоб звезды не укрылись от меня,
и губы неба — месяц золотой,
чтоб нашептал красивые слова.
Но тени облака, как ветви надо мной,
и Млечный Путь, как белая листва!
Как руки, узкие тропинки на полях,
и как душа, цветения любые.
Земные мысли у меня в глазах
и думы о тебе всегда земные.

•

И надежды и страсти
каждый миг, будто птицы,
прилетят — улетят, бросят зернышко счастья
к нашим бедным ладоням,
к нашим страждущим лицам.

Но возделать сумеет
поле жизни не каждый.
И удачливый пахарь и взрастит и взлелеет
под дождями и солнцем
его раз, лишь однажды.

А плоды и цветенье
по заслугам и чести.
И избранницы-тропы через поле, как тени,
вьются рядом и рядом
вместе с нами. Да, вместе.

•

Нет горше надежд убитых,
истерзанных и побежденных,
с угрюмой тоскою закрытых
за бессонной ночною стеной.
Нет горше надежд, убеленных
безвременною сединой.

Но если устало не слышим
тревоги голос набатный,
и ветер не носит над крышей
сгоревших желаний дым —
он в поле вечернем, закатном,
туманом летит голубым,

И кажется, только забвенье
ласкает мир за порогом;
и кажется светлою тенью
береза с разбитым стволом;
и кажется длинной дорогой
тропинка за узким стеклом.

•

Покидая прошлого границы,
острой болью сердце рвем друг другу.
Дорогие, памятные лица,
проходите, как завет, по кругу,
кругу жизни. Я его отмечу
добрым взглядом. Все теперь виднее:
прошлого понятней злые речи,
горькие становятся слышнее.
И дороже все, кого любили,
да сберечь живыми не умели.
Жаль, что часто безутешны были
малые печали и метели!
Только время бережет и судит.
Но нельзя исправить ни мгновенья.
Дорогие, памятные люди,
пусть разлука будет нам прощеньем.

•

Глаза мои, смотрите на моря!
Страстей кипящих синие лавины
лишь на прибрежные равнины
ползут, усталое смирение даря.
Громадой дымною полощутся, живые.
Вы, как надежды, волны голубые.
Глаза мои, смотрите на ручьи!
Они плывут покорно и протяжно,
и веки берегов поблескивают влажно,
хранят владения пречистые свои,
чтоб светлой ниточкой они текли.
Они, как слезы на щеках земли.

Глаза мои, смотрите на леса!
И на поля в оранжевом цветенье!
Лучи, как гребень, расчесали тени,
и высохла холодная роса.
И травы, будто пряди, полегли.
Они, как волосы зеленые земли.

Глаза мои, смотрите на цветы!
Ласкайте, руки, их! Целуйте, губы!
Трубите гимн веселый, птичьи трубы,
будите милые, наивные мечты!
Цветы, вы долго для меня цвели.
Вы, как душа обласканной земли.

Глаза мои, смотрите на снега!
Под белым порошком — отравою зимы,
шуршит трава посмертные псалмы
и лживо плачет нудная пурга.
И в этом мутном блеске седины
ждет жизнь моя ликующей весны.

НАСТРОЕНИЕ

Шумит метель над стылою землей!
Деревья и траву пересыпает снегом...
И грустно, что вчера нарядной синевой
в лицо мне празднично смотрело это небо,
так мирно и светло висело надо мной!
Теперь же белый и суровый лик
к стеклу морозному,
как к савану, приник,
грозит изменчивостью, будто жизнь — годами,
сулит печаль и смуту для меня!
Но вдруг дождусь, и с чистыми полями,
с зарею тихою войдет начало дня?
И у окна, на мраморном снегу,
береза, отдохнув, притихшими ветвями
набросит тени легкую дугу?
Волненье светлое счастливым говорком
расскажет, торопясь,
о призрачном несчастье,
о наважденьях, о тяжелой власти
напрасной горечи? И над моим виском
бездушной пулей время не умчится,
обдав меня мгновенным холодком?
Нет, все слабей буранное нытье,
лети, спеши сюда, благоразумья птица!
Спасибо и тебе, терпение мое.

КРУГОВОРОТ

Без яркого, как в юности, огня,
спокойным счастьем душу освещая,
мечтания наивные меня
с годами чаще, чаще посещают.
О праздничная легкость этих дней,
когда волнует сердце озаренье,
что нет ни зла, ни горя, ни сомненья,
а нега жизни мудрости сильней!
Я берегу их, ветреные дни,
ревниво строю крепость для охраны.
Но, как от рабства, прячутся они.
И я в бессилье призываю раны.

Любим

Потом, скорбя, всю боль переборов,
вдруг нахожу я прежнее жилище.
И вновь, увы, от шелковых оков
освободясь, сижу у пепелища.

●

Судьба казалась так далеко:
и дни и годы у меня —
да счастье девой одинокой
все в ожиданье у плетня.
То подойдет к калитке узкой,
скрипя, откроет, в щель глядит.
«О, пережди с терпеньем русским»,—
неслышно, взглядом говорит.

То смело по дорожке — к дому,
и шлейф надежды, как крыло.
«Я шла к тебе, зашла к другому!
Успею...» — шепчет сквозь стекло.
И, утешая за разлуку,
удачей робко отвлечет.
«Ну что ж...» — вздохнув, опустит руку
мне виновато на плечо.

Или в бессилии решится
смиреньем душу обмануть.
И призрак счастья вдруг приснится,
надолго легким станет путь.

Но вот уже судьба седая
идет, остатком дней звеня.
А счастье, так же ожидая,
стоит покорно у плетня.

●

Пройду я вдоль российского селенья,
где за калиткой каждою — родня,
остановлюсь у крайнего плетня.
Как в дальнем детстве, сильное волненье
возьмет за сердце радостью меня.
Как в дальнем детстве, луг перед глазами,
под белой тучей чистая трава,
дождем промыта, вольными ветрами.
И роща распушила рукава,
под солнцем светится весенняя листва.

И та ж река, и та сосна, что снилась,
все ветки подняла под синий потолок,
хвоинки острые роняет на песок.
И камень мшистый здесь, и тропка обвалилась
от берега к воде. Наискосок,
на взгорье небольшом, знакомый дом, ставня́ми
украшен теми же, и вход все так же крут,
и так же тополя над крышею плывут.
Пусть постоянства эти будут с нами,
как вечность родины, красуются, живут.

ДОБРОТА

Когда приходит возраст на порог,
и в сердце смотрит грустными глазами,
и объясняет мудрыми словами,
что сам понять за долгий век не смог,—
тогда тревожные сомнения гнетут
и невозвратность, этот жрец страданий,
нас не пускает в храмы оправданий,
а там раскаянья костер дымящий жгут.

Там тлеют листья осени, как дни,
которым никогда не стать живыми,
я с болью вижу темные огни
и будто отблески-видения за ними.
О как не в срок бываем мы добры,
и понимание седое сквозь усталость
несет неспешные и поздние дары.
Да встретить некому участие и жалость.

●

Скажу, о чем бы ни болела
моя душа — без горечи и зла,
с наивной добротой
она в простор родной земли глядела,
с доверьем и мечтой.
Под теплым небом или снежным
по каждой из дорог прошла б
с любовью, по каждому стволу
своей ладонью провела бы нежно.
И к каждому селу
приблизилась с вниманьем;
все песни поняла, узнала б
каждый труд и каждую печаль;
и каждый год лихой, отмеченный страданьем,
ей стало б жаль.
И одного тебя б любила
моя душа, была бы каждый час
твоей судьбой полна,
и дни начисленные бережно хранила:
жизнь, как мгновение, дана.
О, в тесном мире, быстротечном,
всех созвала бы обогреть,
вздохнуть и наглядеться моя душа,
со всем, что есть вокруг,
живым иль вечным,
проститься не спеша.



Звеньевая Э. К. Брестер.

В Шумковской пойме

Если в начале лета вы попадете на Красноярский рынок (он под новой большой крышей), то увидите, что торгуют тут главным образом картофелем, редькой, хреном, морковью и солеными овощами. А вот свежих овощей и фруктов почти что нет, а если и встретите зеленые огурцы, то завезены они издалека, не с сибирских земель. И продаются по ценам соответствующим, и порой перепалки по этому поводу возникают у прилавка. Сибиряк, восхищаясь крупными красными помидорами, свежими зелеными огурцами с пупырышками, замечает продавцу-южанину: — Ничего не скажешь — божественный продукт у вас, а вот цена безбожная.

Продавец сперва отшучивается, потом огрызается, а сибиряк, купив два помидора для больной жены, идет восвояси...

Эта картина вспомнилась, когда мы ехали в совхоз «Красноярский» — крупное хозяйство по выращиванию овощей. Расположен он в Шумковской пойме. Раньше здесь были заливные луга, когда можно было, крестьяне косили траву и пасли скот. Удавалось это далеко не всегда, потому что в пойме часто гулял Енисей. Потом построили Красноярскую ГЭС, и Енисей стал благоразумнее. Тогда на месте Шумковской поймы и возник красноярский огород.

Мы идем с Валерием Яковлевичем Гладчуком, директором совхоза, мимо теплиц. Стеклянные стены, стеклянные крыши. Издали они чем-то напоминают цеха большого завода, хотя внутри и заполнены буйно растущей зеленью.

— Открытый грунт под овощами,— говорит директор,— у нас сейчас занимает 550 гектаров, из них 512 орошаются. Урожаи можно считать гарантированными, но овощи вырастают осенью, когда население особой нужды в них уже и не испытывает,— вдоволь и картофеля, и капусты, и огурцов. Стало быть, главная наша задача — снабжать огромный город свежими овощами и зеленью круглый год, а этого можно добиться лишь на защищенном грунте. Сейчас у нас свыше семи гектаров зимних ангарных теплиц и пять гектаров весенних, пленочных. Не так уж много, но мы постепенно расширяем свой огород. На второй год после его организации совхоз собрал 180 тонн ранних овощей и всего лишь трех видов: огурцы, лук и помидоры. А в 1977 году мы получили в закрытом грунте 2153 тонны. И ассортимент побогаче: укроп, помидоры, огурцы, лук, редис, сельдерей, петрушка и другие свежие овощи...

Цифры, называемые директором, могут и не удивить овощеводов Молдавии или, скажем, Северного Кавказа. Но там и природные условия, мягко говоря, несколько иные. При здешнем же неласковом климате этими цифрами можно гордиться. Научные организации Новосибирска и Красноярска оказывают совхозу помощь в механизации работ. По-хозяйски ведется реконструкция старых и неудобных помещений. Много ценных предложений по облегчению труда и повышению урожайности внесли опытные овощеводы, звеньевая Эльвира Карловна Брестер, механизаторы Владимир Петрович Майбауэр, Виктор Семенович Бобылев.

Однако нерешенных вопросов у совхоза немало. Взять, например, те же ангарные теплицы, построенные по проектам «Ленгипроторга». Их никак не назовешь удачными. Современную механизацию тут широко не применишь. А места расположения самих теплиц? Они в близком соседстве с промышленными предприятиями, западные ветры доносят сюда вредные выбросы и пыль, оседающую на стекло. Мыть кровлю приходится вручную. Ухудшилось, как показали анализы, качество поливной воды. Нерегулярно подается зимой тепло. Вот и получилось, что в одну зиму было загублено много овощей. А кто не знает о простейших полиэтиленовых горшочках для выращивания рассады? Сделать их на местных предприятиях химической индустрии сущий пустяк, но их сотнями тысяч все же завозят издалека...

Не все гладко и со сбытом продукции. С ранними овощами, снятыми с защищенного грунта, этой проблемы не существует. Положение осложняется осенью, особенно при сверхплановом урожае. Торгующие организации Красноярска отказываются принимать овощи, так как к этому времени все хранилища уже переполнены. Доставка овощей по другим адресам, иногда случайным, проходит в лихорадочном темпе, плохо оборудованным транспортом, а продукция-то ведь скоропортящаяся!

Работники совхоза мечтают о постройке рядом с их огородом овощехранилища, хотя бы на пятьшесть тысяч тонн. Тогда они смогут позаботиться о сохранности своей продукции. А потом, когда транспорт освободится от хлебного потока, не торопясь и бережно, совхоз направил бы свой урожай куда надо. Красноярский овощеторг тоже мог бы подумать о приближении своих хранилищ к совхозу. Для так называемых нестандартных, поврежденных плодов нелишне бы создать при совхозе цех по их переработке...

— Все же духом не падаем,— продолжает Гладчук.— Иногда ошибаемся, исправляем ошибки. Ведь в таких крупных масштабах при суровых климатических условиях овощи еще не выращивались. Наша цель — сделать хозяйство более эффективным, во много раз увеличить производство ранних овощей в закрытом грунте, снизить их себестоимость и тем самым помочь решению одной из острых проблем — обойтись без завоза овощей в наш край из дальних районов страны. Леонид Ильич Брежнев во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку и в последующих своих выступлениях ориентировал нас именно на это.

Руководители совхоза ставят вопрос о том, чтобы как-то кооперировать мелкие теплицы, имеющиеся на многих предприятиях,— работают они кустарно, да и продукция их дороговата. Не пора ли объединить усилия, максимально механизировать производство овощей, уменьшить затраты и, главное, увеличить урожаи и снизить стоимость овощей?

И. КРАВЧЕНКО
Фото автора

ПРОВОДА УХОДЯТ ВДАЛЬ

Советский человек должен ясно сознавать общественную значимость своего личного участия в выполнении народнохозяйственных планов, ускорении научно-технического прогресса как решающего условия дальнейшего укрепления могущества Родины, победы коммунизма.

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Вячеслав КОСТЫРЯ
Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

...А идут эти провода из искрящегося трудовыми и ратными подвигами Вчера, где один из них, перебитый фашистским осколком телефонный, навечно соединен зубами сраженного вражеской пулей героя-связиста...

Неспроста подвиг этот из времен Великой Отечественной вспомнился во время беседы с начальником цеха каротажных кабелей, членом бюро парткома производственного объединения «Средазкабель» Александром Михайловичем Дергачевым.

— Для меня вопрос о профессии решался в конце сороковых годов, когда капиталисты отказали Советскому Союзу в поставках кабелей, объявив их стратегическим товаром,— сказал он.— Теперь и капиталисты покупают наши бронированные геофизические кабели и, едва завидев эмблему ташкентского завода, предлагают контракты,— не без гордости улыбнулся Александр Михайлович.— Конкурируем с лучшими мировыми образцами! Что такое ташкентский каротажный кабель? Современнейшие конструкции разных типоразмеров, отличные токопроводящие материалы, полимерная изоляция, самая стойкая стальная бронировка. Незаменим при разведке и добыче нефти, газа, угля, других ископаемых на больших глубинах. Спрос опережает наши плановые задания. Вот откуда наш встречный план!..

— А его техническое обеспечение?

— Последние десять лет были годами интенсивной реконструкции предприятия. Например, наш цех на той же площади увеличил выпуск продукции в три с половиной раза.

— Качество не пострадало?

— Вы серьезно? — с холодком обиды спросил собеседник.— Долговечность кабеля возросла почти в три раза! Если тянуть его, предположим, волоком, из Ташкента прямо по земле, то бронировка кабеля первых выпусков истерлась бы уже в Кзыл-Орде, а теперь ее до самой Москвы хватит... А то и до Владивостока, если учесть, что на этом пути нет агрессивной среды, которой отличаются буровые скважины,— высокие температуры, давление, химическое воздействие. Скважины-то теперь километра на четыре и глубже...

Вдоль широкого прохода по обеим сторонам цеха — полуавтоматические агрегаты с кнопочными пультами управления. Людей почти не видно.

— Часть рабочих переведена в другие цехи. Многие учатся на курсах повышения квалификации, в заводском техникуме,— объяснил Дергачев.

— Значит, нагрузка на оставшихся увеличилась? А при встречном плане она будет еще больше! Как к этому относятся рабочие?

— А вы спросите у любого.

...Хусан Тухтаев работает здесь уже четверть века. На пульте — тюбетейка из темно-зеленого бархата, такую предпочитают ташкентские дехкане. Он из хлопкоробской семьи, служил в авиации, пристрастился к сложной технике. На цеховом стенде «Мастера — золотые руки» среди других и его портрет.

— Жарковато, Хусан-ака? — кивнул я на тюбетейку.

— От жары горячий чай спасает,— рассмеялся Тухтаев.— Идет плановый кабель, самое время думать о сверхплановом! А узбекская пословица гласит: когда не с кем посоветоваться, сними тюбетейку и поговори с ней.

— Что же она вам рекомендует?— спросил я в том же тоне.

— Она всегда хорошие рекомендации дает. Узнай, говорит, Хусан, что думают магнитогорские металлурги насчет поставок в Ташкент бронировочной стали на четвертый год пятилетки, а за тобой дело не станет!..

Соседний агрегат обслуживает Василий Мотин, бывший балтийский моряк, рационализатор по призванию, тоже «мастер — золотые руки». Он сказал, как отрезал:

— Будут материалы вовремя — хоть два встречных плана дадим.

— Не трудно?

— Трудно, когда перебои. Когда все идет нормально — душа поет.

— А физическое напряжение?

— До реконструкции было так — кнопку нажимаешь, а спина все равно мокрая. Ручного труда хватало... Теперь на полуавтоматах куда легче! Лишь бы работа ладилась... Тогда и отдохнуть не грех! У нас знаете какие зоны отдыха? «Сайхун» на Сырдарье, «Гулистан» в отрогах Кураминского хребта... Наш директор выступал с лекцией о комплексном плане развития «Средазкабеля». И об отдыхе речь шла... Это в подкрепление встречного...

В подкрепление встречного! Я застал директора «Средазкабеля» Хикматуллу Рахматовича Алимова не в его кабинете, а в завкоме, где он вместе с секретарем партийного комитета Валерием Дмитриевичем Петровым «утрясал» именно культурно-бытовые вопросы. Председатель заводского профсоюзного комитета Тамара Дмитриевна Чурикова — кстати, в прошлом рядовая работница — пригласила на беседу председателя Ташкентского облсовпрофа Анатолия Васильевича Браилова: «Помогите нам, необходимы оборудование и современная мебель для нового санатория-профилактория». Браилов в курсе заводских дел, забот. Облсовпроф готов помочь, но...

— Надо построить новое здание вне территории завода, а то отдыхающие после ужина расходятся по домам, городок-то рядом. Отдых должен быть по-санаторному полноценным. Что предпринимаете?

— Осваиваем участок на Голубых озерах! Будет курсировать автобус.

И тут же возник вопрос:

— Не накладны ли для вашего встречного плана такие затраты?

— Нет! — возразил генеральный директор.— Люди, ощущая заботу, не скупятся на отдачу... Полюбили производство, хотя оно у нас сложное. Изменилось само содержание профессий. Вот, скажем, кладовщик. Молодежь не шла на работу «амбарного конторщика». Но когда мы создали автоматизированную систему управления, то на складах появились периферийные пункты сбора информации, построены специальные помещения, оборудованные вычислительной техникой для учета материалов. И кладовщик ныне — это оператор пункта АСУП. Так почти на каждом участке. Это и позволило нам найти резервы для встречного плана.

— Каков объем встречного плана в денежном выражении? — поинтересовался я.

— Около миллиона рублей. Но расчет, как известно, красен отчетом. Поэтому уже не первый год у нас действует бескомпромиссный контролер — «коэффициент ответственности». И тоже с помощью электроники. Выполнил поручение в срок — единица, обогнал время — плюс к единице, опоздал — минус. Соответствующее поощрение или вычет — тоже подсказывает перфолента. Такая объективность создает в коллективе благоприятный психологический климат...

В этом мы убедились, беседуя с начальником филиала «Средазкабеля» Икрамом Дадамухамедовым. Здесь введена балльная система учета труда с ежедневным оглашением результатов. Это обеспечило действенность социалистического соревнования, позволило найти резервы для встречного плана.

— Видели новые крутильные машины? — поинтересовался Икрамджан.— А если к ним еще и новый подход?.. Нуралиджан! — вдруг окликнул он скрутчика Мутенова.— Расскажи о своем «секрете».

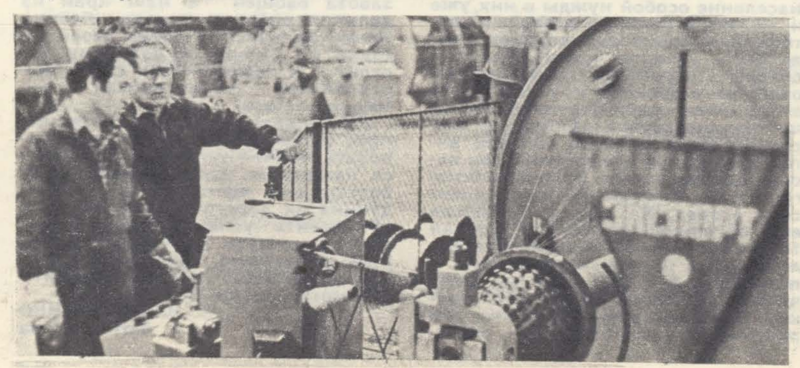
— Какой секрет? Теперь все так работают... Обычно как было? Минут за двадцать до конца смены стоишь — трешь ветошью и без того блестящие бока агрегата, поглядываешь на стрелки часов... А почему бы не заправить проволоку на новый цикл! Придет сменщик, и агрегат с первой же минуты на ходу! Совсем другое настроение...

По пути с завода совсем по-другому виделись троллейбусные, трамвайные, телефонные провода, исчертившие городское небо. И всё вспоминались слова председателя профкома Тамары Дмитриевны Чуриковой, эвакуировавшейся сюда рабочей девчонкой вместе с заводом из Подмосковья в 1941 году: «Еще крыши над головой не было, просто брезентовый навес над пустырем, а станки уже на полном ходу давали фронту телефонный провод. Круглые сутки! Видимо, это передалось нашей молодежи... Мы ведь провода выпускаем!»

Бронировщик Хусан Тухтаев: — За нами дело не станет!..



В цехе каротажных геофизических кабелей.



Б. Щербаков. А. С. ПУШКИН НАД ОЗЕРОМ В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС. 1978.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР. 1978.

Б. Щербаков. ДОМ ОПАЛЬНЫЙ. 1978.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ. 1979.



ДЕВЯТЬ ДНЕЙ НЫНЕШНЕГО МАЯ

Каждый год мы с нетерпением ждем этого киносмотра, и хоть было их не так-то много — числом двенадцать,— они каждый раз становились весьма важным событием кинематографической жизни. На сей раз местом проведения очередного Всесоюзного кинофестиваля стал Ашхабад — на удивление зеленый город у подножия Копетдага,— город довольно давних кинематографических традиций... Помимо мастеров республиканского кино, с Ашхабадом, с землей Туркмении связаны имена Райзмана, Савченко, Донского...

Итак, двенадцатый Всесоюзный... Почти 40 киностудий страны, 32 художественных фильма, а также документальные, научно-популярные и мультипликационные ленты,— впечатляет самый размах отечественного кинофорума, демонстрирующего подлинную полифонию жанров, разнообразие творческих манер, от нарочитой иногда «заземленности» до романтического обобщения.

Буквально весь трехсоттысячный город превратился в дни фестиваля в некий многоэкранный зал, и зритель постигал нравственные мучения князя Касатского — в монашестве Сергия,— длиннобородый старец вопрошает себя голосом Бондарчука: что есть истина?.. А тут же рядом, в картине решительно иной тематики, иного психологического уровня, задается нравственным поиском самого себя наш современник, двадцатилетний рижский студент из фильма Гунара Пиесиса «Твой сын»...

Девять дней напряженной работы — именно работы кинофорума (думать о фестивале как о непрерывном празднике ошибочно) воочию показали, насколько ценно для нынешнего поколения мобильное искусство кино: широкое по охвату проблем, заинтересованно исследующее динамику жизни... Можно согласиться с Эльдаром Шенгелая, членом жюри по разделу художественных фильмов, который заметил: «На мой взгляд, киносмотр в Ашхабаде выявил важные тенденции дальнейшего сближения нашего искусства с реальной народной жизнью, из которой художники и черпают темы, проблемы, сюжеты фильмов, образы, характеры героев».

Лауреатами фестиваля стали фильмы, несущие именно народную жизнь. Так, картина киевского сценариста и постановщика В. Денисенко «Жнецы» удостоена приза за отражение проблем сельского хозяйства; лента литовца М. Гедриса «Цветение несеяной ржи» награждена за разработку морально-этической проблемы, а документальная картина белорусских кинематографистов «Земля моя — судьба моя» — за яркое воплощение образа современника. Фильму «Слово о хлебе» присужден приз за глубину раскрытия темы «Человек на земле»... Аналогичные награды получили режиссеры из Киргизии Б. Шамшиев и А. Суюндуков, а также постановщик из Узбекистана К. Камалова — авторы лент «Среди людей» и «Чужое счастье», отмеченных призами за яркое изображение проблем жизни современного села.

Многонациональное киноискусство, которое в скором времени отметит свое 60-летие, доказало на фестивальном экране жизнестойкость эстетических принципов, гражданскую зрелость художнической позиции. Главный приз кинофорума вручен представленной «Мосфильмом» картине Витаутаса Жалакявичуса «Кентавры». Зрительская ее репутация известна: она с успехом шла в прокате, утверждая право человека на подлинную демократию, обвиняя фашизм. Фильм отличается высокопрофессиональным уровнем постановочного и актерского мастерства, операторской культуры. Второй главный приз вручен грузинской ленте «Несколько интервью по личным вопросам», открывшей фестиваль. Этот фильм, сказала режиссер Лана Гогоберидзе, для меня во многом глубоко личный: это история о женщине, у которой было тяжелое детство и сейчас — сложная, напряженная, полная драматизма жизнь. И о том, что жизнь ее прекрасна, так как это и есть свойство одаренной натуры — отдавать себя до конца детям, любимому человеку, работе, друзьям и во всем — в радости, в печали — находить счастливую напряженность переживаний...

Константин Ершов, представлявший на фестивале кинематографистов города на Неве, тоже мог бы сказать, что его фильм во многом глубоко личный... «Человек, которому везло» (соавтором сценария вместе с Ершовым выступил Г. Панфилов) — повесть об опытном уральском геологе, который еще полвека назад всецело посвятил себя исследованию недр, исходил пешком не одну тысячу километров в поисках кладовых земли. Сын геолога и, несомненно, одаренный кинематографист, К. Ершов получил приз за лучшую режиссуру.

Пятнадцать лет назад состоялся первый Всесоюзный кинофестиваль, теперь завершен двенадцатый. И каждый фестиваль на свой лад зафиксировал напряженное биение сердца кино. Отечественный кинематограф живет, упорно расширяя круг своих интересов, накапливая богатый профессиональный опыт, постоянно — и особенно бурно в последние годы — обогащаясь молодыми силами. Их слово веско прозвучало и на нынешнем киносмотре.

Ю. САМАРИН

ДУЭТ МАСТЕРОВ

Много лет назад в Галиции да и за ее пределами нашумел так называемый «Кукузовский процесс» — об убийстве и ограблении ксендза некой графиней и ее сыном. В то время великий украинский писатель Иван Яковлевич Франко, сотрудничая в газете «Курьер польский», присутствовал в суде; очевидно, это и послужило для него толчком к созданию повести «Столпы общества», где с большой убедительностью показано, как обычаи и нравы польской шляхты изуродовали характер человека, совсем неплохого в молодости,— графской дочери Олимпии.

Искренне полюбила Олимпия бедного студента, доброго и честного Нестора, но была насильно выдана замуж за старого графа, развратника и картежника. От чистой любви к Нестору до его убийства — таков жизненный путь графини Олимпии Торской... Великий украинский классик наделил сложный характер женщины сильной волей и коварством.

Не так давно Киевский академический украинский драматический театр имени И. Франко показал свой новый спектакль «Суд и пламя». Пьеса написана по мотивам повести Франко народным артистом УССР Владимиром Лизогубом. В его постановке образ графини Торской, созданный народной артисткой СССР Наталией Ужвий, поражает мастерством исполнения. Сколько оттенков — от нежно-пастельных до ярких, сочных красок — в ее исполнении! Всепоглощающая любовь к сыну движет Олимпией Торской. Перед нами жестокая, но порой не лишенная некоторого обаяния и даже человечности женщина. Нестор же только на закате лет поймет всю бесполезность и никчемность своего существования. Народный артист СССР Евгений Пономаренко, отметивший этим спектаклем свой полувековой юбилей служения украинской сцене, в сложнейшем дуэте Нестора с Олимпией приковывает внимание к трудной и сложной судьбе героя. Противоречивый путь прошел он: от студента, мечтавшего стать учителем и отдать свои знания народу, до священника, человека в общем-то бесполезного... «Я умышленно погасил в своем сердце любовь к людям. Не отдал огня своего и знаний своих труждающимся и обремененным. Об одном только заботился — чтобы деньги складывать... Вся жизнь моя была только этим заполнена! Вместо того, чтобы отплатить свой долг народу, вместо жены и детей, приятелей, труда и любви! Как же мне теперь умирать?!.»

Так трагически подытоживает свою жизнь Нестор. С огромной силой и блестящим мастерством проводит эту сцену Евгений Пономаренко. Диалог Олимпии — Ужвий и Нестора—Пономаренко позволяет артистам проявить всю мощь своего таланта. Благодаря им давние образы, созданные Иваном Франко, предстают перед зрителем, как живые. Вот где надо учиться и учиться тому, как обогащать славные традиции актерского искусства, развивать реалистическую франковскую школу.

Юрий ЯГНИЧ

Киев.

Олимпия — Н. М. Ужвий, Нестор — Е. П. Пономаренко.

Фото Н. Бориско



Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение резидента

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 11

ИСПОВЕДЬ НАЕМНОГО УБИЙЦЫ

II

Прибыл я в Париж, нашел улицу Мюрилло, нашел контору, только это была не контора, а вербовочный пункт, а мсье Тринкье оказался полковником в отставке. А набирали они людей для войны в Катанге по заданию Моиза Чомбе. Этот черномазый проходимец собирался заграбастать все Конго, ему нужны были хорошие солдаты. Своих он не имел, приходилось нанимать за деньги.

Я им подошел по всем статьям. Условия для меня были самые великолепные: две тысячи долларов в месяц плюс страховка на случай ранения шесть тысяч.

Меня включили в отряд, которым командовал Боб Денар, и скоро я увидел, что это командир лучше не надо.

Вообще ребята подобрались крепкие, большинство — бывшие служаки вроде меня, но я был самый молодой.

Боб Денар Африку знал — он когда-то был комиссаром колониальной полиции в Марокко, так что нам, кто попал под его начало, можно сказать, повезло. А после я познакомился и подружился еще с одним славным человеком — Марком Госсенсом... Мы с ним много чего сотворили в этом чертовом Конго. Жаль, он потом погиб в Биафре... Да и не он один. Большие деньги даром не даются, за них кровь требуется...

Я сначала попал в личную охрану Чомбе, и стрелять не приходилось. Он хитрый был и осторожный, но, по-моему, глуп, как страус. Важную персону из себя корчил.

В тот раз шла какая-то возня между политиками. Моиза все старались уговорить, чтобы он успокоился. Даже ООН вмешалась. Сам генеральный секретарь Даг Хаммаршельд и тот до Моиза снизошел. Они должны были встретиться на переговорах в Родезии. Но самолет, на котором летел Хаммаршельд, потерпел аварию.

Наши, из Европы, кто вместе со мной прибыл, верили только европейцам и держались друг за друга, потому что местные вояки, служившие Моизу, были ненадежные, им и сам-то Моиз не доверял.

До конца шестьдесят второго года прокантовался я спокойненько в Элизабетвиле. Кормежка приличная, хочешь выпить на досуге — пожалуйста. Зарплата в банк регулярно поступает.

Но потом за Чомбе взялись всерьез.

Первый раз стрелял я по живым людям, когда Моиз Чомбе перебрался, чтобы не попасть в плен, в маленький городок, где были медные рудники. Нас окружили, и приказ от Боба Денара был — отстреливаться до последнего. Чомбе ждал транспорта, чтобы смыться, а мы держали оборону.

Спасибо Денару, он сумел нас, оставшихся в живых, вывести из кольца — оно в одном месте разомкнуто было.

Чомбе улизнул в неизвестном направлении, а мы, разбившись на группы, целый месяц продирались сквозь джунгли, через реки...

Когда в лесу разделялись на группы, Денар сказал, что всякий, кто вернется в Европу, сможет разыскать его, если понадобится, в Париже, в ночном кабаре «Черный кот».

Мы с Госсенсом в конце концов добрались до Дакара, а потом он — в Бельгию, я — в Париж.

Слова Денара насчет кабаре «Черный кот» я всегда помнил и изредка туда наведывался.

Однажды мы там встретились, и он шепнул, что наклевывается крупное дело — на сей раз, кажется, все будет обставлено намного солиднее и протянется дольше. База и заказчик тот же — Моиз Чомбе. Я просил Денара иметь меня в виду.

Повидался и еще с одним из наших. Тот приглашал с собой в Мадрид, к Майку Хору, который формировал свою команду, но я отказался, потому что о Майке я слышал, и он мне не нравился. Хор — полковник из Южно-Африканской Республики. Он тоже на Чомбе работал, но под его началом мне служить не хотелось. Его недаром в Африке называли «бешеным Майком». Он из идейных, хотя денежки любит не меньше всех. Он считал себя главным борцом против коммунизма, а меня от этих одержимых тошнит. Они от крови пьянеют, а у меня характер другой. Люблю чистую работу. Если кто-нибудь хочет, чтобы я подставил свою грудь под пулю или стрелял вместо него — пусть платит чистоганом, а идеи оставит при себе, гарнир из лозунгов я не ем...

В общем, завербовался я к Денару, ему можно было верить и служить, а про идеи он не распространялся.

Насколько понимаю, обстановка в Конго была тогда для Чомбе очень выгодная. Там раздоры шли, а он обещал установить твердую власть. Во всяком случае, нам, наемному войску, он жалованье платил действительно твердое, и ставки были выше, чем год назад. И набралось нас, белых, гораздо больше.

В Мадрид мне все-таки пришлось попасть, потому что там назначили пункт сбора. Из Испании в Конго переброска велась самолетами. Организовано все было четко, как по расписанию. Чьи были самолеты — не интересовался.

Наш транспорт сел на столичном аэродроме сразу вслед за личным самолетом Чомбе. Моизу там устроили пышный прием.

Разместили нас кого по казармам, кого по частным домам, и началась гульба.

Народец подобрался пестрый, были и уголовники, даже знаменитые, например, Карл Шмидт по кличке Мини-Шмидт. В нем росту всего сантиметров сто пятьдесят пять, но мал, да удал. Про него легенды ходили. Он сумел на пару с помощником угнать из-под носа у охраны два грузовика с оружием и патронами, и не где-нибудь, а в Западной Германии, и потом кому-то продал эти грузовики вместе с содержимым. Говорили, заработал колоссальные деньги. Полиция выписала ордер на его арест по-немецки, по-английски, по-французски и по-испански, а он от всех полиций улизнул. Его черта с два и найдешь — маленький очень...

За полтора года много чего навертелось. На войну это мало было похоже. Скорее — на облаву. То они нас, то мы их.

Но, видно, Моиз Чомбе не очень-то умел вперед глядеть. Да и откуда ему? Мелкая сошка.

В октябре шестьдесят пятого опять пришлось нам драпать из Конго.

Против Чомбе все время шла борьба, но несогласованно, и к тому же он имел сильную поддержку от тех, кому было выгодно его у власти держать.

Наконец нашелся генерал, который собрался с духом и сверг Чомбе. Это был генерал Мобуту. Слава аллаху, в шестьдесят пятом через джунгли пробираться не пришлось. Организованно отбыли на самолетах в Испанию. И командиры сказали людям, чтобы те, кто захочет снова вернуться в Конго под знаменем Чомбе, держали связь с вербовочными пунктами, которые будут открыты во многих городах: в Риме, Париже, Брюсселе, Льеже, Женеве, Бордо, ну и, конечно, в Мадриде и Лиссабоне. А кто окажется в Родезии или ЮАР, то и там найдет вербовщика, когда пожелает. Бешеный Майк на пенсию пока не собирается.

Месяца два я жил в Мадриде тихо-спокойно. Компанию водил исключительно с нашими, из командос. У всех такое настроение, что не сегодня-завтра нас опять позовут, поэтому держались дружно. Тогда я и познакомился с Гейзельсом и Франсисом Боненаном. Эти были не нам чета — таких под пули в джунгли не погонишь. Кому как, а мне они не понравились. Но Гейзельсу, врать не буду, должен сказать спасибо. Он мне сильно помог, пристроил к делу.

Пройдоха Боненан втерся к Моизу в доверие и знал все его планы. Незадолго до рождества сошлись мы большой компанией в номере у Гейзельса — обсудить положение. И Гейзельс сообщил, что в ближайшее время, то есть в шестьдесят шестом году, нам на работу в Африке рассчитывать нечего. Так ему сказал Боненан, а тому можно было верить.

Приуныли мы. Год, конечно, можно и пересидеть, но денежки текут, а за простой никто не платит.

Когда расходились, Гейзельс меня задержал. Чем я ему понравился, трудно было понять, но он без всякой корысти выразил желание мне помочь. А может, его корысть со-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—22.

стояла в том, что ему был сделан заказ на парня вроде меня, и он получал за это комиссионные. Точно утверждать не буду, но Гейзельс не из тех, кто упустит возможность заработать. Короче, он дал мне адрес и записку к человеку по имени Алоиз и объяснил, что у него на службе я при известном старании смогу обеспечить себе приличную жизнь. После я понял, почему Гейзельс выбрал именно меня. Я успел приобрести репутацию самого меткого стрелка и никогда не терял спокойствия. А это у нашей бражки ценилось.

Все бы хорошо, да только адрес у этого самого Алоиза был не очень подходящий — Нью-Йорк.

Зайцем туда не полетишь, не поплывешь, платить надо. И неизвестно, может, зря протрясешься.

Засомневался я, опять пошел к Гейзельсу через неделю, а он меня увидел и говорит: «Ты еще здесь?» И объяснил, какой я дурень, что до сих пор торчу без дела в Мадриде. Умеет он убедить, ему в рекламном бизнесе ворочать.

Мы, правда, упустили из виду, что для поездки в Штаты на длительный срок нужна специальная виза, но Гейзельс взялся все устроить. И действительно в феврале у меня было разрешение на въезд в Штаты с правом пребывания на полгода и с последующей возможностью продлить срок, если я пожелаю.

В марте я прилетел в Нью-Йорк. По адресу, который дал мне Гейзельс, нашел небоскреб на Манхэттене, весь набитый офисами и бюро. Алоиз оказался солидным человеком лет пятидесяти. Он сидел в кабинете за двойными дверьми. На двери табличка: «Адвокат». В кабинете стол и два кресла и больше ничего. На столе телефон.

Алоиз прочел записку Гейзельса, там поанглийски было написано, что ее предъявитель — тот самый парень, который нужен получателю, то есть Алоизу. Так мне еще в Мадриде сам Гейзельс объяснил, потому что читать по-английски я не умею. Разговор немного понимаю — шкипер все-таки целый год меня учил, а читать и немецкие-то газеты особенно некогда было.

Но проблема с языком сразу отпала, потому что Алоиз прекрасно говорил по-немецки.

Ни о чем не спрашивая, он дал мне ключ от квартиры, написал на листке из блокнота адрес и растолковал, как туда проехать. Предупредил, что больше я никогда не должен появляться в его офисе, сказал, чтобы я поселился в этой квартире, обжился, а он скоро меня навестит. Потом вырвал из блокнота лист, посадил меня в свое кресло, дал авторучку и попросил написать расписку, что я получил сто долларов. Пока я писал, он отсчитал сотню пятидолларовыми бумажками. Не нравилась мне эта процедура с распиской, но капризничать не приходилось — ведь я к нему пришел, а не наоборот. Ему не понравилось, что загар африканский с меня еще не сошел. «Впрочем,— сказал Алоиз,— ты можешь выдавать себя за фермера с юга. У них, говорят, тоже вот такие физиономии — лоб белый, а остальное — как у мексиканцев». Мы в Африке пробковые каски от солнца носили, поэтому у меня действительно половина рожи как сметана, а половина черномазая. Шляпу в городе снимешь — глядят, как на клоуна.

Я к тому о загаре распространяюсь, что из-за него-то едва и не влип на первом же деле.

Подробности жизни в Нью-Йорке рассказывать неинтересно, скажу только, что поместил меня Алоиз в однокомнатной квартире с холодильником, с телефоном. На третьем этаже огромного старого дома.

Через день он заехал ненадолго вечером, на груди у него висел фотоаппарат. Спросил, умею ли я водить машину. Это я умел. Он сказал, что в моем распоряжении будет «форд», не новый, но вполне на ходу. Только одно условие: к дому я на машине никогда не должен подъезжать. Чтобы жильцы не видели меня в машине. Значит, я должен ее парковать где-нибудь подальше, лучше на западной окраине.

Алоиз снабдил меня схемой нью-йоркских улиц и загородных автострад, чтобы я как следует ее изучил. Прежде чем уйти, он меня сфотографировал несколько раз, поставив к голой стене.

Неделю я осваивался с машиной и с уличным движением. По указанию Алоиза съездил в одно местечко, километрах в двухстах от города. Там лес большой, по опушке идет дорога, а за лесом перед речкой — большой овраг. В тот день, когда я туда ездил, уже после возвращения, Алоиз пришел ко мне и принес в чемоданчике тяжелый длинноствольный пистолет с глушителем. Я таких раньше в руках не держал. Алоиз предупредил, чтобы я брал его только в перчатках.

Тут у нас впервые зашла речь о моих обязанностях и о его обязательствах. Он не юлил, выложил все как есть.

Я должен отправить на тот свет незнакомого мне господина — Алоиз обязуется уплатить три тысячи долларов. Просто и ясно, как апельсин. Все, что называется подводом, то есть необходимые сведения об этом господине, Алоиз брал на себя. Пока мне полезно съездить в тот овраг и пристрелять пистолет. Алоиз сказал, что эта пушка способна пробить человеческий череп с трехсот метров. Он дал мне, опять-таки под расписку, еще двести долларов и сказал, что они в мой гонорар не входят. Вроде дополнительной платы за вредность профессии...

Ну, смотался я в овраг, нацепил на куст бумажку и расстрелял две обоймы по девять патронов. Бой у пистолета оказался отличный.

Вскоре Алоиз показал мне моего клиента. Мы сидели в машине, а он вышел из какого-то административного здания, облепленного вывесками и табличками. Его сопровождал чернявый парень моих лет, по виду боксер. Алоиз сказал, что это шофер и телохранитель. Клиента я хорошо запомнил. Он сел в свою машину на заднее сиденье, телохранитель — за баранку...

Алоиз дал мне адрес любовницы клиента, где он бывает раз в неделю, по четвергам.

Перед тем как сделать дело, мне надо провести тщательную рекогносцировку, наметить удобную позицию и пути отхода. Все это по моему собственному выбору, но одно условие нужно соблюсти обязательно: я брошу свою машину недалеко от места происшествия и оставлю в ней водительские права на имя Ричарда Смита. Права эти, совсем новенькие, как и мои, которые Алоиз вручил мне накануне, он сунул в карман на тыльной стороне спинки моего сиденья. Алоиз, между прочим, когда являлся ко мне, всегда был в перчатках. А я по его требованию без перчаток не садился за руль... Да, пистолет я тоже должен был оставить в машине...

Гонорар Алоиз обещал принести наутро после исполнения.

Ты спрашиваешь, не боялся ли я идти на убийство? Не мучился? Совесть и прочее?

Смотря что считать боязнью... Неприятно было влипнуть, это ясно. Но бояться нужно было больше этому господину, которого я не знал даже как зовут и про которого Алоиз, для того, кстати, чтобы моя совесть не слишком страдала, сказал, что он очень, очень плохой человек, по нем даже не вздохнет никто, а все будут рады увидеть его в гробу. Вот я заодно и насчет совести объяснил, но если этого тебе мало, скажу еще вот что. Убивать одних по просьбе других — это же моя профессия, я к тому времени уже три года только тем и зарабатывал. Получается, что совесть здесь ни при чем. А три тысячи долларов на дороге не валяются. В Африке за такие деньги надо два месяца потеть. А тут один выстрел... Нет, про совесть не будем рассуждать. Банкиры же спокойно спят, правда? А чем они лучше меня? Сами стрелять не умеют? Так за них стреляем мы. Вся разница... О совести пускай пекутся попы и монахини, а нам жить надо. В общем, поехали дальше. Или тебе надоело? Не надоело? Тогда попивай винцо и слушай. Первый раз в своем прошлом копаюсь, даже самому занятно...

Поехал я на рекогносцировку. Картинка такая: дом, где жила милая моего клиента, стоит на тихой улице, ширина проезжей части метров пятнадцать, да тротуары с двух сторон — метров шесть. Напротив — точно такой же десятиэтажный дом во весь квартал. Эту улицу пересекает широкая авеню, на которой движение оживленное. До угла — сто метров. На углу — закусочная в полуподвальном помещении. Парковаться можно на платной стоянке чуть дальше закусочной по авеню.

В первый же четверг я установил, что клиент паркуется на этой стоянке. Телохранитель проводил его до подъезда, а сам пошел в закусочную. Это было в семнадцать ноль-ноль. Ровно в девятнадцать телохранитель был у подъезда, и прямо тут же ему навстречу появился из парадного клиент. Видно, очень деловой человек, все расписано по секундам — когда ковать деньги, когда любить. С таким не соскучишься...

Все я вроде рассчитал, как по нотам, оставалось дождаться следующего четверга, потому что тянуть я не люблю. И все бы гладко и сошло, если бы не мой африканский загар, вернее, если бы я о нем не забыл. И главное, Алоиз меня предупреждал. Да и не ошибка это, а просто штука в том, что когда идешь на такое дело, надо глядеть не на неделю вперед, а немного дальше.

Никаких правил я не нарушил, а просто два раза зашел в закусочную на углу поесть. Ничего там не пил, только пожевал. Но когда жевал, то шляпу снимал. А без шляпы я приметный.

Каждому известно: заставьте трех разных свидетелей рассказать об одном и том же происшествии — такой винегрет получится, что сам папа римский не разберется. Но мою клоунскую рожу семь человек одинаково запомнили и описали, а все из-за проклятого загара.

Настал тот день, тот четверг. Без четверти пять я притопал пешком на угол, зашел в закусочную, взял чашку молока, сел к окну. Точно в семнадцать прошел клиент с телохранителем. Я допил молоко и отправился за машиной — далеко ее оставил, минут сорок ходьбы. Надел перчатки, сел за руль, покурил, достал из чемоданчика пушку, дослал патрон в патронник и предохранитель спустил, чтобы не забыть в последнюю секунду — знаешь, как иногда фотографы забывают снять крышечку с объектива. И поехал кататься вокруг по довольно пустынным в этом районе стритам.

К углу, где закусочная, я прибыл без двух минут семь. Притормозил, вижу: телохранитель наискосок переходит улицу. Дал ему пройти метров тридцать и тихо так ползу следом. Стекло правой дверцы было у меня опущено.

Все произошло по расписанию. Стрелял я метров с пяти, целил в грудь. Клиент упал на тротуар, как переломился, сторож его ничего не понял, растерялся, потому что выстрела не слышал — у моей пушки такой тихий звук был, похоже, как будто камешек в воду бросили — тиньк...

Второй раз стрелять не стал, нажал на акселератор, рванул вперед до следующего угла, завернул, тут же — стоп, машину запер и резвым шагом до подземки—там недалеко было. Пистолет я оставил под сиденьем, на полу.

Через час я сидел дома.

Алоиз пришел, когда стемнело.

Сначала ничего не говорил, кинул на стол в кухне конверт с деньгами, посидел, пока я считал, а потом достал из-под плаща сложенный лист, вырванный из газеты, расстелил его, ткнул пальцем в фото, на котором была знакомая мне сцена: на тротуаре клиент лежит, над ним стоит телохранитель. Только странно мне показалось, что он в аппарат смотрит, а рукой в живот своему хозяину тычет. Не сразу дошло, что это он уже после полицейским, наверное, показывал, как все случилось.

Все правильно, говорю я Алоизу, так оно и было. А он говорит: «Читай, дурак!» Я объясняю, что читать по-английски не умею. Тогда он сам прочел. Под фото были написаны неприятные вещи. Крупным шрифтом выделялись слова насчет того, что за два часа до убийства в закусочной видели человека со странным лицом: лоб белый, остальная часть очень темная. Пятеро постоянных посетителей закусочной, кассирша и раздатчица молочных продуктов утверждают, что человек этот вызывал неопределенные подозрения своим поведением, но чем именно — не сообщалось. Раздатчица и кассирша сообщили также, что подозрительный субъект посещал закусочную несколько раз в последние две недели перед трагическим происшествием — это они не врали. Непонятно мне было только, чем я мог вызвать подозрения, кроме загара.

Я спросил у Алоиза, что там сказано про убитого. Он разозлился, потому что мне не о том думать теперь надо, но все же сказал, что пострадавший содержал какую-то посредническую контору, в прошлом привлекался к суду по делу нелегальных игорных домов, но за недоказанностью обвинения оправдан.

Да, Алоиз был, как всегда, прав: мне нужно было думать о собственной безопасности. Водительскими правами и машиной, а может, и пистолетом он пустил полицию по следам неизвестного мне Ричарда Смита, но куда я сунусь со своей приметной рожей? Еще слава аллаху, что перед соседями никогда шляпу не снимал...

Дело обернулось так, что Алоиз видел один выход: я должен исчезнуть из Нью-Йорка и вообще из Штатов. На следующий день он принес два флакончика — в одном белая жидкость, густая, как сливки, в другом голубоватая.

Черт его знает, что это были за снадобья, во всяком случае, пахли приятно. Втирал я их по три раза на день, морду щипало, думал, протру шкуру до дыр. И представь, через неделю посмотрелся утром в зеркало — розовенький такой бутончик, поросеночек из-под свинки. Чудеса косметики!

Двадцать шестого марта я улетел в Мадрид. Алоиз, конечно, меня не провожал. Мы простились, когда он привез мне билет. Расстались большими друзьями, он признался в своем великом уважении ко мне, а я признался в уважении к нему.

Алоиз высказал надежду, что наши отношения на этом не прервутся, а, наоборот, будут крепнуть. Просил меня завести в Мадриде личный почтовый ящик, чтобы он мог в случае необходимости послать мне депешу. У него были предчувствия, что мои услуги могут понадобиться еще неоднократно.

Ну, я-то всегда готов, я солдат, завербованный его величеством долларом, а также ее величеством маркой, а также его превосходительством фунтом, и избавь нас господь от ее преподобия — итальянской лиры, ибо считать до миллиона не умею, а приземлись я не в Мадриде, а в Риме и обменяй доллары на лиры — сразу стал бы миллионером. А итальянским миллионером я быть не хочу.

Дружки мои в Мадриде лапу еще не сосали, но порядком порастряслись и потому с нетерпением ждали трубного гласа.

Я кое-кого угостил, расспросил. Гейзельса тогда не нашел, но там другие были, вхожие к Моизу Чомбе, вернее, к Боненану, и хорошо осведомленные. Ходили слухи, что катангский коммерсант обязательно хочет стать премьер-министром Конго, будто уже и планы подробные составлены. И этому можно было верить, так как Чомбе по дурости ли или потому, что был порядочный нахал, свои ближайшие намерения в секрете не держал. Но дни шли, а по тревоге нас никто не поднимал.

Я начинал уже подумывать, где бы найти новую работенку, когда получил письмо от Алоиза. Это было в начале мая, уже наступала жара, и очень кстати оказалось его письмо.

Задание было такое же — убрать человека. Алоиз сам назначил более высокую плату, чем в первый раз,— пять тысяч долларов. Он показал мне портрет пожилого человека.

Чтобы не тянуть резину, скажу сразу: застрелил я клиента у него дома.

Алоиз рассчитался честь честью. О происшествии он уже знал, а откуда — неизвестно.

За три месяца я заработал восемь тысяч долларов. Служба у Чомбе казалась мне теперь напрасной тратой времени.

До мая шестьдесят седьмого года я получил от Алоиза еще несколько заданий. Одно пришлось выполнять без пистолета, можно сказать, голыми руками, а мне это противно. Да чего-то и перемудрил, по-моему, Алоиз в тот раз. Ему обязательно требовалось так обставить дело, чтобы клиент вроде бы сам упал и ударился о ступеньку крыльца. Пришлось гипсовый слепок ступеньки делать, потом Алоиз доставил мне железный уголок, и вот этим уголком ударил я старика в висок... Было это недалеко от Парижа... Нет, лучше без таких штучек работать. Мне после старик целый месяц снился, хоть иди свечку ставь. Но прошло. Все проходит...

Да-а... А потом мы с Алоизом разошлись. Это целая история, и я до сих пор не разберусь, правильно сделал или поспешил, прогадал или выгадал. Может, и прогадал, но очень уж соблазнительная подвернулась комбинация...

В мае шестьдесят седьмого, когда у нас в Мадриде уже точно было известно, что вот-вот начнется отправка в Конго — уже мы и зарплату за месяц получили,— приходит мне вызов от Алоиза. Я уже привык, что если он приглашает, значит, уже все подготовлено, больше двух недель не задержусь. Отправка раньше июня вряд ли начнется — это мне удалось разузнать. Лечу в Нью-Йорк.

Опять, как всегда, квартирка в доме, где половина жильцов — эмигранты. И без дела не высовываться. Алоиз сам приходит, дает инструкции, а тебе остается только ждать сигнала.

Ну вот, настает день, Алоиз показывает мне живого клиента, которого я обязан сделать мертвым, сообщает его расписание жизни, маршруты езды и прочее, снабжает оружием. И назначает крайний срок.

А на следующее утро — я как раз брился в ванной — раздается звонок: кто-то просится в квартиру. Кто бы это? — думаю. У Алоиза есть ключи, да и не в его правилах ходить по утрам. Решил не открывать. Снова звонок, длинный, настойчивый. Мне чего-то так страшно стало, что я затаился и даже не дышу. Пошел открывать.

В первый момент, когда распахнулась дверь, я решил: все, тут тебе и крышка. Глупое положение: стою с намыленной рожей, в руке безопасная бритва, а передо мной — кто бы ты думал? Не угадаешь... Телохранитель того первого клиента, брюнет с нахмуренными бровями. И вместо того, чтобы получить пулю в лоб, слышу вежливый такой голос: «Извините, можно к вам на минутку?» И так я от неожиданности поглупел, что говорю: «Пожалуйста, прошу вас». Мог бы и поостеречься — может, он при открытых дверях не желал со мной кончать, при закрытых же безопаснее. Но он прошел в комнату первый, я сзади. И начинается такой разговор.

— Меня зовут Мортимер,— сообщает гость.— Я имею дела с тем же человеком, что и вы.

Я думаю: за кого он меня принимает? Если сам псих, то я-то пока в своем уме.

— Какого человека вы имеете в виду? — спрашиваю.

— Алоиза,— спокойно отвечает он.

Кто хочешь удивился бы, но я приучил себя никогда рот не разевать.

— Ну и что дальше? — интересуюсь.

— Мне известно, что вы должны организовать для Алоиза,— объявляет он все так же спокойненько.

Что прикажете делать, когда вам говорят такие вещи? Предложил ему сесть и закурить.

— Так расскажите, что же я должен организовать? — прошу его.

Мортимер вежливо и совершенно правильно излагает задание Алоиза.

— Кто же вы такой? — спрашиваю.

— Я тоже работаю на Алоиза,— отвечает Мортимер.— Этим все сказано.

Но у меня одно с другим как-то не вяжется. Он ведь был телохранителем того убитого клиента. Если он работал на Алоиза, зачем было Алоизу нанимать меня и устраивать целый спектакль? Продолжаю выяснять:

— А вы давно на него работаете?

— Нет, всего полгода.

Ага, думаю, значит, просто сменил хозяина. Спрашиваю дальше:

— А до него вы у кого работали?

Мортимер мог бы и не отвечать или наврать чего-нибудь, но он, видно, пришел не комедии разыгрывать, а по делу. Очень был серьезный и смотрел из-под бровей.

— Раньше я тоже ходил по частному найму,— объясняет,— но немножко другой профиль.

— А именно?

— Я был охранником, телохранителем. Моего хозяина убили. У меня на глазах. Кто же после этого будет меня нанимать?

Это он справедливо рассуждал. И мне понятно стало, что после того случая Алоиз прибрал Мортимера к рукам и заставил служить себе. Все, как полагается, как у порядочных людей. Для интереса оставалось только узнать, кем же был его прежний хозяин,— из этого можно было построить догадку насчет того, что за тип Алоиз, какого калибра. Если знать масть того клиента, можно и масть Алоиза определить. Тут уже получается целый расклад.

— Если не секрет,— говорю,— чем занимался ваш несчастный прежний работодатель?

— Всем понемногу,— отвечает Мортимер.

— Почему же его убили?

— Он мог сделаться конкурентом.

— Кому?

— Алоизу.

— А в чем?

Мортимер посмотрел на меня с сомнением — не валяю ли я дурака. Но мне, правда, ничего не было известно.

— Он хотел заняться тем же делом, каким занимается Алоиз.

— Адвокатом работать?

Теперь я действительно немножко балдой прикидывался. Мортимер пошел в открытую.

— Алоиз принимает заказы на убийство,— сказал он,— а такие, как мы с вами, их исполняют.

— Понятно,— говорю,— продолжайте.

И тут он меня ошарашил — положил на стол ключ. Я спрашиваю:

— Что это?

— От вашей квартиры. Можете убедиться.

Чем дальше, тем чудней. Пока я раздумывал, что бы такое сказать, Мортимер решил все объяснить.

— Если я ошибусь, то есть если мы с вами не сговоримся и вы осведомите Алоиза об этом разговоре, мне будет плохо. Но я думаю, вы все-таки согласитесь на мое предложение.

— А что вы хотите предложить?

У Мортимера тоже голова не соломой набита была. По виду боксер, а соображает, как профессор. Вот какую комбинацию он разработал.

— Я знаю человека, которого вы должны убрать,— сказал Мортимер.— У него много денег, и ему еще нет пятидесяти. Алоиз заплатит вам семь тысяч и мне пять...

— А вам за что? — задал я идиотский вопрос.

— За вас.

Вот тут я уже рот разинул.

— Как это за меня?

Мортимер подбросил ключ на ладони.

— Я должен спрятаться у вас в квартире. После того, как исполните поручение. И убить вас. Пистолет у меня есть. Точно такой же, как ваш.

Видно, я не очень-то обрадовался, потому что Мортимер посчитал нужным меня успокоить.

— Так всегда бывает... Вы не американец, и вы не знаете таких типов, как Алоиз. Сколько поручений вы уже выполнили?

— Семь,— отвечаю.

Он говорит:

— Вот видите. Это очень много. Вы становитесь слишком опасны для Алоиза. Даже если он вас любит, все равно ему необходимо от вас избавиться. Сразу восемь концов в воду.

— Считая и этого? — уточняю я.

— Да.

Он понятно все объяснил, только еще не добрался до главного. Я прошу:

— Выкладывайте ваше предложение.

Мортимер простенько так объяснил:

— Мы предложим этому человеку жизнь и возьмем с него... ну, скажем, двести тысяч. Он уедет куда-нибудь подальше, потому что это не шутки, и он все понимает.

— А что будет с нами?

— Мы тоже уедем.

Откровенно говоря, я не мог вот так сразу, в одну минуту, все взвесить. Я думал.

— Сто тысяч на брата,— говорит Мортимер.— Посчитайте, сколько от вас потребуется трупов, чтобы заработать такую сумму.

Деление и умножение я помнил. Но это тоже не шутка — надуть Алоиза.

— А если Алоиз захочет нам отомстить? — говорю я.

Мортимер опять объясняет:

— Человек, которого вы должны убрать, не конкурент ему. Это простой заказ со стороны. Те, кому он мешает, заказчики, будут довольны его исчезновением. Алоиз потеряет на этом сколько-то тысяч. Вы вернетесь в Ев-



ропу, я тоже найду себе место потише. На нас тратить деньги Алоиз не станет, а сам он стрелять не умеет.

— А вы уверены, что этот человек не пошлет нас к чертям собачьим? — говорю я.

— Думаю, не пошлет.

Словом, убедил меня Мортимер, и мы, не откладывая, в тот же день посетили клиента у него дома. Он был один, если не считать прислуги, старой негритянки. Я думал, он примет нас за обыкновенных шантажистов, но когда Мортимер рассказал ему честно, как обстоит дело, клиент скис и поверил, что мы не только себе добра желаем. Наверно, ждал уже чего-то такого. Он даже захотел убраться из Штатов сию минуту. И хочешь верь, хочешь нет, попросил, чтобы один из нас не покидал его. Дело упиралось в деньги — наличных двухсот тысяч у него при себе, конечно, не имелось, поэтому договорились так: он делает необходимые распоряжения банку, чтобы можно было получить деньги в Европе, Мортимер заказывает три билета на ночной самолет, и мы обеспечиваем клиенту безопасность на все время, пока он с нами...

Вот такие дела... Расплатился клиент в Роттердаме. Он отправился в Биарриц, где отдыхала его семья — жена и дети. Мортимер подался куда-то не то в Англию, не то в Шотландию, а я вернулся в Мадрид. И как раз успел к отправке. Меня зачислили в отряд полковника Денара, и мы улетели на транспорте в Кисангани.

Это была последняя попытка Моиза Чомбе заполучить Конго. Но вышла полная ерунда.

Самолет Моиза захватил его дружок Бонен и вместо Конго посадил его в Алжире. Кто ему за это заплатил, не знаю, но он наверняка крупно заработал.

Пятого июля мы все же выступили, хотя Чомбе и не прибыл.

Шло у нас так, как бывает, когда играешь в карты с шулером: сначала все хорошо-хорошо, а потом все плохо-плохо.

Там действовал, кроме нас, еще отряд полковника Шрамма. Он и поднял мятеж. А мы его поддерживали.

Но что-то в механизме было разлажено. Никакой неожиданности не получилось, солдаты национальной армии встретили нас и дали по всем правилам. Денара ранило, его отправили в Родезию, а нас передали под команду Шрамма. Восемь дней мы дрались в Кисангани, но сделать ничего не смогли.

Потом отошли на Букаву, два дня вели бой за город, наконец, заняли его, и стало вроде полегче.

Жировали мы до октября, а потом Мобуту начал наступать. Если в день десятерых хоронили, это считалось малыми потерями. Второго ноября все было кончено.

Мне опять повезло — убежал я с тремя из нашего отряда. Хотя и был ранен осколком снаряда в плечо. Осколок мне ребята выдернули, джином рану промыли — и ничего, обошлось...

Зиму провел я в Ницце. Лечился, отдыхал, в Монако наезжал. Рулетка меня, слава аллаху, не затянула, хотя я с первой ставки выиграл, поставил весь выигрыш на седьмой номер — и шарик на нем и остановился. Выдача была большая, но я сумел перебороть себя, уехал. После несколько раз пробовал играть, но безуспешно. Проиграл мелочишку и плюнул на это дело.

Мог бы я купить какие-нибудь акции или открыть, скажем, магазин, но нет у меня доверия к дельцам и коммерсантам. Лучше уж, думаю, пусть лежат мои денежки в банке, наращивают проценты. Но чтоб они лежали нетронутые, надо на жизнь зарабатывать.

Скоро встретил я старого коллегу по Конго, он нацеливался в Португалию — там наемные солдаты требовались. По правде говоря, надоела мне Африка. Если бы куда-нибудь в Южную Америку, было бы интереснее. Но там ничего не наклевывалось. Пришлось соглашаться на Португалию.

Там мы, конголезцы, ценились высоко. Побывал я и в Мозамбике, и в Анголе, и в Гвинее-Бисау. Ты меня в Африке своими глазами видел.

Ну и все. Разболтался я, сам не знаю с чего. Хватит. Дай прикурить».

О том, что он уже два года работает на Центр, Брокман умолчал.

Михаил встал, подошел к окну. Уже наступили сумерки, а света в номере они не зажигали. Улица из окна хорошо просматривалась в оба конца. Михаил увидел, как мимо отеля прошел сухощавый человек — шпик, приставленный к Брокману.

Шевельнулась мысль, что, может быть, это посланец Алоиза бродит, как гиена, дожидаясь удобного момента, чтобы куснуть Брокмана за горло.

— Ты так и не поинтересовался фамилией Алоиза? — спросил Михаил.

— Настоящую его фамилию ты ведь знаешь,— напомнил Брокман.— Сам говорил: с Гофманом вы были дружками.

Значит, там, в Африке, Брокман ему не врал. Значит, Алоиз — это Гюнтер Гофман. А присутствие здесь его агента — если только шпик действительно послан Алоизом — давало Михаилу прямую нить.

— Ну, какими дружками? — возразил Михаил.— Он был моим командиром. Не уверен, запомнил ли меня Гофман вообще.

— Не хочешь ли с ним встретиться? — усмехнулся Брокман.— За мою голову он бы тебе хорошо заплатил.

Михаил повернулся к нему.

— Зачем же ты тут целых два часа душу передо мной выворачивал, если допускаешь, что продам?

— Пожалуй, не продашь. Алоиза тебе не найти.

«Твоя голова уже на мушке, дурак» — подумал Михаил. Он смутно чувствовал, что из возникшей ситуации можно извлечь пользу для дела, но еще не знал, как этого добиться.

Продолжение следует.

ДЖИНСЫ И «ОРБИТА»

Георгий РОЗОВ

Много уже написано о джинсах. Особенно сатириками. Вот уже десятилетие они врачуют смехом джинсовую лихорадку, но пижоны, готовые за двести рублей с руками «оторвать» заморские штаны с фирменной этикеткой — «лейблом», почему-то не переводятся. Либо целебные свойства смеха на эту болезнь не распространяются, либо диагноз поставлен неправильно. Так или иначе годы изнурительной борьбы лишь подтвердили наличие стойкого джинсового дефицита и порожденной им спекуляции. И тогда молодые джинсопоклонники, которым не по карману штаны стоимостью в полтора месячного заработка, стали писать в газеты. Авторы писем частенько обращались прямо к министру легкой промышленности СССР Николаю Никифоровичу Тарасову с вопросом: «Нельзя ли создать наконец отечественные джинсы?»

Кое-кто из читателей, может быть, очень удивится: «И чего им надо? Мало, что ли, этих порток понашили? Все прилавки завалены. И за семь рублей, и за девять, и «Спорт», и «Ну, погоди!».

Так-то оно так, но только это не джинсы. Настоящие джинсы заметно отличаются от брюк и имеют четкие «видовые» признаки, прочно устоявшиеся за сто лет их существования. Прежде всего джинсы должны быть сшиты с нулевым облеганием — иначе говоря, плотно обтягивать тело. Чтобы брюки не расползлись при первом же приседании, их шьют из чрезвычайно плотной ткани, такой, как заграничная деним. Вот ее-то и называют джинсовой.

Ткань эта появилась четыреста лет назад. Работали ее на деревянных ручных станках ткачи из французского городка Ним. В средние века саржа из Нима славилась в Европе как отличная парусина. Христофор Колумб, например, открывал Америку под «джинсовыми» парусами.

Сто с небольшим лет назад, во время знаменитой золотой лихорадки в Калифорнии, иммигрировавший из Баварии портной Леви Страус стал шить из денима брюки. Они очень понравились и горнякам, и фермерам, и ковбоям. Еще бы! Деним защищает от колючек и кактусов. Всадники, а тогда почти все ездили верхом, вымачивали свои брюки и надевали их на себя мокрыми. Ткань, высыхая, садилась и теперь точно повторяла форму тела. Вторая кожа, да и только! Никаких потертостей, хоть сутками не слезай с седла. А если взглянуть на джинсы глазами нашего современника, то к этим достоинствам надо прибавить и то, что ткань делается из хлопка, прекрасно дышит, не электризуется, словом, гигиенична. Даже краска не прикасается к коже, потому что окрашена только продольная нить, которая почти вся выходит на лицевую сторону ткани, а изнанка остается белой. Деним настолько своеобразен, что и в нашем языке обрел собственное наименование — джинсовка. Натуральный индиго, которым красят джинсовку со времени ее изобретения, быстро выцветает при носке и стирке, что очень нравится потребителям. И, наконец, настоящие джинсы не пачкаются. Об их антигрязевой пропитке ходят легенды. Вот о таких брюках писали министру самые активные приверженцы джинсовой моды.

Министерство легкой промышленности отреагировало совещанием чуть ли не всех организаций, причастных к производству плотных хлопчатобумажных тканей. Мне рассказывали, что совещание это длилось пять часов. Николай Никифорович предупредил присутствующих, что оно не окончится, пока не будет принято конкретное решение.

Не прошло и... пяти лет, как было налажено производство отечественных джинсов из ткани «Орбита». Уже в самом названии, придуманном текстильщиками, слышна космически высокая самооценка. Художник-модельер Владимир Сазонов, который создавал все модели джинсов из «Орбиты», хорошо помнит первый трехметровый отрез, сработанный на родниковском меланжевом комбинате «Большевик». Он и впрямь был похож на настоящую джинсовку — во всяком случае, плотнее, толще и эластичнее той ткани, что выпускается сейчас миллионами метров и пока еще легко распродается. Я бы не обратил внимания читателей на эту разницу между первым образцом и поточной продукцией, если бы уже не появились признаки скептического отношения покупателей к широко разрекламированной новинке. Первые джинсы из «Орбиты» в ГУМе буквально расхватывались. А сейчас за продукцией фирмы «Рабочая одежда», где шьют брюки и джинсовые костюмы из «Орбиты», уже так не гоняются. Те, кому довелось однажды купить их, предпочитают, если средства позволяют, снова идти на поклон к спекулянтам. Ну, а кому это по-прежнему не по карману, что делают они? Покупают джинсы из «Орбиты» и доводят их до желаемого вида домашними средствами: знатоки бытовой химии обесцвечивают хлорной известью, а кое-кто действует еще проще — сидя на солнышке, трет свои штаны красным кирпичом. Я беседовал со многими владельцами джинсов из «Орбиты». Вот их отзывы: брюки садятся на четыре — шесть сантиметров, быстро вытягиваются на коленях, грязь просто липнет к ним, а после двух-трех стирок новые джинсы превращаются в тряпку.

Такова оценка тех, кто имел возможность сравнить отечественные джинсы с «лучшими зарубежными аналогами» (говоря языком приказов Минлегпрома). А если перевести это на язык простого покупателя, то вывод будет звучать приблизительно так: заграничные джинсы пока что лучше наших, и потому разумно было бы считать их исходным образцом при оценке качества джинсов из «Орбиты».

Директор Ивановского научно-исследовательского института хлопчатобумажной промышленности (ИВНИТИ) Евгений Александрович Осминин и заведующий лабораторией крашения Олег Михайлович Лифенцев избрали в качестве эталона продукцию старейшей зарубежной фирмы «Леви Страус». Олег Михайлович познакомил меня с результатами сравнительных испытаний денима и «Орбиты». Масса одного квадратного метра ткани «Леви Страус» — 469 граммов, «Орбиты» — 420. В десяти квадратных сантиметрах эталонной ткани оказалось 289 продольных нитей и 189 поперечных, в «Орбите» — 260 и 140. При испытании на разрывную прочность разница в плотности дала себя знать. «Орбита» близка к эталону по прочности продольной нити, но в два раза уступает, когда рвут поперечную. Вот, наверное, почему вытягиваются наши джинсы в коленках. Справедливости ради надо признать, что «Орбита» все же очень крепка. Шуточный, но вполне точный расчет показал: если к нашим джинсам подвесить груз в три тонны — они не порвутся.

Чего же не хватает производственникам, чтобы «дотянуть» наши джинсы до эталона?

Вот некоторые высказывания специалистов.

О. М. ЛИФЕНЦЕВ:

— Красить «Орбиту» индиго несложно, но ГОСТ не допускает использование нестойких красителей.

(А почему нельзя ввести особый, отдельный стандарт, соответствующий запросам потребителей?)

Т. К. ЯКОВЛЕВА, главный инженер родниковского меланжевого комбината «Большевик», единственного предприятия в стране, выпускающего «Орбиту»:

— Да, действительно, наша ткань мнется и вытягивается, но цвет нашей ткани лучше американской. «Орбиту» чем больше стираешь, тем ярче становится краска.

(А нужно ли это потребителю?)

Чтобы поднять качество ткани, нам необходимо увеличить плотность по поперечной нити на двадцать — тридцать процентов и перейти с крученой на однониточную основу (продольную нить). Однако мы не можем этого сделать: наши ткацкие автоматы не предназначены для выработки тяжелых джинсовых тканей. Когда промышленность освоит производство нужных нам станков, — мы не знаем. Этим занимается с 1977 года один из машиностроительных заводов, но вести оттуда приходят неутешительные. Мы уже сейчас могли бы улучшить отделку «Орбиты», в частности, увеличить ее жесткость и пластичность. Для этого нужен поливиниловый спирт, и совсем немного — сорок восемь тонн, в порошке. Меньше одного вагона. Этого хватило бы на два миллиона метров «Орбиты», но комбинат его не получает. Рецепт же аппретирования, рекомендованный Центральным научно-исследовательским институтом хлопчатобумажной промышленности, себя не оправдал.

В конце этого года мы установим на комбинате ворсовальные машины, и «Орбита» с изнанки станет такой же мохнатенькой, как и американская джинсовка.

А. Я. КОРОЛЕВ, директор Дома моделей рабочей и специальной одежды:

— Наши швейные машины соответствующего класса просто не способны сшивать джинсовую ткань. Я уже не говорю о том, что они технически несовершенны. Швейникам нужны машины с программным управлением, с автоматическим закреплением и обрезкой нити, двухигольные машины для параллельных строчек, автоматы для пришивки карманов... Многое еще нужно. Ну, хотя бы такое импортное оборудование, какое закуплено для фирмы «Рабочая одежда». Ведь одной, даже двух таких линий на страну мало. И дело не только в их производительности. Одна линия, без переналадки, которая экономически и технически невыгодна, может выпускать только одну модель. Скажем, мужские брюки. А женские кто будет шить? А детские? Ведь можно шить и пальто, и костюмы, и куртки разных фасонов. На любой вкус. Фабрика «Рабочая одежда» вполне справилась с тем миллионом метров «Орбиты», который дали в прошлом году родниковцы, но в этом году комбинат даст уже два миллиона, в 1980-м — четыре. А замах на двадцать миллионов метров в год! Надо сейчас, пока не поздно, наладить выпуск современного швейного оборудования.

В. И. САЗОНОВ, художник-модельер:

— У меня сложилось впечатление, что никто не испытывал «Орбиту» на усадку. А ведь мы должны точно знать, насколько она сядет после стирки и даже при глажении. Практика показала, что она укорачивается значительно больше, чем дозволяет ГОСТ. Это значит, что родниковцы либо «забывают» пропустить «Орбиту» через усадочные машины, либо делают это небрежно. Однако меня, как модельера, особенно волнуют такие «мелочи», как эмблема, пуговицы, фирменные ленточки. Без них джинсы вроде уже и не джинсы, а мы до сих пор никак не решим, что писать на фирменных аксессуарах. Ну, не «Рабочая одежда» ведь в самом деле, как предлагает специальное художественно-конструкторское бюро, которому Минлегпром СССР поручил разработку эмблем...

Итак, сами специалисты по-разному оценивают джинсы из «Орбиты». Но есть в Минлегпроме инстанция, которая должна объективно определить их качество: аттестационная комиссия. От ее решений зависит выполнение предприятиями плана по выпуску изделий со Знаком качества. Комиссия руководствуется приказом от 25 февраля 1975 года «О порядке организации и проведения аттестации продукции в системе Министерства легкой промышленности СССР». В приказе подтверждается мудрая мысль, что все познается в сравнении, а сравнивать нашу продукцию предполагается с лучшими отечественными и зарубежными образцами. Но... приказ этот позволяет ориентироваться на любую, а отнюдь не на самую лучшую продукцию! Таким образом, получить почетный пятиугольник совсем нетрудно...

Теперь нетрудно догадаться, чего стоит Знак качества, присвоенный недавно джинсам из «Орбиты».

Появление «Орбиты» не утолило «джинсового голода». Сегодня, как и пять лет назад, миллионы покупателей вправе спросить у министра легкой промышленности СССР товарища Н. Н. Тарасова: «Уважаемый Николай Никифорович! Нельзя ли создать настоящие советские джинсы?»

Владимир ПУХОВ

СКАЗКА (подражание Киплингу)

КАК БЫЛ ПОЛУЧЕН ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАР

Это было давно, очень давно, мой милый мальчик. Так давно, что на свете не было не только твоего дедушки, но даже дедушки твоего дедушки.

Люди (они назывались первобытными) жили тогда в пещерах. Целое племя в одной пещере. И хотели бы разъехаться, да некуда. Все подходящие пещеры уже давно заняты. Пещера, конечно, не слишком комфортабельное жилье, но все же лучше, чем ничего.

В самой глубине пещеры горел костер. Он горел всегда, и ночью и днем: снабжение спичками было поставлено из рук вон плохо, и если бы костер погас, это стало бы трагедией для всего племени. Прометей как-никак не мальчик, чтобы бегать взад-вперед с огнем.

Одеты первобытные люди были в звериные шкуры. Не слишком красиво, зато тепло. Шкур не хватало, и это определяло моду — одежда была короткой (слово «мини» появилось много позже). Если же какой-нибудь смельчак надевал шкуру больше общепринятой длины, племя приходило в ярость и выталкивало его вон из пещеры. Мода, как видишь, мой милый мальчик, уже тогда была суровой и жестокой. Впрочем, как и во все другие времена.

Источник пищи у первобытных людей был один — охота. На охоту выходили все мужчины племени. Самые ловкие, самые быстрые, самые смелые, самые удачливые пользовались особым почетом у своих соплеменников — именно от них, сильных и удачливых, зависело пропитание остальных и, стало быть, само существование племени. Когда приступали к еде, именно этим людям вождь, деливший пищу (как делит пищу сегодня твоя мама, мой милый мальчик. Не забывай об этом: твоя мама делает то же, что когда-то делал вождь, а это не шутка!), давал самые большие, самые вкусные куски.

Те же, кто не был ловок, быстр, силен и удачлив, те получали пищу в последнюю очередь (они и придумали, будто остатки сладки. Довольно слабое утешение!). Можешь себе представить, что им было совсем невесело.

Нгунга не был ни смелым, ни ловким, ни сильным. Единственное, что у него было в избытке,— это лень. Если бы пищу выдавали за лень, то он, несомненно, был бы самым сытым и самым богатым человеком. К сожалению, никто не давал за лень и обглоданной кости.

Часами Нгунга мог лежать не шевелясь и смотреть на огонь. Эти дикари вокруг него не понимали, с кем имеют дело, считали его бездельником и все меньше давали ему еды. Он даже слабеть стал от голода, бедняга.

Погода в тот день выдалась ужасная — мокрый снег с дождем заставил спрятаться все живое. Ни о какой охоте и речи быть не могло. По небу бежали низкие, мрачные тучи. Когда все это кончится, не знал никто (не забудь, мой милый мальчик, что это были первобытные люди. Синоптики появились много позже). Мрачные люди молча сидели у костра.

Ты помнишь, мой милый мальчик, что Нгунга был очень плохим охотником. Зато он был очень наблюдательным человеком, он хорошо умел видеть, подмечая при этом смешное.



Нгунга сказал:

— Хотите, я расскажу вам о счастливой охоте?

Он так описал солнечный летний день, что те, кто сидел возле выхода из пещеры, даже выглянули наружу. Нет, солнца не было. По-прежнему хлестал мокрый снег пополам с дождем.

Нгунга рассказывал о том, как большое стадо оленей пришло на водопой. Олени заметили своих врагов-охотников тогда, когда уйти уже было невозможно.

Слушатели будто своими глазами увидели все подробности этой удачной охоты. Не только удачной, но еще и полной смешных и нелепых случайностей.

Узнавая в этом рассказе себя и, что еще смешнее, своих соплеменников, слушатели смеялись громко и радостно.

Когда рассказ был закончен, вождь (он смеялся до слез) распорядился, чтобы Нгунге немедленно дали большой кусок мяса. Это и был первый литературный гонорар.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

А. ВОЛКОВ

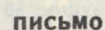


ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО

Чтоб на наследство опереться
И слыть новатором отважным,
Он к левитановским деревцам
Добавил комбинат бумажный.

ИЗЛЮБЛЕННАЯ ТЕМА



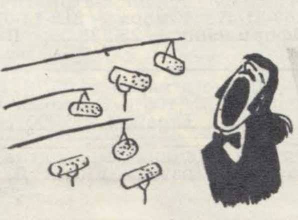


Когда он болен — молчалив,
Когда здоров — красноречив,
Но неизвестно, что полезней —
Он говорит лишь о болезни.



ПИСЬМО

С письмом машинописным обратился он
к любимой,
Где нежно объяснялся — уж в который раз! —
Однако многоточие поставил вместо имени
И прочерк жирный вместо цвета глаз.



СОЛИСТ

Его романсы хоть куда,
Да и на внешность не противен,
Но только, братцы, вот беда:
Уж очень радиоактивен.



МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ

Каждый год в Советский Союз съезжаются сильнейшие гребцы Европы на байдарках и каноэ. Разыгрывается приз памяти олимпийской чемпионки Юлии Рябчинской. Этот приз достается победительнице финальной гонки на байдарках-одиночках на дистанции 500 метров. А в нынешнем году для победителя среди мужчин на этой олимпийской дистанции свой приз учредил журнал «Огонек».

Хрустальный кубок завоевал молодой белорусский гребец, студент Минского института физкультуры Владимир Парфинович, еще на старте оторвавшись от своих сильных соперников. Победа Парфиновича представляет большой интерес. Дело в том, что советские байдарочники-одиночники давно уже не радуют нас своими успехами в спринте. В последний раз победы на чемпионате мира добился в 1971 году Николай Хохол, а в следующем году первенство на Олимпийских играх выиграл Александр Шапоренко. Но с тех пор советским гребцам больше не удавалось подняться на высшую ступеньку пьедестала почета. Сейчас этого добился Владимир Парфинович, серебряный призер чемпионата мира 1978 года.

К этому следует добавить, что на следующий день Владимир Парфинович вместе с олимпийским чемпионом Сергеем Чухраем выиграли гонку на байдарке-двойке на дистанции 1000 метров. Хорошая заявка молодого гребца перед выступлением на московской Олимпиаде.

В. ЯКОВЛЕВ

Фото А. Бочинина



САЛОН СМИРНОВОЙ-РОССЕТ

Это кажется почти невероятным: в частной тбилисской квартире хранится как бы перенесенный из начала XIX века кусочек пушкинской эпохи. То, что здесь, в этих трех комнатах, впервые видит даже специалист, превосходит все ожидания. И удивительно — до недавних пор мы об этом ничего не знали.

«К концу года Петербург проснулся; начали давать маленькие вечера... Первый танцовальный был у Элизы Хитровой... Пушкин был на этом вечере и стоял в уголке за другими кавалерами. Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани: «Мне ужасно хочется танцовать с Пушкиным». «Хорошо, я его выберу в мазурке»,— и точно подошла к нему. Он бросил шляпу и пошел за ней. Танцовать он не умел. Потом я его выбрала...» — так вспоминала позднее Александра Осиповна Смирнова-Россет о своем первом знакомстве с Пушкиным.

Выдающаяся женщина своей эпохи, друг Гоголя, Жуковского, Плетнева, приятельница Лермонтова, Вяземского, Тургенева, Белинского, Аксакова, А. Толстого, умная, красивая, обворожительная уму и сердцу любого собеседника, хозяйка одного из самых передовых салонов Петербурга А. О. Смирнова-Россет входит в круг бессмертных адресатов пушкинской лирики.

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Она умерла в 1882 году. Ее сын Михаил Николаевич Смирнов, закончив естественное отделение Одесского университета, переезжает в Тифлис — его интересует природа Кавказа. В Тифлисе Смирнов сразу же входит в атмосферу духовной и научной жизни Грузии. Из Петербурга он перевозит доставшееся ему по наследству имущество матери. Имущество матери? Но ведь это те самые вещи и предметы, к которым прикасался Пушкин. Михаил Николаевич это прекрасно понимает. И он хранит драгоценные реликвии до самой смерти.

Его сын, Георгий Михайлович Смирнов, становится, как и его отец, выдающимся ученым Грузии. Как величайшее сокровище он продолжает хранить все то, что пришло к нему из далекого прошлого. Это было нелегко. Он боялся одного: что уникальный ансамбль внутреннего убранства салона Смирновой-Россет развеется по частям и потеряет ту первозданную прелесть, тот аромат эпохи, который создают все эти вещи, вместе взятые: картины, мебель, атрибуты интерьера комнат, книги, каминные украшения, бронза, стекло... Нынешний владелец единственного в нашей стране частного собрания предметов и вещей начала XIX века Михаил Георгиевич Смирнов тоже очень хорошо понимает эту задачу.

Часами можно любоваться здесь оригиналами портретов «черноокой Россети». Из иконографии Смирновой только во Всесоюзном Пушкинском музее есть ее портрет — здесь их три. Среди них самый знаменитый — работы Винтергальтера, где Смирнова изображена в цыганском наряде, небольшой портрет маслом художника Реми, а также акварель Митрейтера, которую сама Смирнова любила больше всего, считая ее лучшим своим портретом. Превосходен мраморный бюст красавицы Смирновой — работы Карла Вигмана, выполненный в Италии в 1834 году.

— А вот на это бюро,— говорит Михаил Георгиевич,— по семейной легенде, в день рождения Александры Осиповны в марте 1832 года Пушкин положил альбом, на котором написал «Исторические записки А. О. С.». И вписал в него свое стихотворное посвящение. Пушкин считал Смирнову талантливой рассказчицей и верил, что она сможет написать что-либо интересное.

Пушкин не ошибся: «Записки» и «Воспоминания» Смирновой стали неотъемлемой частью истории русской литературы XIX века. Ныне они готовятся к переизданию.

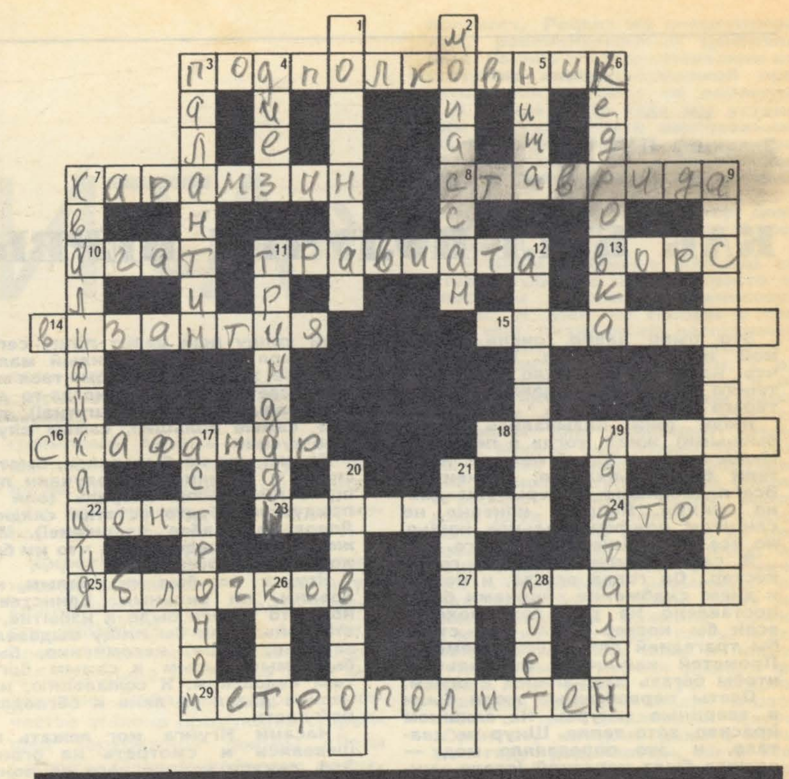
Здесь за небольшим круглым столиком велись оживленные беседы. На этом фортепьяно Александра Осиповна играла в четыре руки с самим Листом. Позднее оно было одолжено у Смирновых П. И. Чайковским, когда он приезжал в Тифлис. В изящных выдвижных ящичках старинного шкафа хранились когда-то письма, полученные Смирновой от ее великих современников. Эти хрустальные подсвечники тонкой работы освещали гостиную салона. Эта камер-юнкерская шляпа времен Пушкина. Эти великолепные альбомы она привезла из Италии — в них гравюры замечательных мастеров. Эти книги любила она читать, возможно, их перелистывал Пушкин.

«Трудно переоценить значение произведений изобразительного искусства, старинной мебели, убранства, книг, драгоценных реликвий пушкинской эпохи — уникального собрания, принадлежащего семье правнука выдающейся современницы А. С. Пушкина»,— пишет директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. Н. Петай.

Дом Смирновых давно уже стал одним из центров культурной жизни Тбилиси. Вскоре здесь будет создан музей.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Тбилиси.



КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Офицерское звание. 7. Русский писатель и историк XVIII—XIX веков. 8. Промысловая морская рыба. 10. Поделочный полудрагоценный камень. 11. Опера Д. Верди. 13. Короткий густой начес на поверхности ткани. 14. Древнее государство. 15. Действующее лицо комедии В. Шекспира «Укрощение строптивой». 16. Костюм космонавта. 18. Часть мола. 22. Разменная монета в США. 23. Осадочная горная порода. 24. Газ. 25. Русский электротехник, изобретатель. 27. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Чародейка». 29. Городская железная дорога.

По вертикали: 1. Разновидность почвы. 2. Французский писатель XIX века. 3. Женская накидка. 4. Музыкальный знак. 5. Углубление в стене здания. 6. Птица, гнездящаяся в хвойных лесах. 7. Степень подготовленности рабочего, специалиста. 9. Способ изображения на чертеже. 11. Остров у берегов Южной Америки. 12. Внешняя часть водного пространства гавани. 17. Специалист занимающийся изучением Вселенной. 19. Курорт в Азербайджане. 20. Декоративное вечнозеленое травянистое растение. 21. Советский академик, физикохимик. 26. Пушной зверек. 28. Категория товара, готовой продукции, обладающих определенным качеством.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 1. Восток. 4. Каскад. 8. Островский. 11. Сунжа. 12. Танго. 13. Галера. 15. Кварта. 16. Медаль. 17. Батист. 18. Лекало. 20. Ангара. 23. Кокос. 25. Кроки. 26. Аристотель. 27. Романс. 28. Реестр.

По вертикали: 2. «Тоска». 3. Карета. 4. «Костер». 5. Свифт. 6. Парсек. 7. Король. 9. Антарктика. 10. Инкассатор. 13. Галета. 14. Амплуа. 17. Боксер. 19. Орисса. 21. Наксос. 22. Ректор. 24. Серна. 25. Колье.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: О. Кипренский. Портрет А. С. Пушкина. 1827. Государственная Третьяковская галерея.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Реликвии пушкинской эпохи (Тбилиси). А. О. Смирнова-Россет. Художник Реми * Это бюро видел Пушкин * Гостиная * Книги, визитные карточки, камер-юнкерская шляпа, бюст Смирновой-Россет работы К. Вигмана — 1834 год * Уголок салона с портретом его хозяйки, выполненным художником Винтергальтером.
(См. в номере материал «Салон Смирновой-Россет»).

Фото Г. Розова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 14.05.79. Подписано к печати 30.05.79. А 00667.
Формат $70 \times 108^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1262. Заказ № 627.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

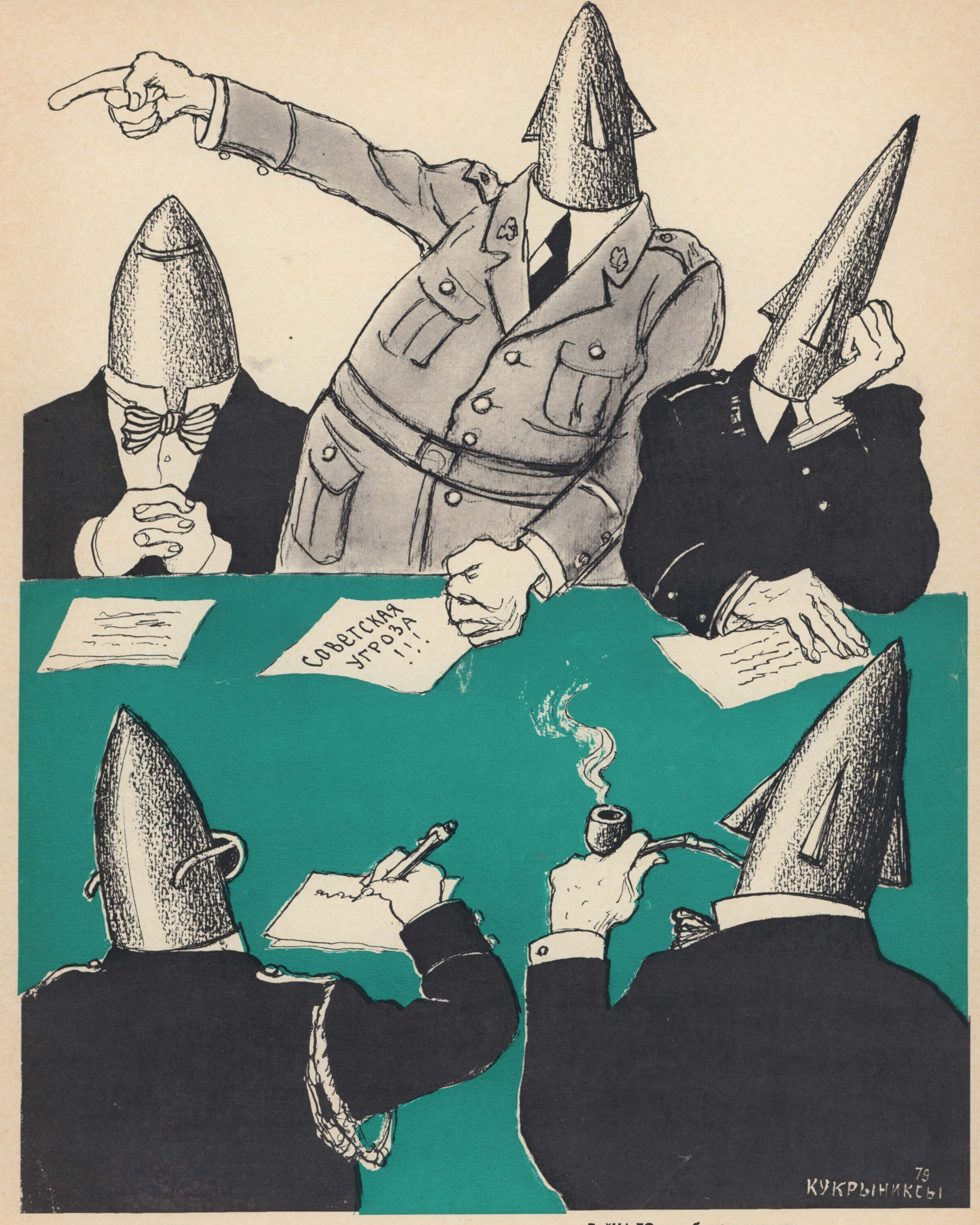


Рисунок КУКРЫНИКСОВ

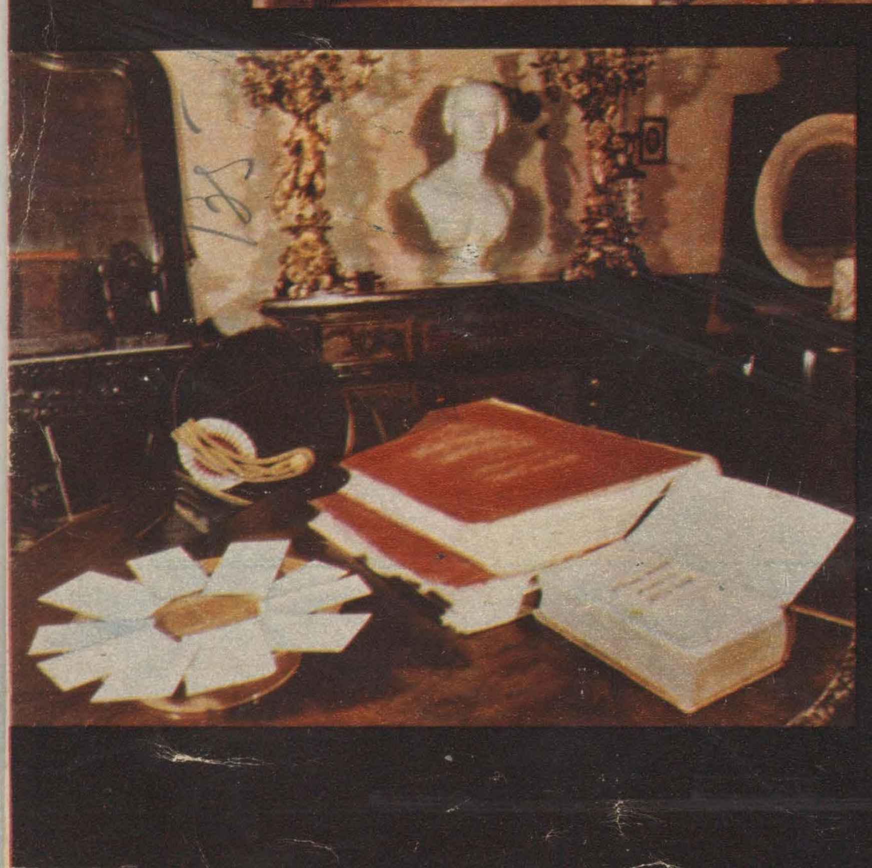
ВойНА ТО, чем больны коллеги,
Боеголовые стратеги.

Дм. Демин











Цена номера 35 коп.
Индекс 70663